

Виталий Вавикин

ВЕНДАРИ

Книга третья

Глава первая

Луна была полной и настолько яркой, что ее белый свет, пробиваясь сквозь пушистые облака, создавал впечатление, словно они плывут позади луны, а не перед ней. Доктор Синдзи Накамура стоял запрокинув голову и смотрел на небо, мечтая стать теми далекими облаками. Он был гениальным гинекологом, услугами которого пользовались как известные кинозвезды, так и успешные политики, миллионеры, влиятельные приезжие иностранцы... Впрочем, доктор и сам был иностранцем в этой стране фастфуда, корпораций и лучезарных улыбок кинозвезд. Еще говорят, здесь некогда жили такие великие писатели, как Френсис Скотт Фицджеральд, Джером Сэлинджер, Кен Кизи, Уильям Фолкнер, Эрнест Хемингуэй... Коллега по работе, с которой у Накамуры в последний год завязалась теплая дружба, обещавшая перерасти в нечто большее, приносила ему книги великих классиков этой чужой страны, но он так и не понял творчества большинства из них.

— Наверное, виной всему, что английский не мой родной язык, — сказал он коллеге, стараясь не обидеть ее чувств и увлечений.

— Или ты просто не любишь художественную литературу, — улыбнулась Сара Гамильтон.

Их отношения развивались выверенно, настороженно, словно хищник в саванне крадется к зазевавшейся зебре. Все ближе и ближе, чтобы настигнуть жертву одним прыжком, не утруждая себя долгой погоней. Но последний прыжок так и не состоялся. В приемную клиники пришла беременная женщина. Ее босые ноги оставляли позади кровавые следы. Была уже почти полночь. Доктор Накамура переодевался, готовясь отправиться домой. Он чувствовал усталость и покой. Ребенок у жены политика родился здоровым и крепким. Сами роды были быстрыми и легкими. В этой стране у Накамуры вообще все получалось быстро и легко. Карьера ползла в гору, в деньгах нужды не было. Он смог исполнить мечту, которой был одержим после развода с первой женой, — найти суррогатную мать и завести ребенка. Контора, подыс-

кавшая ему суррогатную мать, потратила на это почти год — Накамура хотел, чтобы женщина была азиаткой.

С тех пор прошло уже двенадцать лет. Дочь Накамуры звали Юми-ко, и отец растил ее, пытаясь вложить в воспитание часть японских традиций. Не фанатично, нет, но сохранить хотя бы уважение, которого, по мнению Накамуры, не хватало многим в этой чужой стране. Большинство других предпочтений Юми-ко могла выбрать себе сама. Такой же подход был у Накамуры и к женщинам. Причем притворное уважение замечалось почти сразу. У Сары Гамильтон не было притворства. Она не подстраивалась под Накамуру, но и не пыталась подстроить его под себя. Они просто сошлись, совпали... И Накамура уже видел их будущее — их семью, их детей, их дом. Но Сара погибла. В эту темную, беспокойную ночь, когда на небе была такая яркая луна, что облака не могли скрыть ее, таяли в серебристых лучах, отступая на второй план.

Сару Гамильтон убил ребенок, который родился у пришедшей в клинику женщины. Она не просила о помощи, не разговаривала. Женщина умирала. Не было времени отправить ее и в другую больницу. Никто не знал ее имени. Она просто пришла в приемную, оставляя кровавые следы, и упала без чувств. Накамура принял решение оперировать, надеясь спасти ребенка. Его ассистентом была Сара Гамильтон. Все делалось в спешке. Атмосфера буквально искрилась нервозностью... Пара разрезов. Тампон. Отсос... Свет в операционной замигал. Накамура замер. В месиве кишок и крови появился ребенок. Накамура протянул к нему руки. Острые зубы вцепились ему в пальцы. Ребенок завертел головой, пытаясь оторвать желанную плоть. Свет снова заморгал. Зубы ребенка клацнули. Шок притупил боль. Накамура и не понял, что лишился первых фаланг на трех пальцах. Он отступил назад, растерянно уставился на полученные раны. Сара Гамильтон не заметила этого. Она заняла его место и попыталась извлечь ребенка из брюшной полости уже мертвой женщины. В мерцании света Сара не видела, что ребенок, вернее, не ребенок, а рождавшийся монстр, съел часть желудка матери.

Ребенок-монстр почувствовал новую жертву, зашипел и неожиданно прыгнул на Сару, разрывая ей шею. Фонтаны крови брызнули к потолку. Сара захрипела, повалилась на спину. Другие ассистенты замерли. Замер, казалось, весь мир. Взорвались установленные под потолком лампы, но никто не пошевелился. В темноте было слышно, как осколки стекла осыпаются на пол. Никто не видел ребенка-монстра. Никто не знал, сколько прошло времени, прежде чем в операционную вбежала охрана клиники. Свет из коридора ворвался в темное, залитое кровью помещение. Сара Гамильтон была мертва, лишь конвульсивно дергалась ее левая нога. Ребенок-монстр почти оторвал ей голову — остался

лишь позвоночник, который не пришелся ему по вкусу. Сам ребенок исчез. Теплый ветер задувал в разбитое окно операционной.

Накамура не помнил, как и кто обработал ему раны, наложил повязку. От обезболивающего он отказался, да и не было боли — шок все еще сжимал сознание своей ледяной рукой мертвеца. Не было желания и ехать домой. С дочерью побудет сиделка — Накамура договорился об этом, когда принял решение спасти ребенка безымянной женщины... Ребенка-монстра...

Он вышел из больницы, пытаясь отдышаться. Ночной воздух трезвил, возвращал ощущение реальности. Вместе с реальностью возвращалась и боль. Но боль сейчас была желанной. Боль напоминала Накамура, что он все еще жив... Тело начало дрожать. Все мысли устремились к дочери. Он мог умереть сегодня. Юмико могла остаться одна в этом мире... Накамура вздрогнул, увидев, как метнулась тень, прячась от фонаря в зарослях магнолии. Что это? Воображение или ребенок-монстр пришел за следующей жертвой? Накамура вернулся в приемную всполошившейся клиники.

— Кажется, я что-то видел снаружи, — сказал он охраннику.

Они вышли на улицу вместе. Накамура указал на заросли магнолии. Охранник расстегнул кобуру, подался вперед. Тени затаились, отступили назад.

— Будь осторожен, — сказал Накамура охраннику.

В кустах определенно кто-то был. Охранник шагнул вперед — крепкий мужчина лет тридцати, который явно не верил в истории о ребенке-монстре. Вот только ребенку-монстру было плевать на то, верят в него или нет. Он просто был и все. Накамура услышал, как вскрикнул охранник, когда черная тень опутала его ноги. Плоть растворилась, сползла с костей. Охранник упал на колени. Ребенок-монстр вцепился ему в горло в тот самый момент, когда охранник достал оружие. Гроыхнули два выстрела. Пули попали в цель. Ребенок-монстр упал на спину, оставив свою жертву. Охранник хрипел, зажимая разорванное горло левой рукой, продолжая держать оружие в правой. Никто не услышал выстрелов, никто не выбежал из клиники. Накамура был один — здесь, среди этого безумия, закончившегося, как он думал, еще в операционной. Ребенок-монстр не двигался. Черные, живые тени тянулись к нему, словно собирались сожрать так же, как это случилось с ногами охранника. Кровь, хлеставшая из горла охранника, не интересовала их.

— Кто-нибудь, помогите! — заорал Накамура, понимая, что это единственное, на что он сейчас способен. — Кто-нибудь... — крик застрял в горле, когда доктор увидел, что ребенок-монстр поднимается на ноги.

Накамура посмотрел на охранника, но тот уже упал, уткнувшись лицом в идеальный газон. Но охранник все еще был жив. Ребенок-монстр

подполз к нему, разорвал спину и, достав почку, съел. Накамуру вырвало. Ребенок-монстр поднял голову и уставился на Накамуру, уставился на пищу. И пища эта была еще жива. Она определенно нравилась ему больше, чем мертвый охранник. Лицо ребенка-монстра засветилось, челюсть вытянулась. Он зашипел, готовясь к прыжку. Накамура попятился. Ноги были ватными, но он попытался бежать. Ребенок-монстр догнал его за пару прыжков, ударил в спину. Накамура не удержался на ногах, взмахнул руками, упал, ударившись лицом об асфальт. Мир вспыхнул перед глазами россыпью звезд. Ребенок-монстр был крохотным, но в нем чувствовалась сила десятка взрослых. Накамура слышал его шипение, слышал, как клцают зубы.

— На помощь! — крикнул он из последних сил, не надеясь на спасение.

Но спасение было близко. Не в стенах клиники, нет. Спасение скрывалось в темноте, ожидало своего часа. Для него это была охота. Охота на ребенка-монстра, на безумное наследие своего рода. Накамура не видел своего спасителя — только его ноги. Ботинки чистые, дорогие, как и брюки. Все черное, строгое. Мужчина появился, казалось, ниоткуда, сбросил со спины доктора ребенка-монстра, словно тот был пушинкой. Накамура видел, как зашипел монстр, бросился на мужчину. Пара ударов раздробила кости, сильные руки свернули шею. Искалеченное тело ребенка-монстра упало на асфальт. Но он был жив, поднимался, вправляя кости. Этот треск охлаждал кровь Накамуры, но затем он увидел, как сошлись в бою тени — одни принадлежали ребенку-монстру, другие мужчине в черном строгом костюме. Тени пожирали друг друга, захлебывались в своем голодном пиршестве. Но силы были неравны.

Не прошло и минуты, как теней, принадлежавших ребенку-монстру, не осталось. Тени мужчины в черном костюме окружили маленького ненасытного монстра. Ребенок зашипел, сделал ложный выпад, имитируя атаку, и метнулся к спасительным зарослям магнолии. Тени мужчины в костюме ждали этого. Ожившая тьма превратилась в бурный горный поток, который разверзся и поглотил ребенка-монстра, оставив от него густую, источавшую зловоние жижу. Верил ли доктор Накамура, что мир тьмы поднялся из небытия и явил ему свое лицо, свою сущность? Нет. Верил ли он в то, что видит, верил ли своим глазам? Да. Но сознание закрывалось, блокировало восприятие, оставляя первичные инстинкты, кричащие в его голове: «Беги, спасайся!» И Накамура не мог противиться этим первозданным, древним инстинктам. Он стал жертвой, зеброй в саванне, которая чувствует опасность и бежит со всех ног. Так же бежал и доктор. Он очнулся лишь в залитой светом приемной клиники. Овернулся, посмотрел сквозь стеклянные двери на подъездную дорогу, где мгновение назад разверзся ад.

— С вами все в порядке? — спросила его женщина в приемной.

Доктор не ответил. Он стоял, прижимаясь к холодному стеклу входных дверей, не замечая, что оставляет на них кровавые отпечатки своих разодранных во время падения ладоней.

— Доктор? — женщина в приемной подошла к нему и тронула за плечо.

Накамура дернулся, словно его ударило током, обернулся, уставился на женщину, испуганно пятившуюся назад. Ее страх помог доктору успокоиться, собраться, а яркое освещение убедило в нереальности всего, что случилось с ним минутами ранее: ребенок-монстр, мужчина в костюме, сражение теней. Может быть, у него был просто нервный срыв? Это был долгий безумный день. У кого не сдадут нервы?! Накамура вспомнил смерть Сары Гамильтон. Могло ли это ему померещиться? Да, в подобное было поверить проще, чем в реальность всего, что он видел. Люди вообще быстрее поверят в свое собственное безумие, чем в нечто выходящее за рамки воспринимаемой ими реальности. Так же готов был поступить и Накамура — зарыться головой в песок, как страус, и притвориться, что ничего не было. Вот только как быть с трупами Сары Гамильтон и охранника, да и в морге лежало тело беременной женщины, ребенок которой сожрал часть ее внутренностей. И еще эти санитары и ассистенты, уцелевшие в операционной! Они шептались и косились в сторону доктора, пытавшегося все отрицать.

— Все станет ясно, когда я проведу вскрытие, — сказал Накамуре знакомый патологоанатом.

— Что ясно? — растерялся Накамура.

Этот разговор случился уже ближе к вечеру следующего дня.

— Я не видел свою дочь почти двое суток, — устало сказал Накамура патологоанатому.

Друг кивнул. Друг все понимал. Сначала безумная ночь, потом смерть охранника на глазах Накамуры, утро, допросы приехавших детективов. Сколько чашек кофе за этот день выпил Накамура? Сколько седых волос прибавилось у него?

— Езжай домой, — сказал ему патологоанатом, сказал человек, который провожал людей в последний путь, человеку, который помогал детям появляться на свет. — Если будет что-то интересное, то я тебе позвоню.

Накамура кивнул. Он был истощен, измотан. Все, о чем он сейчас мечтал — вернуться домой, поцеловать дочь, принять душ и лечь спать. И никаких звонков! Никаких новых известий! Но патологоанатом позвонил, едва Накамура успел отъехать от больницы. Позвонил, чтобы сказать, что тело пропало.

— Ничего не осталось, только черная, зловонная жижа, — сказал патологоанатом.

Накамура никому не говорил о том, что видел ночью. «Но как же тогда патологоанатом смог узнать эти детали?» — спрашивал он себя снова и снова. Отпустив сиделку, Накамура уложил дочь спать и долго стоял в дверях ее комнаты — девочке всегда нравилось засыпать, зная, что отец наблюдает за ней, прогоняет все страхи и всех монстров, способных спрятаться у нее под кроватью. Но монстры те были вымыслом детского сознания, а Накамура знал, что существуют и реальные твари, которых скрывает ночь. И тварей этих он уже не сможет прогнать. Накамура не признался в своем страхе даже себе, но страху было плевать. Липкий и тягучий, словно черный деготь, он пробирался в сознание, заполнял грудную клетку, не позволяя сделать глубокий вдох. Накамура закрыл все окна. «Просто холодная ночь», — попытался он обмануть себя. Но как избавиться от темноты, которая сжимает дом, просачивается сквозь стены? Накамура увидел, как одна из оживших теней скользнула по стене, спряталась под журнальным столиком. Доктор спешно включил светильник. Тень зашипела, заметалась, скрылась под диваном.

— Я схожу с ума, — сказал себе Накамура, но удержаться, чтобы не заглянуть под диван, не смог.

Тень зашипела.

— Нет, все это у меня в голове, — прошептал Накамура и протянул руку, надеясь, что реальность сможет развеять любой страх.

Реальность оказалась ледяной, как сам ад. Тень вцепилась доктору в правую руку. Боль обожгла сознание. Накамура вскрикнул, отшатнулся. Прицепившаяся к его руке тень выскользнула из-под дивана, попала на свет, вспыхнула и рассыпалась раньше, чем нанесла руке доктора серьезные повреждения. Ткань рубашки осыпалась, кожа покраснелась, тысячи игл пронзали плоть, но это было меньшим из того, что могло случиться. Правда, ночь только начиналась. Ночь шорохов, шепота. Живая и жаждущая найти себе жертву ночь. Накамура не двинулся — сидел и ждал, когда мир тьмы сделает следующий шаг.

Кто-то постучал в дверь. Накамура вздрогнул. Стук повторился. Доктор попытался убедить себя, что это пришел друг-патологоанатом. Теперь заставить себя подняться. Коридор. Свет мигает. Накамура подошел к двери и взялся за ручку в тот самый момент, когда кто-то на пороге постучал в третий раз. Доктор распахнул дверь. Взгляд незнакомца в черном костюме был колючим и цепким, как и хватка теней. Вот только незнакомец не боялся света. Незнакомец, спасший Накамуре жизнь в прошлую ночь. Только сейчас доктору почему-то казалось, что этот мужчина пришел не спасать, а взыскивать долги.

— Меня зовут Эрбэнус, — представился незнакомец, и Накамура увидел, как ночь забурила ожившими тенями, готовыми раздавить,

проглотить дом. Доктор помнил, как они проглотили охранника и ребенка-монстра.

— Я никому ничего не сказал, — пробормотал Накамура, чувствуя, как Эрбэнус пробирается ему в голову, изучает мысли, лишает воли, и единственное, что доктор мог противопоставить ему, — любовь к своей дочери.

Но любовь не могла побороть вселенскую пустоту, которую нес мужчина в строгом черном костюме. Любовь могла лишь родить круги в этом застывшем озере одиночества.

— Пожалуйста, не убивайте мою дочь, — взмолился Накамура, решив, что он уже мертвец.

— Никто не умрет в этом доме сегодня, — сказал Эрбэнус.

Накамура почувствовал, как в голове что-то лопнуло, из носа пошла кровь. Он пытался спрятать от чужака мысль о своей дочери, но Эрбэнуса интересовали в основном только профессиональные навыки доктора.

Эрбэнус принадлежал к молодой, искусственно выведенной расе существ, в основе которых лежало ДНК древних тварей, предпочитавших называть себя вендари. Молодые копии жили чуть больше года, развиваясь с чудовищной скоростью, в отличие от своих оригиналов. Их жизнь была сочной, стремительной. И такими же были их мысли. Если вендари могли потратить на принятие решения века, то их копии ограничивались в лучшем случае часами. Например, на свое решение изучить доктора Накамуру и отвезти в центр «Наследие Эмилиана», Эрбэнус потратил чуть больше часа. Сейчас, чтобы заглянуть в мысли доктора и оценить его профессиональные навыки, чтобы решить, подходит Накамура или нет, ему потребовалось несколько минут.

— Я никуда не пойду, — сказал Накамура, хотя Эрбэнус и не говорил ему ничего вслух, лишь показал свои мысли. Мысли молодого, наделенного властью над тенью существа. — У меня в этом городе работа. У меня дочь... Я не могу все бросить, — шептал Накамура, но чужая воля не просила. Она требовала, приказывала.

Накамура сопротивлялся, но силы были неравны. Ноги сами понесли его к черной машине Эрбэнуса. Что-то незримое сдавило горло.

— С твоей дочерью все будет в порядке, — пообещал ему Эрбэнус. — Тени присмотрят за ней, пока не настанет утро. Потом эти ломтики смерти умрут. Всегда умирают... Но до утра твоя дочь будет в безопасности.

Они сели в машину. Двери закрылись. Чужая воля, подчинившая тело, не позволила Накамуре обернуться, чтобы в последний раз посмотреть на дом, где осталась дочь.

— Только не думай, что сможешь сбежать по дороге, — предупредил доктора Эрбэнус, прочитав на перекрестке его мысли.

Накамура кивнул, но надежда на побег осталась. Невозможно было избавиться от надежды.

— Надежда — это хорошо, — сказал Эрбэнус. — У людей надежда вообще одна из главных движущих сил.

Накамура не ответил — ему не подчинялся собственный язык. Но он боролся до тех пор, пока Эрбэнус не заставил его уснуть. После этого наступила темнота. Машина покинула город. До центра «Наследие Эмилиана» было чуть больше шести часов. Эрбэнус надеялся, что сумеет добраться туда прежде, чем начнется утро. Нет, солнечный свет не мог убить его — Эрбэнус не был настолько стар, чтобы пасть от лучей светила, но они уже причиняли ему боль.

Когда начало светать, Накамура проснулся. Машина катила по грунтовой дороге, оставляя позади шлейф пыли. Сознание было свободно — доктор не чувствовал железную хватку воли Эрбэнуса. Впрочем, и бежать здесь было некуда, некого звать на помощь. «Меня убьют, и никто не найдет мое тело», — подумал Накамура.

— Если не будешь делать глупостей, то останешься жив, — сказал Эрбэнус, прибавляя скорость, чтобы добраться в центр до рассвета.

Несколько раз машину заносило так сильно, что доктор уже видел, как они падают на крышу, слышал звук бьющихся стекол, но дети Наследия учились всему так же быстро, как и жили. К тому же на их стороне была генетическая память. Сознания не были связаны, но каждый новорожденный клон вендари мог вспомнить все, что знал оригинал, генетический материал которого использовался для клонирования. Накамура увидел, как первые лучи показавшегося на небе солнца коснулись рук Эрбэнуса, сжимавших руль. Бледная кожа порозовела на глазах, затем задымилась и начала пузыриться. Эрбэнус перехватил руль так, чтобы солнце не попадало на руки, исцелявшиеся так быстро, что Накамура недоверчиво протер глаза. Отчаянно хотелось поверить, что все это странный, безумный сон, который начался с появления на свет ребенка-монстра.

— Мы называем их дикая поросль, — сказал Эрбэнус, прочитав мысли доктора.

«Вы ненормальные», — хотел сказать ему доктор, отказываясь верить всему, что видел в последние сутки.

— Мы покажем тебе их, — пообещал Эрбэнус. — Покажем, как они рождаются и как появляемся на свет мы. И еще мы познакомим тебя с нашей Матерью. Ее зовут Габриэла, и она, в отличие от нас, человек. Благодаря ей родился первый из нас — Эмилиан. Благодаря ей существует «Наследие Эмилиана». Она построила научный центр и город возле него, где мы можем жить как обычные люди. Когда-то эта организация называлась «Зеленый мир», и они занимались тем, что возрождали флору и фауну планеты. Потом мы показали организаторам другой путь.

Накамура представил, как тени пришли за каждым из организаторов и превратили в жижу, как это случилось с ребенком-монстром.

— Этот вариант рассматривался, но Габриэла сумела убедить их присоединиться к проекту, — сказал Эрбэнус.

На горизонте замаячил призрачный город, хотя Накамура еще долго убеждал себя, что это просто мираж, туманная дымка. Но дымка таяла, превращаясь в дома, окружившие возвышающееся в центре здание комплекса. Эрбэнус снизил скорость. Когда он въезжал в открытые ворота комплекса, солнце еще раз обожгло его кожу. Левая щека задымилась, но поврежденная кожа тут же восстановилась. Затем ворота закрылись за машиной Эрбэнуса. Внутреннее освещение было мягким. Несколько мужчин в строгих костюмах вышли встретить гостей. Они увидели Эрбэнуса, едва заметно склонили головы, долго смотрели на доктора Накамуру, затем, так и не сказав ни слова, удалились. Еще пару дней назад подобное заставило бы Накамуру насторожиться, но сейчас он видел в этом лишь атрибут, символику своего кошмарного сна наяву, который настырно не хотел заканчиваться.

— Пойдем, я познакомлю тебя с нашей Матерью, — сказал Эрбэнус.

Накамура не спорил. Они поднялись по лестнице, вышли в длинный коридор, по бокам которого за высокими окнами были видны террасы, где все еще продолжалось клонирование редких видов растений. Накамура подумал, что это может быть главным средством заработка для тех, кто живет в этих стенах. Да и все те ужасы, свидетелем которых он стал в последние дни, могут быть созданы здесь. Что если это какой-то эксперимент? Или оружие? Наука не знает границ. Когда-то ядерная энергия тоже казалась фантастикой, да и клонирование. Тени могут оказаться некой энергией. Накамура попытался вспомнить все, что знает о темной материи и экспериментах, связанных с ней — ничего другого ему в голову не пришло. Накамура был практиком и мог воспринимать и оценивать мир, опираясь на известные ему данные. Все остальное становилось нелепой алхимией.

— Некоторые науки старше человечества, — сказал Эрбэнус, продолжая читать мысли доктора.

Эта способность похитителя начинала раздражать доктора, заставляя чувствовать себя экзистенциально обнаженным.

— Как наука может быть старше человечества? — спросил он Эрбэнуса. — Люди создали науку. До этого были только законы физики.

— До этого были вендари, — сказал Эрбэнус. — Правда, тогда они называли себя иначе. Но и язык общения был другим. Им не нужны слова, чтобы общаться. Поэтому и название их вида не сохранилось. Они были кровожадными и ненасытными тварями, истребляя друг друга, превращая в пищу. Их самки были плодовиты и превосходили силой

самцов. Большинство самцов погибало во время спаривания, потому что самка съедала их, но инстинкт размножения был сильнее инстинкта самосохранения. Потом появился вирус. Первый вирус на этой планете. Зараженные им твари слабели. Природа сама определила, кому суждено стать хищником, а кому пищей. Лишь избранные вендари не подверглись заражению. Другие объединились в группы. Утратив собственную силу, они попытались обрести силу в единстве. Долгие тысячелетия строился новый мир, меняя одних и обособливая других. Объединившиеся в группы вендари отказались от прежней пищи, долгое время питались плотью и кровью животных, затем их организм стал способен принимать растительную пищу. Они образовали селения и построили высокие стены, скрываясь за ними от своих кровожадных предков. Ночами во дворах горели костры, чтобы прогнать теней, которых посылали голодные твари в поселения. Они не хотели убивать изменившихся сородичей — им просто была нужна пища. Но пищи вначале было мало. Поэтому вендари поделили существующий в те времена мир и начали охранять свои пастбища друг от друга. Тогда родились первые договоренности, согласно которым слабые, измененные вирусом и тысячелетиями существа приносили себя в жертву вендари, чтобы те не покушались на их поселения и оберегали от посягательств других кровожадных тварей. Но природа, забрав силу личности, позволила новому виду обрести силу общества. Поселения росли, множились. Пищи становилось все больше и больше. Утратил новый вид и вечную жизнь. Они жили быстро, спешно. Иногда их селения уничтожали самки вендари, не чтившие правила пастбищ, ведомые желанием накормить своих ненасытных детенышей. К тому времени вендари уже не питались друг другом. Возможно, именно поэтому их потомство и не было похоже на прежних вендари. Оно было кровожадным, ненасытным. Ведомые материнским инстинктом самки оберегали их, кормили, разоряя пастбища, не заботясь о том, чтобы оставить из нового вида тех, кто сможет родить потомство, пополнив стадо. Все это привело к тому, что самцы-вендари стали видеть в подобном расточительстве угрозу. Что будет, когда самки и потомство уничтожат новый вид? Детенышей было так много, что реки окрасились в кровавый цвет. Тогда самцы-вендари приняли решение избавиться от них. Самки сопротивлялись, и началась война вендари, которая завершилась полным истреблением самок и их потомства. Новый вид оправился от потери, отстроил поселения. Они плодились быстро. Некоторые покидали старые поселения, образуя новые. Жертвоприношения продолжались, но о вендари уже начали забывать. Новый вид называл себя людьми и мечтал стать королем природы. Он развивался так же быстро, как и жил, мечтая о неизведанном, непознанном, в то время как вендари жили обособленно, медленно, планируя на десятки тысячелетий вперед. Их

беспокоили только их пастбища и раскинувшаяся впереди вечность... И так продолжалось до тех пор, пока наша Мать — Габриэла — не встретила одного из вендари. Она смогла получить его кровь и создать клон — Эмилиана. Он был Первенцем. Габриэла воспитала его как своего сына, спрятала от Отца-оригинала, который убил бы Эмилиана, если бы узнал о его существовании. Но природа снова вмешалась в процесс. Она позволила Первенцу созреть за считанные недели. Он вырос, окреп, питаясь сначала кровью Габриэлы, а затем и простых людей. Последнее помutilo его рассудок. Он забыл все, чему научила его Габриэла, и отправился на пастбища Отца, чтобы сразиться с ним, став новым хозяином. Его направляло безумие и голод, доставшиеся от вендари вместе с их силой, но в конце своего пути Эмилиан смог победить пустоту и отчаяние, вернуться к Габриэле и организовать вместе с ней этот центр. Мы называем его «Наследие Эмилиана».

Они подошли к дверям во внутренний двор. Солнце уже встало и щедро поливало лучами сотни возрожденных лиственных деревьев внутри. Эрбэнус открыл Накамуре дверь, но сам остался в тени. Доктор увидел женщину. Она сидела на каменной скамье, окруженная папоротниками и цветами, которые считались вымершими тысячелетия назад.

— Это Габриэла, — сказал благоговейно Эрбэнус доктору. — Это наша Мать.

Он жестом указал, что Накамура может подойти к ней, и, когда доктор перешагнул порог, закрыл за ним дверь. Накамура обернулся, но за окном Эрбэнуса уже не было. Клон древних созданий шел по коридору, туда, где проходила обучение молодая поросль. Легенда гласила, что эту форму обучения совместно с Габриэлой разработал Эмилиан в последние недели своей жизни. С тех пор изменилось не так много. Лишь классов стало чуть больше, но Габриэла не спешила повышать популяцию. Эта мудрая, постаревшая и посидевшая Габриэла. Молодая поросль считала, что Мать живет почти целую вечность — век кажется долгим для тех, кто живет год. Но у Габриэлы не было вечности. Что будет, когда ее не станет? Что будет с этим комплексом? Что будет с Наследием? Эрбэнус пытался не думать об этом, но после встречи с Илиром — другом, с которым они вместе проходили обучение в этих стенах еще детьми, — черви сомнений поселились в сознании Эрбэнуса. Черви, которые, родившись в голове Илира, лишили его рассудка. Поэтому Эрбэнус и пришел за доктором Накамурой. Не для Илира, нет — Илиру уже никто не мог помочь. Но была еще женщина — Клео Вудворт, которую оплодотворил Илир, привез в Наследие и сказал, что пришло время перемен. Эрбэнус лично допрашивал бывшего друга, а затем забрал его жизнь, пресекая безумие и сомнения. Но черви сомнений уже отложили личинки и в его голове.

Илир говорил, что Мать, Габриэла, должна жить вечно. Но для этого ей нужна кровь вендари. Без Габриэлы Наследие рухнет. Вот только сама Габриэла не желала вечности, лелея и оберегая свою человеческую сущность. Именно поэтому она и решила найти для Клео Вудворт лучшего врача, чтобы он спас ее. Хотя Клео Вудворт и не была идеальным человеком. Она жила с отступником человечества Эндрю Мэтоксом, который, согласно легенде, был знаком с Эмилианом. Ходили слухи, что Первенец помог Мэтоксу пленить вендари-Отца, кровь которого легла в основу всего Наследия, но Эрбэнус не верил в это.

— Я тоже раньше не верил, — сказал ему на допросе Илир. — Но легенды врут. Перед тем, как убить Мэтокса, я заглянул ему в мысли. Там была история Эмилиана. Настоящая история. Наш Отец, которого должен был убить Первенец, был пленен с его помощью. Мэтоксы держали его в подвале, пили его кровь, продлевая свою жизнь. Эти особенные Мэтоксы. Ты знаешь, они не похожи на обычных людей. Клео Вудворт является носителем вируса двадцать четвертой хромосомы, который не превратил ее в уродца, а лишь сделал непригодной для вендари. Но она все еще способна заразить других людей. Правда, на Эндрю Мэтокса этот вирус не действует. Природа сделала его особенным. Всех, подобных Мэтоксу, сделала особенными. Это новый вид, как и мы, понимаешь? Они сильнее обычных слуг, которые принимают кровь вендари...

Затем Илир рассказал, как нашел семью Мэтокса, как следил за ней — за всеми, кто собирался в том проклятом доме на Аляске. Рассказал он и о своей битве с этим новым видом людей и вендари по имени Гэврил, которого они держали в подвале.

— Слухи не врут, — сказал Илир. — Первенец действительно не уничтожил Отца. Он дал ему шанс, сделав рабом Эндрю Мэтокса и его семьи... И я не хотел их убивать. Клянусь, не хотел... Но если бы ты узнал то, что показала мне одна из них... Это было отвратительно. Дочь Мэтокса... Она ждала ребенка от Гэврила. Ребенка вендари. Первого за долгие тысячелетия. Ты понимаешь, что это значит? Природа возрождает их самок. Природа возрождает забытые времена. Это будет конец. Конец нам. Конец людям. Потому что вендари уже не те воины, что могли дать бой своим самкам. Они либо падут, либо отступятся. Поверь мне, я знаю это, понял, когда сражался с Гэврилом, с нашим Отцом. Мудрость оставила его. Остались лишь пустота да одиночество вечности.

— Я не верю, что ты бросил вызов Отцу, — сказал Эрбэнус. — Не верю, что Эмилиан пленил его для Мэтокса, вместо того чтобы забрать жизнь.

— Гэврил сражался за своего ребенка, которого вынашивала дочь Мэтокса.

— Нет.

— Загляни в мои мысли.

— Нет.

— Боишься правды?

— Не хочу нарушать закон Эмилиана. Наследие не использует свои силы друг против друга.

— Я не предлагаю тебе подчинять мой разум. Я предлагаю просто увидеть то, что уже открыто. Или ты предпочитаешь оставаться слепцом?

Эрбзус и сам не знал, почему принял этот вызов. В тот день он увидел не только как безумие подчинило себе сознание Илира. В тот день он почувствовал это безумие. Безумие и сомнения. Крохотный город на Аляске был залит кровью. Илир метался от дома к дому и осушал невинных жителей, набираясь сил для сражения с Мэтоксами, их гостями и вендари, ребенка которого носила под сердцем Ясмин — дочь Эндрю Мэтокса. Сам Эндрю Мэтокс не знал об этом. С Ясмин вообще все было сложно. Эндрю Мэтокс узнал о своих способностях, будучи зрелым и состоявшимся мужчиной. Его дети знали о том, что они особенные, с рождения. Кровь Гэврила пробудила их способности. И если брат Ясмин принял свою судьбу, то Ясмин хотела стать самой обыкновенной. Это желание появилось не сразу. Сначала ей нравились сверхспособности. Это было подобно снам, которые можно построить самому — сознание Ясмин объединялось с братом, создавая новые реальности, где они могли быть теми, кем захотят. Нравились ей и друзья родителей, игравшие иногда с ней и братом в построенных ими мирах. Они приезжали в гости довольно часто. Парами и поодиночке. Постоянным гостем была девушка по имени Фэй. Будучи ребенком, Ясмин считала ее крестной матерью, хотя сама Фэй предпочитала, чтобы девочка называла ее подругой. Фэй, у которой был роман с отцом Ясмин, правда, сама Ясмин тогда еще не понимала, что это значит. Она лишь подсмотрела эти мысли, эти воспоминания. Впрочем, отец никогда и не скрывал от матери своей связи с Фэй. Это была странная семья, пусть соседи и считали их самыми обыкновенными. Во-первых, мать и отец никогда не любили друг друга, лишь неумело притворялись вначале, чтобы не огорчать детей. Как-то раз Клео Вудворт попыталась сбежать с другим мужчиной, но после их близости он заразился вирусом, превратившим его в уродца — Ясмин подсмотрела и это в мыслях матери, тем более что читать ее мысли не составляло труда, ведь Клео не была сверхчеловеком.

— Печально, что у тебя ничего не вышло, — сказал Мэтокс, когда узнал о связи Клео с другим мужчиной. — Хотя бегство, на мой взгляд, было лишним. Я же не сбегаю с Фэй.

— Если ты сбежишь с Фэй, то она бросит тебя так же, как бросает всех других, — сказала Клео. — Признайся, Фэй возвращается к тебе, потому что ее устраивает твое положение и что у тебя в подвале есть вендари.

— Может быть, — согласился Мэтокс.

Иногда Ясмин пыталась понять, любил ли он вообще хоть кого-то? Потому что любовь для девочки начальных классов представлялась еще чем-то божественным. Мэтокс действительно любил. Но только не Клео — точно. И не Фэй. Он любил слугу вендари, слугу Вайореля. Девушку звали Крина, и ее убили свихнувшиеся слуги. Потом Мэтокс убил их и привел Эмилиана к Вайорелю. Все это Ясмин видела в мыслях отца, хоть он и прятал их от своего ребенка. Узнала Ясмин и то, что мать заразилась вирусом по вине отца. Но мать простила отца. Он подкупил ее вечностью, которую обещала кровь вендари, как когда-то его подкупила Крина. Правда, в те дни Мэтокс не жаждал вечности. Не жаждала вечности и Крина. Ясмин многого не понимала в этих отношениях, но чувствовала, что в них действительно было что-то волшебное. Словно чувства и плоть стали одним целым. Позднее Ясмин стала подсматривать за ментальными вакханалиями в вымышленных мирах, которые устраивали Мэтоксы с другими сверхлюдьми. Это был их общий внутренний мир.

Обычно новых друзей привозила Фэй. Это было смыслом ее жизни — скитаться по стране в поисках похожих на нее и Мэтокса людей. Мужчины, которых привозила Фэй для Клео, не нравились Ясмин. Впрочем, не нравились ей и женщины, предназначенные отцу, потому что это раздражало мать, которая смирилась с Фэй, но остальных отказывалась принимать, закатывая мужу скандалы. Скандалы из-за женщин для него, скандалы из-за мужчин для нее. Она хотела иметь право выбора, но вирус щадил лишь этот новый вид людей. И это бесило Клео. Бесил сам факт, хотя в действительности она уже давно устала от всех этих отношений, которые были у нее до того, как вирус попал в кровь. И еще ее бесило, что Эндрю Мэтокс так счастлив, когда приезжает Фэй. Этой паре, казалось, и не нужны никакие ментальные проекции, чтобы побыть вдвоем.

Ясмин слышала, как ночами отец идет в комнату для гостей, где спит Фэй. Девочка затыкала уши, надеясь, что это поможет блокировать чужие чувства и мысли, которые она могла читать. Пошлые мысли... Но отец и Фэй иногда просто разговаривали всю ночь. Или лежали на кровати рядом. Мать не знала об этом, злилась, ревновала и шла к мужчинам, которых привозила Фэй. Но и в тех постелях Клео обычно ждало фиаско, как это случалось и в жизни до вируса. Ясмин нашла в воспоминаниях матери и название операции, которую предлагал ей сделать один знакомый хирург — кольпорафия. Это слово долго пугало Ясмин, ассоциируясь с чем-то темным и мрачным, как мысли вендари, которого отец держал в подвале. Лишь в старших классах она смогла понять, что в действительности означала эта операция, но мерзкие ассоциации не прошли, лишь сменились чем-то другим, идентичным. Нечто подобное Ясмин чувствовала, и когда Фэй один год жила сразу с двумя муж-

чинами. Ясмин заглядывала в мысли отца, но там не было ревности и злости. Злилась вновь Клео, решив, что Фэй привезла этих мужчин для нее — наигралась и решила избавиться, подарив отбросы жене своего единственного постоянного любовника.

— Ты действительно этого хочешь? — орала Клео на Мэтокса.

— Я вообще ничего не хочу, — пожимал он плечами. — И тебя никто ни к чему не принуждает.

Но закончилось тогда все, как и обычно — мерзко и грязно. Система дала сбой лишь однажды, когда Фэй привезла женщину. Женщину не для Мэтокса, как это уже случалось, а женщину, которой нравились женщины. В тот раз Ясмин отметила, что и отец держался как-то отстраненно, зато не было ни ссор, ни скандалов. Они, как обычно, принимали кровь вендари, но на этом все закончилось. Потом Фэй бросила эту женщину... Странно, но именно Фэй показала Илиру, что в подвале их дома находится плененный вендари. Это была просто случайность. Такая же, как то, что он узнал о беременности Ясмин. Близость с Гэврилом была ее выбором, желанием стать не такой, как семья, которая выкачивает из него кровь. Никогда прежде Илир не видел ничего более отвратительного. Чувства были такими яркими и чистыми, что Эрбэнус, изучая их, не смог закрыться и позволил отвращению заполнить свой разум, свое сердце. После этого наблюдать за расправой Илира над Мэтоксами и гостями в их доме было даже приятно. Потом Эрбэнус увидел Гэврила. Отец не мог победить Илира, но он надеялся замедлить его, позволив Ясмин бежать, после того как она освободила его от пут и напоила кровью своего бывшего парня. Эрбэнус видел в мыслях Илира, как Гэврил поднимается по лестнице, выходит из подвала. Дом Мэтоксов горел. Сам Эндрю лежал у ног Илира — мертвый с выдавленными глазами.

— Ты понимаешь, что не сможешь победить? — спросил Илир Отца Наследия.

Гэврил не ответил — счел ниже своего достоинства отвечать. Тени окружили пылающий дом. Тьма забурлила, словно два океана встретились и ни один не собирался уступать другому. Затем силы Гэврила кончились — сказались годы голода, да и не могли вырождающиеся вендари соперничать с детьми Наследия. В глазах Отца не было страха. Он принял смерть с холодным, горделивым безразличием. Илир не понял этого. Он был разочарован. Битва длилась не больше пары минут. Ясмин сбежала, унесла в своем чреве ребенка вендари. Рассвет озарял залитую кровью улицу. Скольких в эту ночь убил Илир? Двадцать человек? Сто? Он оглядывался по сторонам, пытаясь отыскать, на что бы еще обрушить свой гнев. Но все вокруг были мертвы... Почти все. Илир увидел Клео Вудворт — услышал, как хлопают ее глаза. Заглянуть в ее мысли было просто — она не была сверхчеловеком. По сути, употребляя

кровь вендари, она превратилась в обыкновенную слугу. Мысли Клео не понравились Илиру. Особенно ее воспоминания. Голодные тени потянулись к уцелевшей женщине, но Илир прогнал их. Он хотел забрать ее жизнь своими руками. Клео поняла это по его глазам. Где-то рядом лежал с выдавленными глазами ее муж. Кровь вендари сохранила этим людям молодость, но наделила сердца пустотой и одиночеством.

— Кричи, — велел Илир Клео. — Умоляй пощадить тебя.

Но Клео молчала так же, как молчал прежде Гэврил. И не было в ее глазах страха.

— Почему ты не боишься меня? — спросил Илир.

— Ты забрал у меня всех, кто был мне дорог, — сказала Клео. — Мне не за кого больше бояться.

— Ты можешь бояться за себя.

— Я видела вещи и страшнее, чем свихнувшееся отродье. Для меня ты лишь акула, которая почувствовала кровь. Всего лишь машина для убийства. Разве машину можно бояться?

Илир не хотел, но не мог удержаться, чтобы не заглянуть в мысли Клео, узнать, кто или что напугало ее в прошлом.

— Почему ты боялась вендари и слуг больше, чем сейчас боишься меня? — спросил он.

— Потому что они только обещали забрать у меня все, что я люблю, а ты уже забрал, — Клео запрокинула голову и закрыла глаза, ожидая, что Илир разорвет ей горло.

Он боролся со своим гневом. Боролся с эхом дикой поросли. Но пролитая в эту ночь кровь уже переступила точку невозврата. Голод был абсолютным. Как и желание. Чистое, не разбавленное желание, благодаря которому дикая поросль продолжала существовать. Клео не кричала, не сопротивлялась. Дом горел, и жар подбирался к ней, но Клео было плевать на все, включая Илира, который прижал ее к полу, разрывая плоть и одежду. Метаморфозы изменяли его тело, лишая постоянства. Он рычал, изо рта текла слюна и выпитая кровь. Клео отвернулась, и слюна капала ей на щеку. Илир забылся, отключился. Оставались лишь инстинкты. Одна минута, вторая. Все закончилось быстро, взорвавшись опустошением. Способность мыслить вернулась к Илиру. Клео все еще была жива.

— Твоя дочь ждет ребенка от вендари, — сказал он изнасилованной женщине.

Клео вздрогнула, безразличие дало трещину. Илиру понравился ее страх, и он показал ей все, что было известно ему самому о Ясмин, затем попытался подняться, но вирус, которым была заражена Клео, парализовал его тело. Приближалось утро.

— Надеюсь, солнце сожжет тебя, — сказала ему Клео и поползла к выходу.

Илир попытался догнать ее, но не смог. С одной стороны к нему подбирался огонь, с другой солнце. Огонь мог причинить боль, но не забрать жизнь, но вот солнце и вирус... Илир пополз в глубь дома, к подвалу, где недавно содержался Гэврил. Часть крыши обвалилась в тот самый момент, когда Клео добралась до дороги. Она обернулась и долго смотрела, как огонь и черный дым устремляются в небо. Древесина трещала, стены клонились. Пламя добралось до трупов — Клео чувствовала запах горелой плоти, представляя, что вместе с ее семьей горит и убийца. Где-то далеко завывали сирены пожарной машины. Вскоре появилась полиция и неотложка. Клео увезли в больницу. Врачи осмотрели ее и передали федералам, которые приехали сразу, как только стало известно количество жертв.

Клео отмалчивалась, понимая, что правду люди не примут, а врать нужно продуманно, иначе сгусишь над своей головой и без того черные тучи. Она лишь надеялась, что у нее появится возможность убраться из города, затеряться где-нибудь подальше от Аляски. Потому что если она не сделает этого, то Илир придет за ней. Сколько еще дней его будет сдерживать вирус? Рано или поздно организм твари очистится, и тогда бежать будет поздно. Уклончиво отвечая на вопросы федералов, Клео надеялась, что у нее есть пара дней в запасе... Клео ошибалась.

Илир выбрался из подвала в этот же вечер — сразу, как только полиция и пожарные оставили пепелище. Обгорелые тела были упакованы в мешки и отправлены коронеру, который приехал вместе с федералами. Вирус еще лишал Илира сил, но в минувшую ночь он вкусил столько крови, что мог сейчас противостоять и вирусу. Нужно было лишь привыкнуть к этим внезапным вспышкам слабости. Они проявлялись неожиданно и были настолько сильными, что Илир падал на колени. Впервые это случилось, когда он пытался выбраться из подвала. Обгорелые балки блокировали выход. Илир выбил дверь, поднял балку. Ноги подогнулись внезапно и его придавило. Боли не было, но унижение заставило его зашипеть. Затем силы вернулись. Илир выбрался из подвала, раскидав перекрытия и балки. Пара случайных прохожих уставились на него, привлеченные грохотом. Илир прошел мимо них, притворяясь, что никого не замечает. Искушение убить этих зевак было велико, но он не хотел разменивать свой гнев — главной целью была последняя из семьи Мэтоксов. В эту ночь он будет жить и дышать, ведомый желанием забрать жизнь Клео. Одежда Илира была обгоревшей, изодранной в клочья, но сумерки скрывали детали. Тени отказывались подчиняться, но Илиру и не нужны были эти слуги тьмы. Он сделает все своими руками. Тем более связь с Клео была сильной и чистой. Он чувствовал ее, шел к ней, знал, где она, как пчела знает, где ее улей. Илир думал, что дело в инстинкте охотника, но причина была в другом.

Он понял это лишь когда добрался до Клео, залив коридоры больницы кровью, как день назад залил улицу, где стоял дом Мэтоксов.

Пара федералов, вышедших из палаты Клео Вудворт, расстреляли в него по две обоймы. Несколько пуль попали Илиру в голову, одна — в колено. Но пули не могли остановить его. Только вирус. Илир упал, зарычал от бессилия. Один из федералов самонадеянно подошел к искрящемуся метаморфозами существу. Илир не двигался. Федерал пнул его ногой, пытаясь опрокинуть на спину, увидел, как затягиваются раны, и выругался. Он повернулся к напарнику и велел подойти. Силы вернулись к Илиру. Федерал и не понял, как Илир успел подняться и вырвать из его груди сердце — стоял, широко раскрыв глаза, и смотрел на собственное сердце в руке искрящегося монстра. Второй федерал развернулся и побежал прочь. Илир не собирался догонять его — это всего лишь человек, один из миллиардов, ничего личного. Он вошел в палату Клео Вудворт. Все еще в больничном халате, она тщетно пыталась открыть окно, чтобы сбежать. Илир чувствовал, как упивается могуществом его инстинкт охотника. Наконец-то дичь начала играть по правилам. Но когда Клео обернулась, в глазах ее не было страха. Только презрение. Разочарование усилило гнев Илира.

— Пришел убить меня или снова изнасиловать? — спросила Клео.

Воспоминания взорвались в голове Илира отвращением. Он стыдился того, что сделал с Клео, еще больше, чем залитой кровью улицы, где жили Мэтоксы. Лишь смерть могла излечить этот стыд. Смерть Клео. Он метнулся к женщине, собираясь разорвать ей горло и смыть позор брызнувшей кровью. Но стоило ему прикоснуться к ней, почувствовать ее, как внутри что-то вздрогнуло, оборвалось и покатилося с вершины снежным комом, сметая гнев и стыд.

— Ну, чего же ты ждешь? — спросила Клео сквозь плотно сжатые зубы.

Илир не двигался, пытаясь привыкнуть к новому чувству, к новому пониманию, что внутри этой женщины зарождается жизнь, которая является продолжением его собственной жизни. Жизнь молодая и беззащитная. Ребенок. Сын. Илир чувствовал его, впитывал его жизнь, его тоску, одиночество, страх, голод. Сколько гнезд дикого Наследия Илир уничтожил лично? Сколько женщин, в чреве которых развивались голодные твари, сжирая своих матерей прежде, чем появятся на свет? Нет, сейчас Илир не хотел думать об этом. Он не такой. Его воспитала Мать, вложила ему в сердце необходимые базисы, восприятия. И его ребенок... он будет другим. Его продолжение. Его жизнь после смерти. Его собственное наследие.

Илир разжал пальцы, позволяя Клео сделать вдох. Добыча превратилась в самку. И самка вынашивала дитя Илира. Самка, зараженная вирусом двадцать четвертой хромосомы. Уже это отличало ее ребенка

от дикой поросли. Клео смотрела на своего палача и не понимала, что происходит. Особенно смущал его взгляд. В налитых кровью глазах появилась нежность. Клео могла поклясться, что видит нежность, хоть это и казалось абсолютным безумием. Не похоть, нет, а именно нежность.

— Я должен показать тебя Матери, — сказал Илир. — Одевайся.

Клео не двинулась с места.

— Ты ждешь от меня ребенка, — сказал Илир. — Поэтому я должен отвести тебя в Наследие. Теперь, когда твоя дочь сбежала с ребенком вендари, необходимо принять перемены. Наследие уже долгое время плодится клонированием. Возможно, настало время изменить нашу сущность. Наш сын станет Первенцем. Наш сын станет сильнее нас. Сильнее Эмилиана. Габриэла воспитает его, научит, как пользоваться своей силой.

— Ты спятил, — сказала Клео.

Илир показал ей свои чувства, мысли, восприятия, где был их ребенок. Затем он показал ей гнезда дикой поросли, где дети пожирают своих матерей изнутри.

— Попытаешься сбежать, и с тобой случится то же самое, — сказал Илир. — Никто не поможет тебе кроме Габриэлы.

Спустя четверть часа они покинули Валдиз, воспользовавшись машиной одной из подруг Клео, пообещавшей не сообщать об угоне в ближайшую неделю. За рулем была Клео. Первые сутки она еще думала о побеге, думала, что Илир соврал ей, показал что-то несуществующее, но затем и сама стала чувствовать своего ребенка. Не физически. Связь была ментальной. Сознание Клео чувствовало, как развивается внутри ее тела еще одна жизнь. И жизнь эта не нравилась Клео.

— Не надейся, твой вирус не убьет ребенка, — сказал Илир, прочитав ее мысли. — Он лишь замедлит его, сделает слабым, не позволив вкусить до рождения твою кровь.

Илир показал Клео Мать Наследия — Габриэлу, которая была обыкновенной женщиной.

— Она спасет тебя, — пообещал он Клео. — Спасет не ради твоей жизни, а ради жизни ребенка.

Илир показал, как Наследие воспитывает клонов Гэврила.

— Но теперь все изменится, — пообещал он Клео. — Твой ребенок все изменит...

Именно об этом он говорил и Эрбэнусу во время допроса. Вернее, не говорил — показывал в своих мыслях. И еще Илир снова и снова показывал жизнь Мэтоксов, их молодость, их вечность, гарантированную кровью вендари.

— Габриэла тоже может жить вечно, — сказал он Эрбэнусу то, что превратилось в червя сомнения. — Подумай, сколько ей осталось? Десять лет? По меркам природы это ничтожно мало...

С того разговора прошел уже почти месяц, но с каждым новым днем червей сомнения в сознании Эрбэнуса становилось все больше. Не избавила от этого и смерть Илира. Он не сопротивлялся, признавая, что потерял контроль на Аляске.

— Знаешь, после смерти часть меня будет жить в моем ребенке, которого носит Клео, а что останется после смерти от тебя? — спросил он Эрбэнуса.

Ответа не было. Лишь тени подобрались к Илиру и сожрали его тело и сущность. Потом был разговор с Матерью, но Эрбэнус так и не решился спросить ее о Гэвриле, боясь обидеть, разочаровать своими сомнениями. Он лишь осмелился предложить ликвидировать Клео Вудворт, пока не родился ее ребенок.

— Найди лучше для нее хорошего врача, — сказала ему Габриэла.

Так Эрбэнус вышел на доктора Накамуру, послав к нему для демонстрации женщину, оплодотворенную дикой порослью. Ситуация была под контролем с самого начала. Так было проще сломать волю доктора — люди вообще в основном верят лишь в то, что видят своими глазами, их разум не пластичен, с трудом приспособляясь к тому, что не являлось им лично. Но Накамура оказался особенно упрямым, вынудив Эрбэнуса подчинять его разум. Это было мерзко и отнимало много сил, пробуждая вечный голод, с которым приходилось жить Наследию Эмилиана. «Может быть, наши дети станут другими?» — подумал Эрбэнус, когда доставил доктора к Габриэле.

Он оставил их наедине, а сам отправился в образовательный центр, где проходили обучение дети Наследия. Их было не больше нескольких дюжин, разделенных по возрастным секторам. Учителями им стали мудрые и старые клоны. Головы некоторых были уже седые, отсчитывая последние месяцы, а возможно, и недели их жизнью. Это были лучшие представители Наследия, хотя их система образования тоже иногда давала сбой.

Эрбэнус помнил, как обучался он сам. Он и Илир. Они были лучшими в своей группе. Почти подростки, почти люди. У них были планы и мечты. Они почитали Эмилиана, как Первенца, основателя. Эмилиана и Габриэлу. Это были основы воспитания, построенного на беспрекословном подчинении. Хотя бунт до определенной степени приветствовался. Учителя отмечали желание задавать вопросы, узнавать и сомневаться. Лично Эрбэнус дважды пытался сбежать из центра и посмотреть мир, заглянуть за ширму, которой Наследие было отгорожено от реальности. Илир в этом плане был более сдержан. Он мечтал вырасти и посвятить свою жизнь борьбе с дикой порослью, плодившейся, как крысы. Эрбэнус почему-то не мог представить себе, как дети Наследия могут быть дикими. Он считал это страшилкой, жуткой легендой, которая давно

перестала существовать в действительности. Тем более история появления дикой поросли всегда была туманной. Если бы Эрбэнус узнал тогда, что отношения Габриэлы и Эмилиана изначально складывались не так гладко, заставив Габриэлу создать диких клонов, вскармливая их собственной кровью, в надежде, что они найдут вендари и предавшего ее Эмилиана, то, вероятно, и не было бы первой попытки побега. А так Эрбэнус хотел увидеть все своими глазами.

Он планировал побег несколько недель — когда твоя жизнь ограничена годом это огромный срок. Правда, далеко убежать Эрбэнусу не удалось — он еще не знал ни мира, ни его порядков. К тому же его кожа была особенно чувствительной к солнцу по сравнению с другими сородичами. В общем, Эрбэнуса нашли обгорелого и напуганного на заброшенной заправочной станции, вернули в центр Наследия. Он ждал наказания, но все ограничилось разговором с главным наставником, который отчитал его за побег, но похвалил за любознательность. Правда, вразумительного объяснения о том, кто такие дети дикой поросли, Эрбэнус так и не получил, лишь убедился, что это не сказки и не легенды. Убедился, заглянув в мысли наставника. Сам наставник этого не заметил. Не заметил потому, что Эрбэнус не позволил ему этого. Он и не знал, что кровь бездомного, которого он осушил, даст ему столько сил. Вообще это убийство было случайным. Бездомный сам прицепился к напуганному мальчишке. Он собирался не то забрать у него одежду, не то изнасиловать — Эрбэнус так и не понял его истинных помыслов.

Они зашли в подворотню. Бездомный ударил его по лицу. Эрбэнус просто защищался. Ни гнева, ни голода. Лишь природа. Потом у него появились клыки, которыми он прокусил шею бездомного. Своявшаяся борода старика колола Эрбэнусу нежную кожу. Ему не нравилось это чувство, не нравилось, как пах бездомный, но останавливаться он не хотел. В итоге Эрбэнус осушил свою жертву почти полностью. Чисто, аккуратно. Кровь не свела его с ума, но и не оставила равнодушным — особенно чувство своей силы. Вернувшись в Наследие, Эрбэнус рассказал о проступке Илиру, который опережал его в развитии. После побега рейтинг Эрбэнуса вообще скатился в самый низ. Он продолжал обучение, но цели стать наставником или хранителем притупились, смазались. Наверное, именно поэтому Эрбэнус и сбежал во второй раз. Решение не было спланированным. Он просто увидел возможность и воспользовался ей, надеясь, что на этот раз сможет учесть особенности внешнего мира. Но наставники уже присматривали за ним. Ему не удалось даже выбраться за стены Наследия.

— Почему? — спросил его наставник.

Эрбэнус пожал плечами — всего лишь мальчишка, который бунтует ради бунта.

— Значит ли это, что ты не хочешь становиться ни хранителем, ни наставником?

И снова Эрбэнус пожал плечами. Наставник долго смотрел ему в глаза, затем кивнул.

— Ты знаешь, что когда закончится обучение, вам откроются дополнительные направления жизни? — спросил он молодого Эрбэнуса. — Лучшие станут охотниками, худшим предстоит провести свою жизнь в охране комплекса.

— И на кого станут охотиться лучшие? — спросил Эрбэнус, вспоминая бездомного, которого осушил во время прошлого побега.

— На дикую поросль, — сказал ему наставник.

— Значит, это не сказки?

— Нет.

— Илир станет охотником?

— Определенно.

— Я не хочу быть охранником комплекса.

— Определенно.

— Но и догнать лучших я уже не смогу.

— Определенно.

— Что же мне тогда делать?

— Стать искателем. Работать на охотников, искать вендари и дикую поросль для них.

— Но я думал, худшие становятся охранниками.

— Худшие не осмеливаются совершить побег. Ты пытался сделать это дважды. Мы ценим инициативу и здравомыслие, с которым ты смотришь на свою роль в Наследии.

Эрбэнус так и не рассказал наставнику, что осушил бездомного во время своего первого побега. Он закончил образование и стал искателем. Илир превратился в охотника. Но когда голод свел Илира с ума и он вернулся с повинной в Наследие, то его единственным условием было, чтобы допрос проводил друг детства — Эрбэнус. Да и не только допрос. Он же пожелал, чтобы друг забрал его жизнь. Никогда прежде Эрбэнус не убивал сородича. Это несло пустоту и растерянность в сознание, где уже поселились посеянные Илиром черви сомнения...

Оставаясь в учебном центре, наблюдая за молодыми учениками Наследия, Эрбэнус не мог не думать о Габриэле, о Матери, без которой это место, этот дом, утратит свое значение, свою силу, свое очарование. И возможно, Габриэла тоже понимает это. Иначе почему она решила сохранить ребенка Илира? Эрбэнус попробовал отыскать сознание доктора Накамуры, снова пробраться в его мысли, чтобы услышать, о чем с ним говорит Габриэла. Ничего интересного для себя из этого разговора Эрбэнус не почерпнул. Ничего о бессмертии Габриэлы. Разговор

вращался возле Клео Вудворт и ребенка в ее чреве. Накамура тщетно пытался вернуть себе контроль над ситуацией, которого в действительности у него никогда не было. Да, доктор знал о вирусе двадцать четвертой хромосомы, да, он слышал об организации «Зеленый мир», приютившей в своей тени Наследие, но верить в древних, бессмертных существ, питающихся кровью людей, верить в дикую поросль, дети которой убивают своих человеческих матерей еще до того, как появляются на свет... Нет, это было для Накамуры уже слишком. Не помогло и знакомство с Клео Вудворт.

— Просто верните меня к моей дочери, и обещаю, я забуду обо всем, что здесь случилось, — сказал доктор Накамура.

— Если вы не поможете Клео, то она умрет, — сказала Габриэла. Голос ее был спокойным, размеренным. За долгие годы у нее уже выработалась своя система общения с людьми извне, с людьми за пределами Наследия. — Позвольте, я кое-что покажу вам, доктор. Обещаю, после, если вы все еще будете считать меня сумасшедшей, я велю детям поставить вам блоки на воспоминания и отпускаю.

Они спустились в подвалы комплекса, где содержались плененные представители дикой поросли. Голодные и безумные, они начали бросаться на свои клетки, почувствовав близость пищи — людей. Накамура счел их неудачным результатом какого-то научного эксперимента.

— Это бесчеловечно, — сказал он Габриэле, меряя ее презрительным взглядом.

— Это было бесчеловечно, когда я создала первых из них много лет назад, — призналась она. — Но сейчас они расплодились. Дети Наследия охотятся на них, но гнезд дикой поросли все равно слишком много. У них нет других целей, кроме питания и размножения.

Габриэла отвела доктора к закрытым палатам, где содержались женщины, в чреве которых развивались дети дикой поросли. Это был ход, сделанный специально для доктора. Габриэла изучила историю каждой из этих женщин. Она рассказала Накамуре, где они родились, рассказала об их семьях и где Наследие нашло каждую из них.

— Мы не можем их спасти, — сказала Габриэла, настаивая, чтобы доктор провел в подвале ближайший час. — От вас ничего не требуется. Просто наблюдайте, как рождаются дикие твари.

Вскоре крики одной из рожениц прорезали тишину подвала. Все это было частью спектакля, устроенного Габриэлой для доктора, но кто сказал, что спектакль не может быть реальностью, которая холодит кровь в жилах?

— Какого черта здесь происходит? — спросил Накамура.

Он не мог усидеть на месте, не мог игнорировать крики роженицы. Подойдя к палате, где содержалась женщина, он с ужасом смотрел, как

плод рвется на свободу, вспучивая изнутри живот своей матери так сильно, что кожа едва не лопалась.

— Пожалуйста, помогите мне! — взмолилась женщина, увидев Накамуру.

На ее губах заблестела кровь. Плод в ее теле взбесился, но вместо того, чтобы разорвать живот, начал пробираться в грудную клетку. Крошечный, дикий и свирепый. Ему хватило сил, чтобы разломать кости и выбраться из центра грудной клетки, полакомившись материнским сердцем. Когда Накамура увидел родившуюся тварь, его вырвало. Крошечный комок свалившейся от крови черной шерсти с острой мордой. Дикое Наследие вырождалось, все больше и больше напоминая огромных прожорливых крыс. Следом за первым детенышем на свет выбрались еще два, причем последний был сильно искусан своими братьями. Все самцы. Они прыгнули на пол и начали принюхиваться, чувствуя близость живых людей. Доктор заметил, как сгустились тени, и предусмотрительно отступил назад, под яркий свет ламп. Габриэла не двигалась.

— Что вы делаете? — растерялся Накамура.

— А что я делаю? — подняла правую бровь Габриэла.

— Эти тени! Вам нужно выйти на свет. Я видел, на что они способны... — доктор запнулся, заметив одного из охранников, который вошел в палату, где родились дети-монстры.

Дикая, голодная поросль зашипела, рожденные ими тени перегруппировались, готовясь к бою. Накамура все это уже видел в ночь, когда впервые столкнулся с ребенком-монстром, но от этого знания ему не становилось легче. Наоборот, страх и дурное предчувствие усилились. Но в эту ночь все закончилось намного быстрее.

— Этих тварей проще убить, когда они только родились — в первые минуты их жизни, — сказала Габриэла. — Спустя четверть часа они уже представляют опасность для рядового охранника, — она пристально смотрела Накамуре в глаза.

Его снова начало мутить.

— Сколько еще в вашем подвале женщин с монстрами в чреве? — спросил он.

— Этим женщинам уже не помочь, — сухо сказала Габриэла.

— Вы что, просто дадите им умереть?

— Они уже почти мертвы.

— Но...

— Если хотите кому-то помочь, то помогите Клео Вудворт, с которой я познакомила вас прежде.

— Чем она отличается от других женщин?

— Вирус в ее крови лишает сил тварь в ее чреве. К тому же отцом ребенка был не один из дикой поросли, а наш ученик, воспитанник. Для клонов вендари это важно, потому что дети перенимают все знания отца.

— И вы создали этих тварей?

— Я была молода, и у меня были на то причины.

— Причины заставлять этих женщин страдать?

— Я хотела уничтожить еще более древних и страшных тварей.

— Вендари?

— Вы начинаете схватывать.

— И кто создал этих вендари?

— Природа... Пришельцы... — Габриэла пожала плечами. — Я знаю лишь, что они живут на планете тысячелетия и деяния их перечеркивают весь вред, который причинила и причинит дикая поросль. К тому же дети Наследия охотятся как на вендари, так и на гнезда дикой поросли. Поверьте мне, доктор Накамура, Наследие — единственная сила, способная покончить с этим древним проклятием, — Габриэла выдержала тяжелый взгляд доктора.

— Это отвратительно, — сокрушенно выдохнул он, убеждая себя, что разговаривает с сумасшедшей.

— Отвратительно, что, будучи врачом, имея все необходимые навыки, чтобы спасти женщину, вы продолжаете убеждать себя, что я спятила. Разве того, что вы видели, недостаточно, чтобы пошатнулись ваши восприятия мира?

— А может, я не хочу, чтобы мои восприятия пошатнулись.

— Как же тогда вы собираетесь спасти Клео Вудворт? Ведь для этого вам потребуется все, что вы уже знаете, и многое из того, что предстоит узнать от нас.

— Кто сказал, что я согласен обследовать ее?

— Вы дадите ей умереть? Потому что если это так, то вам тоже недолго осталось.

— Это угроза?

— Да, только исходит она не от Наследия. Это угроза того, что дочь Клео Вудворт вынашивает ребенка вендари. Первого ребенка за долгие тысячи лет. Когда-то давно эти твари истребили всех своих самок, чтобы они не претендовали на пищу — на нас, людей. Это спасло человечество от вымирания. Теперь история повторяется. Но на этот раз самцы вендари слишком стары, чтобы противостоять своим кровожадным самкам. Самцы вырождаются. Они истощены и подсознательно хотят смерти, устав от своей природы. Так что с молодыми вендари придется бороться Наследию. Для этого нам нужны собственные дети. Ребенок Клео станет первым.

— Мне казалось, вы говорили, беременность этой женщины была случайностью.

— Вы тоже это заметили?

— Что?

— У судьбы странное чувство юмора.

Доктор проигнорировал иронию, вздрогнув от очередного крика разрываемой изнутри женщины.

— Господи, да сделайте вы что-нибудь! — закричал он, подбегая к следующей закрытой палате.

— Мы пытались извлекать плод, но женщины не переживают операции. Хотя вы и сами уже имели возможность убедиться в этом.

— Дайте ей хотя бы обезболивающее.

— Кровь детей в ее чреве нейтрализует любые препараты. Эта кровь не позволяет женщине умереть, пока детям не придет время питаться. Лишь тени детей Наследия могут избавить ее от страданий. Хотите, чтобы я позвала одного из охранников, и он убил женщину и тварей в ее чреве?

— Вы хотите, чтобы это решение принял я? — спросил Накамура, увидел, как Габриэла кивнула, и презрительно скривился. — Это мерзко и низко, — сказал он, вздрагивая от каждого крика роженицы, которую твари уже начинали жрать изнутри. — Я не стану забирать жизнь этой женщины.

— И мы вначале пытались их спасти. Потом поняли, что гуманнее забирать жизни прежде, чем начнется первая кормежка дикой поросли.

Габриэла подошла к окну, за которым находилась палата роженицы, и наблюдала за процессом, пока грязные и голодные комки шерсти не разорвали женщине живот, прокладывая себе путь к свободе. Накамура стоял рядом и тоже смотрел — бледный, левая бровь нервно дергается. Появившиеся дети-монстры начали драться между собой. Три сильных и крепких брата сожрали слабого. Накамура не хотел смотреть, но не мог отвернуться. Это был ад, который снова разверзся и проглотил его бессмертную душу. Особенно сильным это чувство стало, когда доктор понял, что съеденный ребенок-монстр жив. Братья разорвали его, проглотив плоть. И теперь плоть эта шевелилась у них в желудках, выбиралась наружу. Одного из братьев вырвало кровью и мясом. У второго проглоченная рука выбралась из пищевода, и как бы отчаянно он ни пытался запихнуть ее обратно, упала на пол, направляясь к останкам своего тела. Четвертый ребенок-монстр оживал, обрастал плотью.

— Ни один человек, ни одна современная технология не может уничтожить этих тварей, — сказала Габриэла, хотя для Накамуры ее голос звучал где-то в другом мире. — Только тени и солнце... Еще одна ирония. Хотите увидеть, как солнце сжигает дикую поросль? — спросила она доктора.

— Что?

— Я могу попросить детей Наследия вышвырнуть этих тварей на солнце.

— Не нужно.

— Вы не верите?

Доктор не ответил. Не заметил он и появление одного из охранников Наследия. Тени ожили, свет в палате заморгал, позволяя этим ошметкам тьмы добраться до своих жертв. Дети-монстры превратились в небытие, пустоту.

— С Клео произойдет нечто подобное, если вы не поможете ей, — сказала Габриэла Накамуре.

— Я хочу уйти отсюда, — прошептал доктор, начиная задыхаться.

— Вирус ослабляет ребенка в ее чреве, но если его не извлечь до того, как инстинкт заставит питаться своей матерью, то он превратится в такую же дикую поросль.

— Мне нужно выйти на солнечный свет! — сказал Накура, нервно расстегивая ворот своей рубашки.

Они покинули подвал, и Габриэла отвела его в окруживший комплекс крохотный город, где жили обыкновенные люди, посвященные в проект. Чтобы избежать огласки и шпионов, избранные дети Наследия изучали сознания этих людей и устанавливали блоки, не позволявшие им сбежать.

— Так это все ваши пленники? — спросил Накура, вглядываясь в лица мужчин и женщин, которые встречались им.

— Кто-то должен заниматься уборкой, исследованиями, связями с общественностью, — Габриэла говорила монотонно, устало, рассказывая историю, которую повторяла уже сотни раз со дня основания Наследия. Люди приходили сюда, чтобы заработать. Приходили скрыться от закона. Были и случайные путники, принявшие решение остаться. — Каждый из них волен уйти, — сказала Габриэла. — Мы не держим их. Есть лишь одно условие — перед уходом дети Наследия поставят блоки на их воспоминания касательно всего, что они видели и слышали здесь.

— Я бы тоже хотел забыть обо всем, что видел здесь, — признался Накура.

— Помогите нам, и мы поможем вам, — предложила Габриэла. — Вы один из лучших врачей, о которых мне удалось узнать. Если вам удастся спасти ребенка Клео, а возможно, и разработать методику рождения, то мы окажемся в долгу у вас и выполним практически любое желание. Если таковым будет забыть обо всем, то пусть будет так.

— Что будет с моей дочерью?

— У вас есть родственники.

— Родственники не знают, где я и что со мной. Если я возьмусь за обследование Клео Вудворт, то это займет время. Меня успеют похоронить несколько раз.

— У нас много друзей, доктор Накамура. И еще много возможностей заставить человека верить в то, чего на самом деле нет. Так что вам останется выбрать, хотите вы отправиться на лечение или в командировку.

— Пусть будет командировка, — сказал Накамура. — И... пусть ваши дети не приближаются к моей дочери.

— Я понимаю. — Габриэла выдержала тяжелый, недоверчивый взгляд доктора.

Он начал обследование Клео в этот же вечер. Вернее, начал свое повторное знакомство. Особенно сложно было заставить себя воспринимать, что этой молодой женщине фактически идет шестой десяток. Клео не выглядела и на тридцать, хотя события последних недель наложили на лицо свой отпечаток, забрав часть жизни и блеск в глазах. Она видела, как умирает ее муж и сын. Видела предательство дочери. Да и отвыкать от крови вендари, которую Клео принимала на протяжении последних десятилетий, оказалось не так просто — особенно чувствовать, как сил становится все меньше и меньше. Ментальных сил. Физических. И еще этот ребенок-монстр, который растет, развивается, зреет.

— Обещаю, что сделаю все что в моих силах, — сказал Накамура, но Клео это мало утешило.

Наследие забрало ее друзей, семью, а теперь оно обещало спасти ей жизнь — грош цена этим обещаниям.

— Вы не верите мне? — растерялся Накамура.

— Вы работаете на Наследие.

— Я ни на кого не работаю. Если вам станет легче, то я здесь практически пленник. Они выбрали меня, чтобы я присматривал за вами.

— Ну, вот и еще одна причина ненавидеть Наследие, — хмуро подметила Клео Вудворт.

— Вы не верите, что они хотят вас спасти?

— Я не знаю. Вероятно, они и попытаются исправить то, что сделал один из них, но ребенок для них первичен. К тому же, как можно исправить убийство моей семьи и друзей?

— Габриэла заверила меня, что это была случайность.

— Случайность? — Клео не знала, почему хочет показать доктору все, что с ней случилось. Это было просто желание поделиться своей болью, к тому же она не знала, остались ли у нее силы для этого, осталась ли энергия вендари. — Дайте мне свою руку, — попросила Клео.

— Зачем? — растерялся Накамура, понимая, что в этом месте можно ожидать любого подвоха.

— Я не причиню вам вреда, — пообещала Клео. — Просто покажу кое-что. Для меня это важно.

— Я не психолог.

— Ничего страшного, — Клео устало улыбнулась. — Когда-то давно психологом была я.

Она взяла Накамуру за руку. Он вздрогнул, чувствуя, как поток чужого сознания стучится в его мысли. Но это не было похоже на то, как Эрбэнус подчинял его волю. Тогда это была интервенция, принуждение, сейчас же скорее дружеское общение. Клео не вламывалась в мозг, а осторожно стучалась, предлагая дружбу. Вот только предложение это было каким-то необычным, интимным, словно дружба предполагала обнажение, а не чаепитие.

— Не бойся, — сказала Клео, где-то далеко, в глубине его собственных мыслей. — Не сопротивляйся. Во мне осталось не так много крови вендари, чтобы делать что-то силой.

— Так ты тоже веришь в этих древних тварей, о которых говорит Габриэла? — спросил Накамура.

Вместо ответа Клео открыла ему свои воспоминания. Он увидел дом, где она жила долгие годы на Аляске, увидел гостиную, дальнюю дверь в подвал, лестницу, цементные стены, крепкую, скрипучую дверь. Увидел он и мужа Клео Вудворт, который открывает эту дверь. В крохотной камере они содержат узника. Он лежит на железной кровати, пристегнутый ремнями. Не живой и не мертвый. Эндрю Мэтокс — Накамура знает, как звать мужа Клео, потому что это знает она, потому что их мысли сейчас стали одним целым, — берет шприц, выкачивает из пленника кровь. Семейная жизнь Мэтоксов только начинается, близнецы Ямин и Шэдди спят в своей комнате. Им нет и двух лет. Жизнь кажется вечной в прямом смысле слова. Кровь вендари поможет сохранить молодость и свежесть. А что может быть лучше вечности? К тому же эта кровь делает сильнее. Особенно сверхлюдей, коими являются Эндрю Мэтокс и его друзья, в ожидании собравшиеся наверху, в гостиной, чтобы принять кровь древнего по имени Гэврил. Это активирует, усилит их сверхспособности. После слова будут уже не нужны. Время приблизится к полночи. Собравшиеся в гостиной Мэтоксов люди построят собственный мир. Сначала робко, раскрывая свои способности, изучая неизведанные ландшафты фантазии, затем смелее, уходя в глубь этих девственных земель поступью завоевателя... Вот только Клео не успевала за этими сверхлюдьми. Не успевала, потому что была самой обыкновенной.

Она развивалась как обыкновенный слуга вендари. Правда, был еще вирус двадцать четвертой хромосомы в ее крови, не позволявший стать обычным человеком, встречаться с обычными. Так что выходило, она везде была чужой. Сначала это ее злило, потом смешило, затем снова злило. Почему-то это напоминало Клео историю Эндрю Мэтокса, который до того, как познакомился с Криной — любовью всей своей жизни, считал себя самым обыкновенным. Именно Крина, будучи слугой древ-

него вендари по имени Вайорель, дала ему впервые попробовать кровь своего хозяина, пробудившую скрытые способности Мэтокса. Кровь вендари пробуждала способности всех сверхлюдей, приезжавших в дом Мэтоксов. Но общим у них было не только пристрастие к крови древних. У каждого из них одним из родителей был слуга. Вот здесь-то Клео и видела забавную иронию. Видела исключительно с точки зрения Мэтокса, своего мужа.

Вирус двадцать четвертой хромосомы мог изменить человека, превратить в уродца, а мог пощадить, превратив его в непригодный для пищи вендари сосуд. Мать Мэтокса работала в больнице. В больнице она и зачала своего сына — ее изнасиловал слуга вендари, которого доставили ночью в неотложку, а потом, годы спустя, в той же больнице она заразилась вирусом двадцать четвертой хромосомы, превратившим ее в уродца. Сын боялся вируса как огня и бросил мать, которая в принципе никогда и не была ему настоящей, любящей матерью, ненавидя своего сына за то, что сделал его отец. Но потом, после знакомства с Криной, ее смерти и встречи с Эмилианом — Первенцем Наследия, Эндрю Мэтокс забыл о своих страхах и начал жить с Клео, зараженной тем же вирусом, что и его мать, но не превратившейся в уродца. Вот это и казалось ей забавной иронией. О том, что Мэтокс заразил ее вирусом, чтобы отомстить старым слугам за убийство Крины, Клео старалась никогда не думать, не вспоминать. Мир теней отличается от привычного для человеческого глаза мира. Там другие законы, порядки и правила. Другие восприятия. Даже любовь там другая.

Мэтокс никогда не пытался скрывать от Клео свои чувства к Крине, как позднее не пытался скрывать интерес к Фэй, с которой у него завязались отношения уже на Аляске. Крина была древней слугой. Фэй — сверхчеловеком, как и Мэтокс. Клео злилась, но не ревновала. Накамура видел ее воспоминания о любовнике. Видел, как вирус, которым мужчина заразился от Клео, превратил его в уродца. Видел Накамура и брата зараженного мужчины, появившегося спустя год.

Он избивал Клео резиновой дубинкой на пороге ее собственного дома в Валдизе, а ее раны затягивались у него на глазах. Потом появился Эндрю Мэтокс и едва не раздавил силой мысли сознание нападавшего. Мужчина упал на крыльцо и забился в припадке, давясь собственным языком. Был поздний вечер. Эндрю Мэтокс стер мужчине воспоминания о Клео и заставил, не поднимаясь с колен, покинуть Аляску. После Клео увидела этого мужчину в новостях — грязный, голодный, одичавший. Он так и не осмелился подняться с колен, превратившихся к тому времени в кровавое месиво. Жалости не было, скорее, наоборот — желание отблагодарить Эндрю за подобный поступок. Поэтому Клео позвонила Фэй, рассказала о случившемся и попросила помочь советом.

— Затрахай его до полусмерти, — сказала не раздумывая Фэй. — Он это любит.

— Что-нибудь еще? — спросила Клео.

— Если хочешь, то могу приехать и сделать это за тебя.

Клео повесила трубку, ругая себя за звонок. Обиды не было. И уж тем более не было ревности. Накамура видел ее чувства, но понять так и не смог, не смог найти аналога среди собственных чувств. «Наверное, — решил он, — виной всему кровь древнего, которую она принимает. Да и весь мир, открывшийся ей, показавший так много... Все это меняет человека, делает другим». Подобные мысли возникли у доктора и после того, как он увидел все те непотребства, совершаемые в доме Мэтоксов. Непотребства в вымышленных мирах, непотребства в жизни. Эти люди любят друг друга и в то же время не любят никого, даже себя. Они знают, что смогут жить вечно, но иногда цепляются за мгновения близости так, словно впереди у них нет и пары лишних суток. Они никогда не болеют — кровь вендари исцеляет их, оберегает. Они знают о существовании Наследия и древних, для которых сверхлюди всего лишь ошибка природы, шутка, но точно так же они зачастую смотрят на обычных людей. Для них жизнь — это миг, и жизнь — вечность. И Клео пытается быть такой же, вот только Клео не сверхчеловек и не слуга, потому что тот, кто должен быть хозяином, пленен и содержится в подвале ее дома. Она чужак среди людей, слуг и таких, как Мэтокс. Вот эти чувства Клео уже понятны Накамуре.

Он тоже долгие годы жил в чужой стране, не мог найти себя, свое место. И так же с болью наблюдал, как его ребенок перенимает манеры и повадки тех, для кого он, Накамура, навсегда останется чужаком. А все эти случайные связи Клео с теми, кому не может навредить вирус, все эти ментальные и физические непотребства... Разве у него самого, Накамуры, не было чего-то подобного? Разве он сам не пытался найти себя в новом чужом мире? Особенно в первые годы... Накамура и сам не понял, когда из врача Клео превратился в друга, который понимает и принимает ее.

— Это всегда так происходит при телепатических сеансах? — спросил он, хотя и так знал ответ.

Сколько прошло времени после того, как Клео открыла ему свое сознание? Минута? Несколько секунд?

— Потрясающе, — признался Накамура. — Кровь древних может перевернуть мир науки, только... — он вернулся к воспоминаниям Клео, где видел мысли о бесполезности кольпорафии. — Почему кровь вендари не излечила эту напасть?

— Наверное, потому что это часть меня, — безраздостоно подметила Клео. — Как цвет волос или глаз. К тому же это никогда не причиняло мне неудобств, за исключением смущенных мужчин.

— Но это заставляло тебя чувствовать себя неполноценной.

— Вся моя жизнь была неполноценной, неправильной. Начиная с отца и заканчивая мужем. Удивлена, как мы с ним вообще сподобились завести детей. Хотя и дети были тоже неправильными.

— Твоя дочь еще жива.

— Моя дочь умерла в тот день, когда впервые сблизилась с Гэврилом. Если бы этого не случилось, то наша семья была бы жива. Я бы не попала в Наследие, а тебя не забрали у твоей дочери. — Клео попыталась улыбнуться, но глаза остались холодными, почти ледяными. — Знаешь, когда принимаешь кровь вендари, жизнь словно останавливается, замирает. Ты перестаешь развиваться. Все идет по кругу, но выглядит естественным. Можно проделать одно и то же тысячу раз и не устать, не пресытиться, потому что пресыщение и усталость уже прописались в сознании. Иногда я смотрела на Фэй, на Мэтокса и спрашивала себя, как бы развивались их отношения, если бы впереди не было вечности, если бы они спешили жить, как обычные люди? Без крови древних у них был шанс полюбить, создать семью, а так им хватало тех коротких встреч — хватало понимания, что если они пожелают, то так будет продолжаться века, а возможно, и тысячелетия. А какими бы без крови древних стали мои дети? А я? И знаешь, что я поняла? Без крови вендари все стало бы намного хуже. Мужчины избегали бы меня, проведя в постели пару ночей. О семье нечего было бы и мечтать. Нормальный, полноценный мужчина не стал бы жить со мной, а я не смогла бы жить с семейным труном, для которого секс — пустое слово, пусть и ради детей. Не в тридцать. А когда пришло бы безразличие, я бы уже не смогла родить. Да и маловероятно, что я дожила бы до таких лет. Без крови вендари я бы погибла еще в ту ночь, когда Эндрю Мэтокс отомстил свихнувшимся слугам Вайореля за смерть Крины. Он использовал меня, но когда я уже была ему не нужна, не выбросил, а заключил с Первенцем Наследия, с Эмилианом, договор, чтобы спасти меня. Он предал бывшего хозяина Крины ради меня. А потом он увез меня, оградил от безумия вендари, теней и свихнувшихся слуг, подарил семью, декорации нормальной жизни, вечную молодость. Он принимал меня такой, какая есть. Мирился с моими недостатками и подчеркивал достоинства. Так что, несмотря на все свои заморочки, он был лучшим из всех мужчин, которых я встречала в жизни. И с ним я прожила свои лучшие годы. А то, что он никогда не был мне верен... Так я ведь тоже никогда не была ангелом. Да и Фэй, его единственная постоянная любовница на протяжении долгих лет, — она позднее стала мне подругой. Настоящей подругой, с которой можно поделиться чем-то личным, а не одной из тех, которым звонишь только когда нужно вспомнить праздничный рецепт.

Глава вторая

Когда Габриэла вызвала Эрбэнуса и попросила уладить детали исчезновения доктора Накамуры, чтобы он мог потом безболезненно вернуться в покинутый им мир, Эрбэнус счел это за знак свыше. Знак, который был совершенно не связан с доктором Накамурой. Вернуться в мир, найти древнего, поговорить с Габриэлой и убедить ее принимать кровь вендари, как это делали Мэтоксы, продлевая свою жизнь, — для Эрбэнуса, чья жизнь была ограничена одним годом, и несколько веков казались вечностью. Его друг детства Илир понял, что без Габриэлы Наследие не выживет. Полноценной замены не будет. И действовать нужно сейчас. Теперь это понимал и Эрбэнус.

Черви сомнений, которыми он заразился от Илира, выросли, стали куколками и готовы были вспорхнуть в небо дивными бабочками. Главное — спрятать эти мысли от сородичей, пока не придет время явить свой план миру. И обязательно учесть ошибки Илира. Нужно быть готовым к трудностям и необычным поворотам, чтобы не сойти с ума, не слететь с катушек, отдавшись на волю гнева и голода, как это случилось с другом детства. И еще придумать, как пленить вендари. Конечно, Эмилиан смог это сделать, но ведь он был Первенцем Наследия. К тому же у него были Эндрю Мэтокс и Клео Вудворт, в крови которой содержался вирус двадцать четвертой хромосомы, способный замедлить, ослабить вендари. А так... Так дети Наследия могут уничтожить вендари в открытой схватке, они сильнее древних, но вот пленить вендари... Древний лучше погибнет, чем станет пленником. Вендари не боятся смерти — они уже прожили десятки, сотни тысяч лет, чтобы ценить жизнь. Единственный их страх — это потерять свое пастбище, остаться без пищи. Да, голод всегда главенствует в мире древних. Дикий, примитивный голод. Все остальное — пустота, одиночество, безразличие. И плен предполагает голод. Поэтому древние охотнее идут на смерть.

Возможно, пленение Гэврила оказалось чистой случайностью. К тому же силы Первенца были значительно выше, чем силы нынешних

детей Наследия. Он питался кровью, он готовился к битве, и он мог побороть в себе зверя. Только последнее уже делает его особенным, потому что нынешние дети едва могут победить свой вечный вездесущий голод. Взять хотя бы Илира. Он был лучшим из последнего поколения, и с чем с ним стало?

Вернувшись в Чикаго, Эрбэнус остановился в принадлежавшей Наследию квартире, чтобы переждать в безопасности солнечный день. Следование по пути Илира принесло и голод Илира. Плазма, которой был заполнен к приезду Эрбэнуса холодильник, не помогала. Он чувствовал живых, аппетитных соседей, а стоило ему закрыть глаза, как в памяти оживали воспоминания Илира — вырезанная улица крохотного города на Аляске, где стоял дом Мэтоксов. Кровь текла рекой. Илир метался от жертвы к жертве, от одних соседей к другим. И ел, ел, ел... И еще Эрбэнус видел Клео Вудворт глазами бывшего друга. Видел и чувствовал безумное желание, способное заглушить даже голод.

— Нет, это отвратительно! — сказал себе Эрбэнус, однако чувства Илира по-прежнему были простыми и понятными. Чувства похоти, безумной страсти, желания...

Эрбэнус разорвал в клочья свою кровать, тени ожили, заполнили комнату — такие же голодные, как и их хозяин, и такие же безумные. И тени хотели добраться до соседей за стенкой. Никогда прежде Эрбэнус не чувствовал ничего подобного. Но никогда прежде он и не заходил в своих целях так далеко — спасти Габриэлу, спасти Мать Наследия, подарив ей вечную жизнь. И безумие было платой. Эрбэнус протянул руку, нащупав скрытую за спинкой кровати кнопку активации ультрафиолетового освещения. Никогда прежде он не пользовался этим крайним средством, но сегодня решил, что пришло время нажать тревожную кнопку.

Ультрафиолет залил комнату. Тени вспыхнули, заматались, превращаясь в прах. Кожа Эрбэнуса задымилась, покрылась пузырями. Он мог прервать процедуру в любой момент, но предпочитал терпеть до последнего. Он представлял солнце, представлял жизнь людей, заполнивших улицы города в этот солнечный день. Жалюзи автоматически запечатывали окна, пока не наступали сумерки, да Эрбэнус и не хотел сейчас гореть от лучей светила. Они отнимали куда больше сил, чем ультрафиолет. Может быть, он воспользуется теплом солнца позже, когда реализует свои цели или когда голод и похоть станут невыносимыми. Но сегодня ультрафиолета достаточно. Тени уходят. Желание и голод уходят. Остается лишь боль — абсолютная, всепроникающая. Вздувшиеся пузыри на обожженной коже начали лопаться. Теперь ультрафиолет добрался до мяса. Он будет жечь это тело, пока не доберется до костей, но и тогда не остановится. Вот только боли не станет больше. У боли есть своя граница.

Эрбэнус отключил целительную иллюминацию, свернулся калачиком и закрыл глаза. Повреждения затягивались, но голод и похоть не возвращались. Эрбэнус уснул. Во сне он увидел могилу Эмилиана и пришедшую к нему Габриэлу. Она говорила с установленной на могиле статуей, похожей на Первенца, и статуя отвечала ей, разлепляя гранитные губы. Эрбэнус пытался разобрать, о чем они говорят, но до него долетали лишь обрывки, разрозненные слова. Он попытался подойти ближе, но понял, что и сам превратился в статую, установленную на его могиле. Эрбэнус не испугался факта своей смерти, он лишь хотел знать, удалось ему или нет подарить Габриэле вечность, убедить ее использовать кровь плененного вендари? Да и пленил ли он вендари? А если пленил, то как? Затем он увидел, как Габриэла обернулась — старая, морщинистая, доживающая свои последние дни, и понял, что она пришла сюда, чтобы попрощаться с Первенцем. И это значило, что его планы провалились.

Эрбэнус проснулся, вскочил с кровати. Его тело исцелилось, но он уже и не помнил о добровольной экзекуции. Не помнил он и о поручении встретиться с работодателями Накамуры и внушить им, что доктор был вынужден отбыть в Токио на пару месяцев. Все это было уже неважно. Все это сожрали черви сомнения, вложенные в сознание Эрбэнуса его другом. Осталась лишь первоочередная цель — найти вендари, пленить вендари, доставить вендари в Наследие и убедить Габриэлу использовать кровь пленника, чтобы продлить свою жизнь.

Эрбэнус связался с искателями Наследия, соврав, что Габриэла поручила ему проверить их работу. Ничего странного в этом не было — дети Наследия оступались и прежде, до Илира. Правда, прежде никто не заходил так далеко и уж тем более не возвращался в Наследие. Они просто сходили с ума. Голод становился всем. Попытки размножения были крайне редки, да и то их упреждали на стадии зародыша. Искатели связывались с охотниками, и те подчищали за Наследием так же кардинально, как и в случаях с дикой порослью. В детстве Эрбэнус мечтал стать охотником, затем, после череды проступков, думал, что станет охранником Наследия, потом наставник рассказал ему об искателях, но в итоге Эрбэнус так и остался чем-то средним, неопределенным, исполняя не столько прямые функции искателя — поиски дикой поросли, сколько особые поручения Наследия. Одним из таких поручений были поиски врача для Клео. До этого Эрбэнус вел переговоры с группой лиц, которым следовало стать новыми спонсорами «Зеленого мира» — ширмы Наследия. Выходило, что наставник в молодости был прав, сказав, что Наследие ценит своих детей, имеющих собственные взгляды и готовых действовать самостоятельно. Так что пара побегов, совершенных Эрбэнусом, помогла ему занять обособленное место в

иерархии Наследия, а то, что он планировал сделать сейчас, обещало сделать его частью нового мира, поставив чуть ли не на одну ступень с Эмилианом и Габриэлой.

Думая об этом, Эрбэнус не чувствовал гордыни. Он просто делал то, что считал нужным. Все остальное не имело значения. Вспоминался лишь Илир, идущий на смерть, уверенный, что продолжит жить в своем сыне, который родится у Клео Вудворт. Илир — друг Эрбэнуса. Но Эрбэнус лично забрал жизнь друга. Сейчас, если все удастся, то друг воскреснет в родившемся ребенке Клео. Вина будет излечена. Вот только каким будет этот мальчик? Будет ли он похож на Илира? Сможет ли Габриэла воспитать его, оберегая от голода и похоти? Она лично изучала несколько кандидатур лучших врачей с мировым именем, но последнее слово оказалось за Эрбэнусом, потому что именно ему поручили привести врача.

Накамура был третьим в списке. С первыми двумя у Эрбэнуса все вышло не очень гладко. Первого он попытался просто подчинить силой своей воли — без подготовки, без осторожного стука в закрытые двери восприятия. Эрбэнус встретился с врачом и буквально обрушил на него изнанку ночного мира. В результате сознание доктора сопротивлялось так сильно, что в голове лопнули несколько сосудов, а из носа хлынула кровь. Паника и отторжение были такими сильными, что Эрбэнус не смог стереть у доктора воспоминания о своем визите. Он выскользнул, надеясь, что сейчас пострадавшему не до описаний внешности напавшего на него человека.

Второй была женщина. Эрбэнус решил не действовать с наскока, а сначала присмотреться к ней, изучить. Был воскресный день. Женщина бродила по улицам, тщетно пытаясь завязать отношения на ночь — Эрбэнус прочитал это в ее мыслях. И отношения эти предполагали связь с другой женщиной. Отвращению Эрбэнуса не было предела. Знала ли об этом Габриэла? Он убедил себя, что нет. Иначе как подобный врач может дать жизнь ребенку Клео? Ребенку, которому предстоит стать новым Первенцем, сменив Эмилиана, заняв почетное место главы Наследия рядом с Габриэлой... Так Эрбэнус вычеркнул второго доктора в списке претендентов, добравшись до Накамуры. Первым делом Эрбэнус заглянул ему в мысли. Многое там было посвящено работе, а большая часть остального — дочери. Любовь к ребенку — Эрбэнусу нравились эти мысли. Они были правильными. Они были естественными и порядочными. И они не могли очернить Наследие, которое так отчаянно стремилось к человечности. «Я обязан получить этого врача», — решил Эрбэнус.

Он связался с Габриэлой и посоветовался о вариантах подготовки Накамуры, перед тем, как ему откроется истина. И Габриэла, как всегда была мудра. Оставалось найти оплодотворенную дикой порослью

женщину и отправить ее в больницу, где работал Накамура. Подобная мера предполагала пошатнуть убеждения и стереотипы доктора, чтобы потом его сознание позволило Эрбэнусу подчинить себя...

«Если бы с вендари все было так же просто», — думал Эрбэнус, встречаясь с искателем, которому удалось ближе всех подобраться к древнему по имени Гудэхи. За последние века внешность этого вендари изменилась, сделала его похожим на индейца, к коим он питал странную привязанность и симпатию, копируя их навыки и повадки. И еще гордость. Именно по вине гордости, которая не позволяла ему бежать поджав хвост, Наследие и нашло его.

Эрбэнус отослал искателя, вышедшего на след Гудэхи, сказав, что сообщит охотникам сам. Искатель счел это бюрократией, но возразить приближенному к Габриэле, к Матери, не осмелился. Эрбэнус старался не думать о том, как поступит, если искатель не отступится по-хорошему. Наверное, пришлось бы забрать его жизнь. Жизнь одного из Наследия. Жизнь брата. Но разве ситуация не требовала решительных мер? Дочь Мэтоксов вынашивала ребенка вендари. Первая самка за долгие тысячелетия. Это обещало войну, хаос. И если самки вендари вернутся, то в стороне никто не сможет остаться. Реки крови вновь зальют эту планету. И единственная группа, способная противостоять вендари — Наследие, во главе которого стоит Габриэла. Так разве жизнь одного из братьев не стоит того, чтобы даровать Габриэле вечную жизнь благодаря крови вендари, крови ее врага? Поэтому подсознательно Эрбэнус был уверен, что если придется, то он сможет забрать жизнь искателя. После можно будет списать это на Гудэхи. В истории не останется свидетельств внутренней, духовной борьбы Эрбэнуса. Никто не узнает, что ради жизни Габриэлы он был готов на убийство члена Наследия. Хотя после того, как Эрбэнус забрал жизнь Илира, жизнь друга, остальные жизни утратили свою бесценность.

Эрбэнус дождался полуночи. Небо было звездным. Он чувствовал близость вендари, а вендари чувствовал его. Гудэхи решил, что хватит с него бегства. Он нанес на лицо боевую раскраску и вышел на тропу войны. Его армия теней ждала, готовая устремиться в любой момент в атаку. Никаких больше уловок. Уловок вендари, уловок Наследия. Враги встретятся здесь и сейчас. Лицом к лицу. На берегу озера Мичиган.

— Уважаю твою отвагу, — сказал Эрбэнус своему врагу.

Гудэхи не ответил. Он понимал, что не переживет эту ночь, но смерть волновала его куда меньше, чем гордость. Тени за его спиной вздрогнули и устремились в атаку. Эрбэнус не двигался. Тени вендари не могли причинить ему вред. Они накрыли его, подобно робкой волне, и зашипели, превращаясь в прах. Тьма поглощала тьму. Жизнь детей Наследия была мгновением по сравнению с жизнью вендари, растрачивающими свою силу тысячелетиями. У детей Наследия был всего лишь год.

Возможно, ребенок, которого родит дочь Мэтоксов, и сможет изменить баланс сил, но сейчас шансов у древних не было. Гудэхи заискрился метаморфозами, превращаясь в уродливый сгусток света, и устремился на помощь своим слугам. Эрбэнус не знал, каково это — сражаться рука против руки, но так вендари определенно не мог убить его. Разорвать плоть, искалечить, но он все равно восстановится. Дети Наследия вообще никогда не сражались с вендари при помощи физической силы. Достаточно было и теней, но тени уничтожали древних, а Эрбэнус хотел пленить вендари. Поэтому он принял бой.

Брызнула кровь, затрещали кости. Гудэхи был силен и отчаянно храбр. Его искрящиеся когти вспороли Эрбэнусу живот, затем оторвали левую руку, попытались добраться до сердца, а когда Эрбэнус увернулся и неловко нанес первый ответный удар, оторвали ему голову и бросили в озеро. Мир завертелся перед глазами Эрбэнуса. Небо, земля. Небо, земля. Затем «плюх» — и голова начала погружаться под воду. Тени Эрбэнуса вышли из-под контроля, окружили Гудэхи и проглотили его, превратили в пыль, которую подхватил ветер, разнося посмертно по миру. Но тени не хотели останавливаться, поэтому они набросились на тело Эрбэнуса, разорвали на части, растащили по самым темным закоулкам и там принялись за трапезу. Одна из волн вынесла голову Эрбэнуса на берег. Никогда прежде он не получал такие сильные повреждения. В какое-то мгновение у него появилась дикая мысль о том, что, возможно, тело его уже не восстановится, но затем оторванная голова пустила корни. Это была слепая регенерация, в конце которой восстановившееся туловище оказалось погребенным. На поверхности осталась лишь голова Эрбэнуса, которую снова и снова накрывали накатывавшие на берег волны. Тени, сожравшие его прежнее тело, не осмелились вернуться. Продолжая прятаться, они ждали спасительного рассвета, который заберет стыд, принося смерть. Эрбэнус робко попробовал пошевелить погребенной рукой. Новое тело ничем не отличалось от прежнего.

Он выбрался из природной могилы и вернулся в квартиру Наследия, чтобы переждать день. «Ладно, — говорил себе Эрбэнус, стараясь не думать о голоде и соседях за стеной, чьи жизни обещали утолить этот голод, — ничего страшного не случилось. С поисками врача для Клео Вудворт тоже получилось не сразу. Нужно собраться, все обдумать, учесть ошибки». Главной ошибкой он считал переоценку собственной силы и недооценку сил вендари. Особенно их безразличия перед лицом смерти. Значит, нужно придумать план. Вот только список древних, переставших прятаться, был не настолько велик, как в случае с врачами. Еще одна ошибка, и план, возможно, придется откладывать на месяцы, пока искатели не выйдут на след новых вендари. Да и с охотниками будет договориться сложнее. Эрбэнус заснул, но и в мире грез его мозг

продолжил думать о решении имевшейся проблемы, рисуя варианты развития событий сюжетом сна.

Эрбэнус снова видел могилу Эмилиана. Но на этот раз там не было Габриэлы. Лишь статуя на могиле, установленная вместо надгробия, хранила в себе странные черты жизни. Каменные глаза изредка моргали, пристально наблюдая за гостем. Этот взгляд смущал Эрбэнуса. Взгляд словно проверял на прочность его цели и планы. Эрбэнус стоял опустив голову и лишь изредка осмеливался поднять глаза и взглянуть на реинкарнацию Первенца, возродившегося в камне статуи. Но у Первенца были ответы. Поэтому нужно было набраться смелости и спросить у него, как он пленил Гэврила — о том, что видел Илир в мыслях Мэтокса касательно этой истории, Эрбэнус забыл. Да он забыл вообще почти все. Осталось только желание спасти Габриэлу и понимание, что он лично забрал жизнь своего друга Илира. А когда умирает лучший друг, фактически брат, понимание и отношение к смерти меняется. Если бы Эрбэнус мог спасти Илира ценой своей жизни, то он бы именно так и поступил. Но Илир не искал спасения. Илир видел свою смерть и свое воскрешение в ребенке, которого предстояло родить Клео Вудворт. Эрбэнус не думал о воскрешении, но жизнь Габриэлы казалась ему самой главной в мире. И если она будет жить, то будет жить и он. Потому что Габриэла — это полная противоположность его звериной сущности. В Габриэле нет голода, нет пустоты и отчаяния. Нет похоти.

— Как ты пленил древнего? — решил наконец-то задать вопрос Эрбэнус.

Статуя вздрогнула, устремила на него каменный взгляд. Реинкарнация Первенца не могла говорить. Рот раскрывался, но у статуи не было легких и голосовых связок. Эмилиан мог только показывать, проникать в мысли рискнувшего прийти к нему брата и рисовать картины прошлого, где все было странным, неестественным, но не лишенным смысла, сюжета, словно гениальный художник решил изменить подход к живописи. Он создавал картину, тщательно прорисовывая горизонт. Там, вдали, Эрбэнус мог различить мельчайшие детали деревьев — каждый лист, каждую ветвь.

Эрбэнус не знал, как Эмилиану это удастся, но он смог создать на своих картинах прошлого даже ветер, заставлявший дрожать листья далеких идеальных деревьев. Но чем дальше от горизонта, чем ближе к точке реальности, к месту, где находится наблюдатель, тем бледнее становились краски и менее явными детали. Здесь, вокруг Эрбэнуса, все было смазанным, лишенным четкости. Те же деревья, что у горизонта выглядели идеальными, в центре картины создавались небрежно, спешно, словно художник, хаотично взмахивая кистью, не успевал вдуматься в суть картины, не имел времени сосредоточиться на деталях. Но

именно это и создавало эффект жизни, движения, метаморфоз времени, не способного остановиться, прерваться хотя бы на миг.

Эрбэнус видел Вайореля — хозяина Крины, которая встретила Эндрю Мэтокса и показала изнанку ночи, мир теней и древних. Видел Клео Вудворт и как Мэтокс заражает ее вирусом двадцать четвертой хромосомы, надеясь, что отравленная кровь поможет ему отомстить древним, свихнувшимся слугам за убийство Крины. Видел Эрбэнус и пленение Гэврила. Конечно, без Эмилиана, без Первенца у Мэтокса ничего бы не вышло, но ведь когда он держал Гэврила в подвале своего дома на Аляске, Эмилиана уже не было рядом. Гэврил был настолько слаб, что не мог освободиться. Эрбэнус видел, как Эндрю Мэтокс спускается снова и снова в подвал, выкачивает из древнего кровь, которую после употребления сверхлюди, собираясь в его доме. Видел Эрбэнус и их фантазии, создающие миры — такие же мерзкие и извращенные, как непотребства реальной жизни. Подобное высвободило гнев Илира, когда он увидел мгновения этих жизней в воспоминаниях Фэй, и сейчас высвобождало гнев Эрбэнуса. Все было каким-то противоестественным, мерзким.

В годы учебы наставники говорили Эрбэнусу и другим ученикам, что слуги вендари с годами начинают деградировать, как и хозяева. Их сводят с ума сотни, тысячи убийств, которые приходится совершать ради древних, сводит с ума понимание вечности, где некуда спешить, не к чему стремиться. Пустота и безразличие заполняют их сердца. Жизнь останавливается. Время обходит слуг стороной, оставляя их один на один с убийствами, кровью и отчаянием бессмысленности бытия... Но у Мэтоксов не было хозяина. Они не забирали жизни людей. Они лишь пили кровь древнего, обеспечивая себе отменное здоровье и разверзшуюся впереди вечность. Кровь и убийства были замещены непотребством, сексуальной и моральной распущенностью, лишенной границ. И невозможно пресытиться в этом диком карнавале плоти и извращений, потому что линейность времени изгибается, обходя дом Мэтоксов, их жизнь и жизни их друзей стороной. И стыд не накапливается, уступая место усталости, опыту и все большему безразличию. Подобное происходит с Мэтоксом и другими сверхлюдьми, которых привозит в его дом Фэй, чтобы кровь Гэврила активировала их возможности. Подобное происходит и с Клео, правда, не так быстро, но с годами сверхспособности становятся доступны и ей...

Картины Первенца, где центр небрежен, а горизонт идеален, показывают Эрбэнусу единственного после замужества любовника Клео из обычных людей. Мужчина заражен вирусом двадцать четвертой хромосомы. И вирус меняет его, превращает в уродца, хотя, вступая с ним в связь, Клео и убеждала себя, что этот любовник может стать таким же, как она — человеком, которого пощадит вирус. Но у вируса свои планы или свой хаос выбора, где никто не может быть в безопасности. И

мужчина превращается в уродца. Его кости гнутся, сухожилия тянутся. Череп сворачивается, перестраивается, сдвигая рот к уху. Большинство зубов выпадает, а те, что остаются, заостряются. Ничего общего с хищником подобная метаморфоза не имеет — это лишь хаос эволюции, возможное развитие, которое природа отвергла много лет назад, сделав людей такими, какие они есть сейчас, но вирус не чтит правила природы.

Зараженный любовник Клео Вудворт отправляется в резервацию, где содержится большинство зараженных людей. Теперь ему остается память о прошлой жизни, где он был высоким, смуглым красавцем с крепкими мышцами и челюстью боксера, которая некогда привлекла внимание красивой и доступной Клео, готовой на все, лишь бы доставить удовольствие своему любовнику. Он понимает, что и в резервации, став уродцем, не сможет забыть о ней, о ее теле, о той крошечной квартире, которую она нашла для них, когда его корабль стоял в порту Валдиза. Он всегда считал себя опытным, состоявшимся мужчиной, но в постели с Клео превращался в наивного, незрелого мальчишку. Она представлялась ему гурманом, исследователем. Она словно видела каждую его мысль, каждое желание. Видела и спешила реализовать их, воплотив в жизнь. И так продолжалось пять долгих ночей. Всего пять. Потом наступила расплата.

И что теперь? Пытаться жить? Приспособиться? В резервации были и другие женщины — уродливые, но смирившиеся, надеявшиеся завести семью. Вирус двадцать четвертой хромосомы не забирал жизнь. Он лишь изменял тело и кровь, делая людей непригодными для питания вендари, но бывший любовник Клео, конечно же, ничего не знает о древних. С ним знакомятся женщины в резервации, но он уже принял решение. Брат должен приехать на выходных. Брат надеется ободрить его, вселить надежду. Он не понимает, что надежды нет. Он не знает, что бывший любовник Клео принял решение — когда придет его брат, он будет уже мертв. Правда, повеситься, когда твое тело изогнулось и скрючилось, изменив шею и череп, не так просто, но тот, кто хочет добиться результата, ищет способы, а не причины, чтобы отказаться от затеи. И жизнь бывшего любовника Клео обрывается. Картина, которую видит Эрбэнус, становится настолько небрежной, что можно понять лишь суть, но не уловить деталей. И суть проста — любовник Клео Вудворт мертв. Любовник-человек. Любовник без сверхспособностей. Она виновата в его смерти. Но разве ее это заботит? Нет. Для нее время остановилось. Она не вспоминает о прошлом и не страшится будущего.

Эрбэнус видит картины спальни Мэтоксов. В тот самый момент, когда ее любовник-человек лишает себя в резервации жизни, Клео тает в руках любовников-сверхлюдей, которых привозит Фэй. Кровать огромная, словно из призрачного прошлого, где Дионисий устраивал экстатические оргии. Сознания людей обнажены, но в эту ночь мир грез разво-

рачивается в реальности. Им нужна реальность, чтобы почувствовать себя живыми. Даже Клео нужна. Горячая плоть. Капли пота на коже. Шепоты. Взгляды. Запахи. Звуки. Близость. Дыхание. Никто не выключает свет — они все видели сердцевины своих сознаний, а чувства и мысли куда интимнее, чем обнаженная плоть. Внутренний мир может быть уродливее, чем несовершенства тела. Так что плоть не смущает их, она лишь зовет, обещая реальность, понимание жизни.

Клео всегда говорит, что ненавидит эти оргии — это часть ее личности, часть поведения, которая позволяет не чувствовать вины за случившееся. Достаточно подчеркнуть, что ты против, и с головой окунуться в непотребство. Потом можно будет убедить себя в чем угодно. Ведь ты не хотел этого, не тянулся к этому. Хотя в реальности это и не так. Мир материален. Плоть материальна. И невозможно отрицать желания плоти, сохраняя естественное восприятие мира. Да никто и не собирается отрицать — лишь изменяет и подстраивает обстоятельства под себя и тех, кто рядом. Это падший мир, где живут падшие ангелы, оставляя бога в нематериальном мире. Хотя сверхлюди уже пробираются и в это эфемерное пространство. Эти странные, непонятные сверхлюди, на близость с которыми обречена Клео, потому что природа сделала их нечувствительными к вирусу двадцать четвертой хромосомы.

Иногда Клео вспоминает первую близость с Эндрю Мэтоксом после того, как он заразил ее вирусом двадцать четвертой хромосомы, чтобы отомстить слугам за смерть Крины. Знал ли он, что вирус не причинит ему вреда? Или же просто хотел сыграть с жизнью в русскую рулетку? Потому что он всегда боялся вируса, превратившего в урода его мать. Будучи психологом, Клео рассматривала их близость, как чувство вины Мэтокса. Подобным образом он надеялся очистить свою совесть за то, что заразил Клео. И еще была Крина — любовь Мэтокса. Он грустил о потере Крины и винил себя, что не смог спасти ее. Когда за ней пришли свихнувшиеся слуги, Мэтокс сбежал — убедил себя, что она уже мертва, и сбежал, чтобы уцелеть и отомстить. Иногда, наблюдая за ним, думая о нем, Клео удивляется, почему он не сбежал от нее после того, как искупил свою вину, переспав с ней? Может быть, виной была беременность Клео, может быть, Клео напоминала ему о Крине, или же просто Мэтокс принял новую жизнь. У них был дом, пара близнецов, и кровь плененного вендари, способная пробудить и усилить скрытые способности сверхлюдей, подарив вдобавок вечность. И еще у Мэтокса была Фэй — чокнутая женщина, которая привозила в Валдиз сверхлюдей, находя их по списку своего отца, некогда служившего вендари.

Отец ее был мертв, но Фэй все еще хранила его список, где значились имена и адреса других детей, рожденных от слуг. Но несмотря на то, что когда-то работала психологом, Клео так и не смогла до конца понять

причины и поступки Фэй. Не смогла она понять и почему Фэй тянется к Эндрю Мэтоксу. Наверное, ни одна наука, ни одно исследование не могли объяснить природу принятия решений сверхлюдьми, потому что этот молодой вид никогда не изучался прежде и, чтобы разобраться в них, нужно было провести собственное исследование. Клео пыталась это сделать, но потом все как-то потеряло смысл. Проще было принимать мир таким, какой он есть, чем понимать причины и следствия. Да и когда впереди целая вечность, сложно заставить себя работать и двигаться, понимая, что ты никуда не опаздываешь. Не нужно спешить жить. Не нужно бояться, что жизнь закончится раньше, чем ты закончишь свое исследование. Да и само исследование уже не нужно. Есть мир мысли и мир плоти. Есть дом, дети, муж и дионисийские ночи, когда Фэй приезжает в компании сверхлюдей.

Мэтокс выкачивает из Гэвила кровь. Все собираются в гостиной. Клео готовит ужин. Разговоры, смех. Затем тишина. Мир фантазий. Грез. Обнаженные личности изучают друг друга, находят общность. Затем возвращается реальность. Они поднимаются в спальню Мэтоксов, где стоит огромная кровать, способная вместить несколько пар. Хотя пар, по сути, и нет. Плоть не любит стереотипов. Еще утром Клео сменила постельное белье. Остается погасить верхнее освещение, оставив торшеры и бра. Одежда падает на пол. Поцелуи, объятия, ласки. Если гости приезжают впервые, то все происходит скованно, смущенно. Но смущение тает. Плоть приспособливается. Рамки и запреты рушатся. Мужчины Фэй ласкают Клео. Мужчина Клео ласкает Фэй. Все это уже было в мире грез и фантазий, который создавали сверхлюди, так что сейчас нужно лишь вспомнить это и перенести из эфемерных слоев возвышенного и божественного в мир плоти, где кожа потеет, мышцы отзываются усталостью. Мир, где оживают запахи близости тел, звуки. Организм выделяет жидкости, вырабатывает химические соединения. В мире грез ничего этого нет. Мир грез не ограничен плотью, но человеку иногда просто необходима эта ограниченность. К тому же в мире грез сложно испытать оргазм. Здесь же проблем с этим нет. Да и кровь вендари усиливает чувства и ощущения, как кокаин, — последнее Клео пробовала в своей прежней жизни, когда не было еще Мэтокса, не было древних, детей.

Ее любовником был зрелый дантист. Клео хорошо знала его семью. Она познакомилась с ними, когда дочь дантиста проходила у нее лечение. Ничего серьезного — проблемы переходного возраста. Но потом, во время сеансов, Клео узнала, что девочка нашла у отца тайник, где он прячет кокаин. Ничего личного, дочь просто хотела очернить строгого отца, указав на его собственное несовершенство, как это делает большинство подростков. Клео не поверила ей, встретила с дантистом и деликатно сообщила об обвинениях дочери. Потом было понимание,

что дочь дантиста не врала, тяжелый разговор, пара личных встреч.

Клео сама посоветовала дантисту частную клинику, где ему помогут избавиться от зависимости. В благодарность он пригласил ее поужинать — дружеская встреча. Отношения завязались, когда он закончил лечение. Одни из самых длительных отношений в жизни Клео и одни из самых бесперспективных в плане образования семьи. Возможно, именно поэтому дантиста и не волновали недостатки ее тела. Да он и сам не был «гигантом», скорее, наоборот. Так что Клео считала, в каком-то роде они нашли друг друга, ограничиваясь в большинстве случаев ласками и лишь иногда добавляя немного пряности в отношения, которые закончились сразу после того, как Клео узнала, что дантист снова вернулся к кокаину.

— Ты не понимаешь, что это такое. Ты никогда не пробовала, — сказал дантист во время последней встречи, и так же, как много лет спустя с Мэтоксом, подчеркивая свое отвращение к дионисийским ночам, но и не отказываясь от них, Клео приняла вызов дантиста.

Это было просто безобидное любопытство, не повлекшее за собой развитие зависимости, в отличие от подстерегших ее в будущем дионисийских ночей, к которым пристрастилась Клео. Эрбэнус не знает, почему и зачем видит в своем сне эти ночи, но они — часть истории реинкарнации Первенца. Или же часть отвращения, пробудившего гнев Илира, когда он увидел все это в воспоминаниях Фэй? Ведь Эрбэнус заглядывал в мысли Илира, и теперь эти картины — часть его мозга. Вот только в своем сне он не помнит об этом. Во сне есть лишь статуя Первенца да небрежная картина с Клео Вудворт в центре этого нечеткого мира. Мэтокс вгоняет ей иглу в вену и забирает зараженную кровь, способную ослабить древнего, превратить в раба. Есть и другие картины, но они уже передают исключительно безумие Илира и то, что вызвало в нем отвращение, послужившее причиной безумия. И цвет картин становится все более и более кровавым. Он заполняет холсты. Ничего другого не остается — только кровь. И кровь пробуждает голод.

Эрбэнус проснулся, слыша, как бьются сердца соседей. Именно этот стук и разбудил его — так казалось в первые мгновения. Сладкий желанный звук пульсации жизни. Эрбэнус метнулся к стене, тело вспыхнуло метаморфозами, появились искрящиеся когти, которые он воткнул в стену, замер, прислушиваясь к аппетитным жизням соседей. Собственное сердце почти остановилось. Эрбэнус чувствовал, как по вытянувшемуся подбородку стекает слюна. «Наверное, это цена за ответственность, которую я взвалил на свои плечи», — подумал он, когда смог успокоиться. Страх не было. Главное — не зайти слишком далеко, и для этого у него есть пример — безумие Илира. Учесть ошибки старого друга и избежать их в будущем. А сейчас... Сейчас ему нужно отправиться в резервацию и найти человека, зараженного вирусом двадцать

четвертой хромосомы. Ведь именно это ему посоветовала реинкарнация Эмилиана во сне. Нет, Эрбэнус не верил, что это действительно был Первенец — скорее всего, просто подсознание нашло ответ, но представлять в советчиках Эмилиана было куда приятнее. Первенец обещал отсутствие ошибок, хотя в свете того, что узнал Илир в доме Мэтоксов, ошибки совершали все. Включая Эмилиана.

Теперь Эрбэнус не сомневался в ошибках Первенца. Ведь именно Эмилиан помог Мэтоксу пленить Гэврила, от которого сейчас Ясмин — дочь Эндрю Мэтокса и Клео Вудворт — вынашивала ребенка, способного изменить равновесие сил в мире. Так что ошибаются все. Вопрос лишь в том, какова цена за эти ошибки, и будет ли время, чтобы исправить последствия. В прошлую ночь Эрбэнус тоже допустил ошибку. Не фатальную ошибку. Теперь он примет во внимание непокорность вендари. Древние не ведают страха. Так что договориться или запугать их не удастся. Пленение возможно лишь грубой силой. И если в открытой схватке дети Наследия не могут победить, сломить вендари, значит, нужен обходной путь, как это сделал Первенец, использовав зараженную вирусом кровь Клео Вудворт, которая ослабила Гэврила, после чего пленить его уже не составляло труда. Эрбэнус планировал поступить так же — отправиться в резервацию, найти зараженного человека и использовать его кровь при следующей схватке с вендари. Пока это был лишь каркас плана, но деталям надлежало прийти в процессе.

Он покинул Чикаго, как только зашло солнце. Дорога до резервации обещала занять чуть больше пары часов. Эрбэнус надеялся, что на входе у него не возникнет проблем с охраной. Можно было, конечно, связаться с искателями и узнать, нет ли в резервации своих людей, но Эрбэнус не хотел лишний раз беспокоить их, тем более что как только он найдет зараженного вирусом человека, ему снова потребуется помощь искателей, чтобы найти нового вендари. Значит, придется дожидаться, когда охранник резервации выйдет проверить, кто приехал ночью, заглянуть в его мысли, изучить имевшиеся там образы и подменить восприятие. Это будет проще, чем ломать сознание. Эрбэнус планировал просто обмануть глаза охранника, внушить ему, что в машине находится не чужак, а один из докторов. Главное, чтобы охранник был один — подчинять сознание сразу нескольких людей Эрбэнус так и не научился. Но в эту ночь ему везло.

Охранник был старым и усталым. Он открыл ворота и грубо направил луч фонаря Эрбэнусу в лицо. Мысли у него были простыми и такими же потертыми, как и внешность, а в воспоминаниях сквозил трепет перед начальством. Эрбэнус протянул ему визитку, внушив, что это пропуск ведущего врача резервации. Охранник вздрогнул, спешно убрал фонарь, извинился, что не узнал. Эрбэнус молчал. Охранник извинился еще несколько раз, назвав себя старым дураком, и пошел открывать во-

рота. Враждебная территория разверзлась перед Эрбэнусом. Совершал ли кто-нибудь из Наследия нечто подобное? Эрбэнус чувствовал, что заходит в своем отступничестве все дальше и дальше. Можно было, конечно, попробовать достать кровь Клео Вудворт, но подобное могло раскрыть его карты прежде, чем он пленит вендари, а если так, то Габриэла никогда не одобрит его план. Нет. С ней нужно договариваться только когда на руках будет плененный вендари.

Охранник на воротах сообщил о ночном визите другим охранникам. Эрбэнус неспешно ехал по улицам, вдоль которых выстроились одноэтажные дома зараженных. Яркие фонари освещали дорогу, лишь изредка позволяя ночи отвоевать часть пространства. Эрбэнус решил, что выберет самое темное место. Неважно, кто живет в доме, главное не ребенок, потому что этого Габриэла точно не сможет понять. Зрелый мужчина или женщина будут приемлемы. Эрбэнус свернул к обочине, остановился под старым дубом. Свет в доме не горел. Не горел и фонарь. Темнота сама указала Эрбэнусу цель. Он изучил мысли спящих людей. Сны мутантов. Это была семья из трех человек: отец, мать и дочь семи лет. Их уродство вызвало отвращение, соизмеримое с нежеланием разлучать семью. Эрбэнус не стал заходить в этот дом. Резервация большая. Он сможет подыскать что-то подходящее. Желательно одиночку...

Он ехал по пустынной улице, изучая сны местных жителей. Вирус превратил их в монстров и сделал непригодными для пищи — Эрбэнус не хотел думать об этом, но понимание невозможности утолить в резервации голод вызывало гнев. Где-то подсознательно он хотел уничтожить это место — этого требовала его природа, кровь вендари, давшая Наследию жизнь. Потому что пища в жизни — это главное, ради чего стоит бороться, ради чего можно умереть или убить. Пища, а не правила, согласно которым он забрал жизнь оступившегося Илира. Все это кипело и бурлило в Эрбэнусе на уровне чувств и инстинктов, хотя сознание оставалось ясным, блокируя первозданный хаос.

Когда Эрбэнус заглянул в мысли Ланы Зутерман, то вначале решил, что ошибся — увиденные им сны не принадлежали обезображенному вирусом мутанту. Но девушка определенно была заражена. И девушка жила одна. Даже во снах и мыслях ее не было места кому-то близкому. Последнее особенно нравилось Эрбэнусу. Одиночка. Для предстоящего лучшего было и не придумать. К тому же девушка не была уродцем, а значит, не станет привлекать внимание. Эрбэнус остановился, вышел из машины, поднялся на порог и постучал в дверь. Сон у Ланы Зутерман был чуткий. Она проснулась, казалось, раньше, чем услышала стук в дверь, почувствовав инородные мысли, вторгавшиеся в ее голову.

— Кто ты? — спросила она Эрбэнуса, хоть он и пытался проделать с ней тот же трюк, что с охранником. — Ты не доктор, — качнула головой

Лана. — Ты... — ответ казался таким очевидным, что девушка усомнилась в его реальности. Нет. Что-то здесь было не так. — Я вызову охрану, — сказала она, отступая в дом и понимая, что не успеет исполнить угрозу, буквально чувствуя кожей опасность, исходящую от незнакомца.

— Ты не должна меня бояться, — сказал Эрбэнус, прикрывая за собой дверь.

— Зачем же тогда ты пришел ко мне ночью?

— Мне нужна твоя помощь.

— Помощь? — Лана поморщилась, сжала руками свою голову. — Что происходит? У меня такое ощущение, что кто-то забрался мне в голову и копается там, изучает, словно хирург во время операции.

— Я не хирург, — сказал Эрбэнус.

Он изучал воспоминания девушки, и ему нравилось то, что он там видел. Нравилось в общих чертах, потому что какая-то часть Ланы была таким же отступником, в которого он превращался сам после того, как черви сомнений Илира поселились в его голове. Эти черви изменили его восприятие наподобие тому, как вирус изменил Лану. Не физически, нет. Вирус изменил ее внутренний мир, ее отношение к людям. Особенно к мужчинам, один из которых заразил ее, вычеркнул из летописи современного общества.

Он был молод и красив — почти греческий бог с черными вьющимися волосами до плеч. Лана растаяла в тот самый момент, как только встретилась с ним взглядом. Он широко улыбнулся, показав крупные белые зубы, подошел, рассекая толпу душного бара подобно волнорезу, вспарывавшему океан. Лана обмерла. Мужчина представился и предложил купить ей выпить. Разве могла она отказать? Спустя четверть часа они покинули бар и занялись любовью в его машине. А не успело все закончиться, не успела Лана отдышаться, как красавец, широко улыбаясь, сказал, что он заражен вирусом двадцать четвертой хромосомы.

— Поздравляю, теперь заражена и ты, — похлопал он Лану по плечу, натянул штаны и велел ей проваливать из его машины.

Она была в шоке. Стояла с задранный к поясу юбкой в центре автостоянки и смотрела, как уезжает греческий бог, который вдруг превратился в коварного дьявола. Растерянность была такой сильной, что Лана не могла как следует испугаться.

В эту ночь она так и не сомкнула глаз, дожидаясь утра, чтобы пойти в больницу и сдать анализы, уверяя себя, что это была просто дурацкая шутка чокнутого красавца, чтобы побыстрее избавиться от очередной попавшей в его сети дурочки. Она рассказала об этой связи врачу, который брал у нее на анализ кровь. Врач выслушал ее и хмуро подметил, что если заражение произошло меньше суток назад, то анализ не даст результата.

— Приходите через две недели, — сказал он и посоветовал возде-

ржаться от случайных встреч.

Лана вышла на улицу. Солнце было жарким, ярким. Она вспотела, но внутри все сжималось от холода. Подобное состояние лихорадило ее еще несколько дней, затем Лана забылась, убедила себя, что ничего страшного не случилось, и поклялась, что впредь не попадется на подобный прием. Она не хотела идти в больницу для повторного анализа, тем более что первый не обнаружил вируса в крови. Но врач, на приеме у которого она была, сам позвонил ей и по-отечески строго настоял на визите. Лана пришла. Она старалась держаться беззаботно, потешаясь над шуткой случайного любовника до тех пор, пока не узнала, что заражена. И снова мир замер. Мысли онемели. Лана замерла и стояла какое-то время в приемной врача, проводившего обследование, не понимая, где находится. Потом реальность навалилась на плечи, и Лана едва успела сесть на стул, чтобы не упасть.

— Лечения не существует, — сказал ей на приеме пожилой врач, выдал пачку брошюр о вирусе двадцать четвертой хромосомы и посоветовал обратиться в резервацию, где содержатся зараженные люди.

— Я должна там жить? — монотонно спросила Лана.

— Нет, — сказал доктор, — но когда вирус изменит вас, а это происходит довольно часто, многие люди откажутся воспринимать вас. Вы хотите превратиться в изгоя здесь или жить среди подобных себе в резервации?

— Вы хотите сказать, жить среди уродцев?

Врач предпочел промолчать. Лана покинула кабинет, зашла в первый попавшийся на глаза бар и напилась так сильно, что очнулась лишь утром. Кровать была чужой. Рядом лежал мужчина. Голова его была запрокинута, рот открыт. Он негромко храпел во сне. Похмелья не было, но Лана почувствовала, как сжался желудок. Все естество сжалось, запаниковало.

— Как же так? — заскулила она. — Я не хотела. Я правда не хотела...

— Чего не хотела? — сонно спросил незнакомец, открыл один глаз и отпустил пару грязных шуток касательно минувшей ночи.

Лана прикусила язык. Чувство вины сменилось гневом. Незнакомец был отвратительным, мерзким. Все мужчины в этот момент казались Лане отвратительными и мерзкими, недостойными жить. Она поднялась с кровати, собрала свою разбросанную по грязной комнате одежду и ушла, лишь на улице обнаружив, что случайный любовник не только воспользовался ее телом в прошлую ночь, но еще забрал все деньги. «Вот так и рушится мир», — подумала отрешенно Лана, вспомнила о вирусе и не смогла сдержать улыбку. Сожалений не было. Она радовалась, что заразила этого мужчину. В этом был смысл. Лана вернулась домой пешком. Врач дал ей пару месяцев.

— Затем, — сказал он, — вирус начнет вас менять. Не всех меняет, но не настраивайтесь на лучшее.

Лана и не настраивалась, считая, что жизнь закончилась. Все. Финиш. Она станет уродцем и убьет себя. И никакой жизни в резервации. Никакого существования. Лана перестала выходить на работу, продала все, что у нее было ценного. Суэта помогла отвлечься, но потом тяжелые мысли вернулись. Особенно сложно было в одиночестве полупустой квартиры, где не осталось ничего, кроме кровати и гардероба с одеждой.

«Наверное, смерть начинается с одиночества», — подумала Лана и уредила себя выйти на улицу и немного отвлечься. Она никогда не ценила эту жизнь, хотя и считала, что впереди минимум полвека, а возможно, и больше. Сейчас счет шел на недели. Позвонить родителям, поговорить с друзьями — к черту все эти слезные прощания. Лана бродила по шумным улицам родного города, планируя, как лучше лишиться себя жизни.

В голову не приходило ничего подходящего. Резать вены было как-то грязно и мерзко, а повешенье ассоциировалось с каким-то извращенным фетишем, где затянутые в кожу люди подчиняются и доминируют, получая удовольствие от всех этих веревок и ненастоящих удушений. Можно было попробовать пробраться на крышу какого-нибудь небоскреба или на мост, чтобы прыгнуть оттуда, но в реальности это оказалось еще более сложным, чем купить оружие. Лана сделала выбор в пользу таблеток.

Подруга сказала, что в аптеках ей вряд ли смогут помочь, но дала адрес одного дилера, поставившего свой товар преимущественно подсевшим на транквилизаторы богатым домохозяйкам да стареющим актрисам. Лана позвонила ему и договорилась о встрече. Она нервничала и тщетно пыталась скрыть, что собирается убить себя товаром дилера. Что касается дилера, то он решил, что у нее абстиненция и заломил цену, которую не могла позволить себе Лана. Пара грязных намеков на близость в качестве погашения недостающих средств сначала заставили Лану растеряться, а затем вызвали гнев.

— Никогда не думала, что стою так много, — сказала она дилеру.

— Ну, мы ведь только начинаем наше сотрудничество, — пожал он плечами. — Считай это моим долгосрочным вкладом. Никогда не знаешь, когда понадобится молодая и свежая... — и Лана услышала пару непристойностей касательно своих половых органов.

Гнев закипел в груди, поднялся алыми пятнами к шее.

— Ну так как? Мы договорились? — спросил дилер и осторожно протянул руку, чтобы прикоснуться к щеке Ланы.

Она не отстранилась. Дилер улыбнулся, поманил ее к себе и поцеловал в засос, переместив руки с лица Ланы на ее ягодицы, а затем поднявшись к груди.

— Хороший товар, — подытожил он. — У нас обоим хороший товар. — Он улыбнулся и предложил пойти в его машину.

— Ну, в машину, так в машину, — сказала Лана, глотая гнев и лико-

вание от понимания неизбежной мести, которую принесут ближайшие минуты унижения. А потом будет уже не важно. Она получит таблетки, и для нее в этот вечер все закончится. Для дилера же все только начнется.

«Надеюсь, вирус превратит тебя в насекомое, коим ты и являешься», — думала Лана, наблюдая, как он возится с ремнем своих затертых джинсов. Эти мысли принесли странное, противоестественное возбуждение, ошибочно принятое дилером на свой счет. Он улыбался, и Лана улыбалась ему в ответ. Раздражал только невысокий потолок старой спортивной машины, о который Лана снова и снова стучалась головой, пока все не закончилось.

— Теперь давай таблетки, — сказала она, сдерживая безумное ликование и пытаясь не улыбаться.

Дилер пересчитал ее деньги и протянул крохотный пузырек с пилюлями.

— Какого черта? — растерялась Лана. — Здесь нет и четверти от того, за что я платила.

— Получишь остальное потом, — улыбнулся дилер. — Мы ведь не хотим, чтобы ты увлеклась и попала в больницу?

— Надеюсь, ты сдохнешь в мучениях, — прошипела сквозь зубы Лана.

Она вернулась домой, купила бутылку «Джека Дениелса» и проглотила добытые пилюли, надеясь, что алкоголь усилит действие транквилизаторов. Так оно и случилось, и следующие несколько дней буквально вывалились из жизни Ланы, вот только о смерти и желанной коме не было и речи.

— Веду себя как конченый неудачник, — бормотала Лана, отмокая в ванной после принятых таблеток.

Спустя два дня она перечитала полученные в больнице брошюры и позвонила в резервацию. Ей назначили встречу на конец следующей недели, пообещав показать местное жилье и познакомить с больными. Лана сказала, что обязательно приедет. Да она и приехала бы, если бы не позвонил дилер, сказав, что у него есть хороший товар, за который Лане не придется платить, а потом долго рассказывал о своем друге, поставлявшем этот товар.

— Так ты хочешь, чтобы я переспала с ним? — спросила напрямую Лана.

— А ты против?

— Нет, — сказала Лана и стала собираться.

Так началась ее странная, новая жизнь, в конце которой был арест и принудительное заточение в резервацию. Можно было, конечно, выбрать тюрьму, но комиссия решила, что помещать Лану в тюрьму небезопасно, особенно принимая во внимание, что вирус не изменил ее, дав возможность продолжать заражать людей и во время заключения.

— Лучше пристрелите меня, как бешеного пса! — кричала она, когда судья выносил приговор, но потом, спустя месяцы в резервации, смирилась, правда, идти на контакт с местными уродцами не согласилась и по прошествии трех лет.

Работавший с Ланой психолог пытался убедить ее завести ребенка, говоря, что у нее есть все шансы на здоровое потомство.

— Ребенка? — Лана улыбалась, вглядываясь психологу в глаза. — Вам нужен мой ребенок, чтобы ставить на нем опыты?

— Опыты?

— Ну да. Вирус ведь не изменил меня, и вам это не дает покоя.

Психолог выдержал ее гневный взгляд и мягко предложил отложить вопрос о ребенке и сосредоточиться в работе над доверием... Когда в жизни Ланы появился Эрбэнус, они с психологом все еще работали над ее доверием. Все это Эрбэнус видел в ее воспоминаниях.

— Странная у тебя была жизнь, — честно признался он, не пытаясь решить, осуждает ее или нет.

— Ты знаешь, каким было мое прошлое? — недоверчиво спросила Лана, вглядываясь Эрбэнусу в глаза.

— Нет, я не один из тех, кого ты заразила, и не один из их родственников, — сказал Эрбэнус, читая ее мысли. — Да и на человека я похож лишь внешне.

— Ты, что?

— Я не человек... — Эрбэнус увидел мысли девушки, в которых она начала подозревать его в безумии. — И не безумец, — сказал он. — И не часть твоей терапии. Мне, если честно, вообще нет дела до того, решишь ты завести ребенка или нет. Хотя ты сама уже задумываешься об этом. Просто боишься, что ребенок родится уродцем. Или над ним будут ставить опыты, — последние слова прозвучали уже в голове Ланы, заставив ее растерянно оглядываться.

— Как ты это делаешь? — спросила она.

— Я способен на многое. — Эрбэнус показал ей, как обманул охранника при въезде в резервацию.

Видение понравилось Лане, заставило улыбнуться.

— Могу я теперь показать свой дом? — спросил Эрбэнус.

— Дом?

— Место, где я родился. У тебя самой ведь был дом. У каждого из нас есть дом.

— И что не так с твоим домом?

— Он странный. — Эрбэнус позволил Лане увидеть город, окружавший комплекс «Зеленый мир».

— По-моему, ничего особенного, — сказала Лана, затем увидела, как рождаются клонированные дети. — Так ты дитя какого-то эксперимен-

та? — В голове распустился образ Габриэлы.

— Это наша Мать, — сказал Эрбэнус, показал могилу Эмилиана и назвал его Первенцем. — Мать и Первенец создали Наследие — мой дом.

— А твой отец?

— Люди не всегда готовы узнать о моем отце.

— Ты показал мне, что можешь читать мысли и проектировать образы мне в голову, но не веришь, что я готова узнать о твоём отце?

— Мне нравится твое любопытство, — признался Эрбэнус. — Но пока все, что я показал тебе, можно объяснить современной наукой. Что касается моего отца... то он старше, чем ты можешь себе представить. Намного старше твоей науки. Старше культуры. Его история... Он жил, когда люди еще не появились на этой планете. И твой мозг... мозг человека... Зачастую люди боятся того, что не могут понять и объяснить... — Эрбэнус не хотел, но тени — его слуги — ожили, сгустились в углах гостиной, напугав Лану. — Извини, — сказал Эрбэнус.

— Это... — девушка растерянно вглядывалась в темноту под столом. — Это то, о чем ты хотел мне сказать?

— Это лишь часть изнанки ночи, — Эрбэнус позволил теням выбраться из укрытия. — Это не наука и не технологии, — сказал он, предугадывая мысли Ланы. — Это природа. Это нечто простое для Вселенной и в то же время невообразимо сложное для современного мира. — Эрбэнус замолчал, видя, как Лана подходит к теням, протягивает руку. — Не знаю, смогу ли я их контролировать, чтобы они не причинили тебе вред, — предупредил он, но тени уже почувствовали теплую человеческую плоть.

Лана вздрогнула, отшатнулась, чувствуя, как холод обжог руку. Кожа побелела, а затем начала краснеть.

— Это хищники, — извинился Эрбэнус, показывая, как недавно боролся с древним по имени Гудэхи.

Лана не сопротивлялась этим видениям. Любопытство усиливалось, подчиняло. Вот женщина думает о смерти, вот о том, чтобы родить ребенка, а вот уже встречает странное существо, способное читать мысли. Она вздрогнула, увидев в транслируемых в ее мозг воспоминаниях, как Гудэхи оторвал Эрбэнусу голову и выбросил в озеро Мичиган.

— Таких, как я и Гудэхи, могут убить лишь тени, — поспешил успокоить ее Эрбэнус. — Но вот слуги древних... Они уязвимы. — В голову Ланы стали поступать картины древних слуг вендари, которые горят на солнце, погибают от полученных физических повреждений. — Эти люди могут жить веками, не зная болезней и старости, пока принимают кровь древних.

— Но ты не древний.

— Верно. Один из древних стал Отцом детей Наследия, — Эрбэнус показал Лане еще одну историю. Он видел ее интерес к слугам и старался сделать акцент не на древних и Наследии, а на простых людях, которые им служат. — Наша кровь не дарит вечности, в отличие от крови древних. Она делает человека сильнее, но сокращает его жизнь. Мы сами сильнее вендари, но живем не больше года. Габриэла помогает нам контролировать голод. — Эрбэнус предвидел, что истина о дикой поросли не понравится Лане, но надеялся, что если девушка смогла принять предыдущую истину, то справится и с дикой порослью.

— Это отвратительно, — призналась она, видя в своей голове, как размножается и питается дикая поросль. — Они как крысы.

— Они живут гнездами и предпочитают ту же среду обитания, что и крысы, — согласился Эрбэнус.

— Мерзкие твари, — скривилась Лана.

— Они — наша темная сущность, — признался Эрбэнус.

— Но вы боретесь с этой сущностью.

— Мы боремся не только с этим. Наследие существует, чтобы положить конец вендари.

— Мне проще воспринимать их как вампиров.

— Когда-то они и сами себя так называли. — Эрбэнус показал историю самок вендари, войну, случившуюся в далеком прошлом, и тут же развернул историю Ясмин и Гэврила, плененного Мэтоксом с помощью Первенца Наследия. — Если у Ясмин родится ребенок вендари, то это означает войну. Наследие нуждается в мудрости Матери. Но Мать — человек, и чтобы продлить ее жизнь, мой друг Илир хотел пленить для нее вендари, кровь которого позволит ей избежать старости.

— Но ты убил своего друга, — подметила Лана, видя историю, спроектированную в ее сознание Эрбэнусом.

— Илир не боялся смерти. Он верил, что возродится в своем ребенке, которому даст жизнь Клео Вудворт.

— Думаю, твой друг уже возродился своими идеями в тебе.

— Боюсь, без тебя я не смогу пленить древнего.

— Тебе не нужна я. Тебе нужен вирус в моей крови.

— Вирус не живет вне носителя. К тому же именно так Первенец помог Мэтоксу пленить Гэврила...

— Так ты просишь меня о помощи?

— Я не хочу подчинять твой разум. Мне нужен союзник, а не раб.

— Это хорошо, — Лана сдержанно улыбнулась, — потому что раб из меня все равно бы не получился.

Она не знала, почему готова согласиться, но в предложении Эрбэнуса определенно был смысл. По крайней мере, это было лучше, чем думать о самоубийстве или родах ребенка, потому что первое казалось

глупым, а второе... Лана не верила, что в резервации ребенок будет в безопасности. Да и все эти телепатические связи, которым она подверглась только что... Они словно сокращали процедуру знакомства до минимума. Она узнавала Эрбэнуса, не анализируя то, что он говорит ей, взвешивая эти истории, фильтруя в соответствии с собственными мировоззрениями, а впитывала прямоком в себя его чувства, принимая их вместе с воспоминаниями.

— Давно уже подумывала о том, чтобы сбежать отсюда, — соврала Лана, глядя Эрбэнусу в глаза. Он кивнул, хотя и понимал, что это ложь.

Спустя четверть часа они покинули резервацию. Охраннику на воротах Эрбэнус внушил, что в машине сидят два ведущих доктора. Лана вошла в роль, осмелела и, потешаясь над охранником, отчитала его за нерасторопность.

— Интересно, смогу я когда-нибудь проделывать то же самое с людьми? — спросила она, когда ворота резервации закрылись за их спиной.

— Этому невозможно научиться, — сказал Эрбэнус. — Но если принимать кровь древнего, то...

— Да знаю я, знаю... Видела уже в твоих воспоминаниях... Интересно просто, можно ли будет мне попробовать эту кровь, когда мы поймем древнего?

— Если все получится, то, возможно, да.

— Получится, — самонадеянно заявила Лана.

Они ехали, пока на небе не забрезжили лучи рассвета, затем остановились в дешевом придорожном отеле, задернули шторы. Эрбэнус связался с искателями и уточнил местоположение вендари по имени Оллрик, который последние несколько лет издевался над Наследием, позволяя искателям подобраться к нему и ускользая в последний момент. Никогда прежде за древними не наблюдалось ничего подобного, и Наследие считало, что виной всему слуга Оллрика, который, скорее всего, стар и подсознательно хочет, чтобы их поймали, или же просто окончательно спятил, что среди слуг случалось довольно часто. Искатели пытались связаться с этим слугой и предложить процедуру реабилитации или быструю смерть, в зависимости от того, что он выберет. Но слуга ускользал от них так же, как и его хозяин. Единственное, что удалось узнать о слуге, — он был мужчина и его звали Алево. Судя по имени, жил он уже очень давно. Если быть точным, то почти четыре века, правда, таких деталей Наследие уже не знало.

Не знало Наследие и о том, что бегство в последний момент Оллрика было частью плана его древнего слуги. План состоял в том, чтобы искатели преследовали Алево и призрака, тень его хозяина. В действительности Оллрик все время находился на своем старом пастбище — в небольшом городе в Аризоне с численностью чуть больше тридцати

тысяч человек. Через подставных лиц Алево век назад приобрел для своего хозяина крошечный фамильный особняк. С тех пор Оллрик ни разу не вышел из дома. Ничего он не знал и о плане Алево, согласно которому слуга водил искателей Наследия за нос. За последние десятилетия Алево не совершил в городе, где жил его хозяин, ни одного убийства. А если исключить случай с парой грабителей, напавших на него в конце двадцатого века, то на руках Алево не было крови уже больше века. Фактически не было. Теперь пищу для его хозяина добывали другие люди. Алево платил им, они поставляли свежую кровь. Как и откуда? Алево никогда не спрашивал их. Главным было, что система работает. Система, которую он подготавливал и планировал начиная со дня случайной встречи с древним слугой по имени Холдор. Хозяином этого скандинава был Вайорель — странствующий вендари, известный тем, что уничтожил многих своих лишившихся рассудка сородичей. Были у него и другие слуги помимо Холдора, но Алево посчастливилось не встретить их. Хватило с него и голубоглазого, огромного, как скала, скандинава и той вечеринки, которую Холдор закатил в свою честь.

Заканчивался девятнадцатый век. В загородный викторианский особняк набилось около сотни приглашенных гостей, считавших, что новый хозяин — богач, прибывший из Европы. Одним из этих гостей был и Алево. Первые несколько часов Холдор действительно вел себя как радушный, богатый и воспитанный хозяин. Затем, поняв, что нового притока гостей больше не ожидается, он запер все двери и устроил кровавую вечеринку, уцелеть после которой удалось только Алево, да и то лишь благодаря тому, что Холдор признал в нем слугу. Алево пришлось «веселиться» вместе с безумным скандинавом. Не то чтобы он прежде никогда не питался человеческой кровью — нет, Алево был уже достаточно стар, чтобы голод пробирался в его сознание, но убивать людей ради забавы... Это было слишком. Холдор же ликовал. Он словно и не был слугой Вайореля. Нет. Скорее, хищником. Скалой мускулов с голубыми глазами и волосами до плеч. При других обстоятельствах некоторые известные художники, с которыми был прежде знаком Алево, пожелали бы запечатлеть на своих холстах природную красоту этого скандинава, но в ту ночь... В ту ночь сама смерть воплотилась в Холдоре и заполнила запертый викторианский особняк ужасом и отчаянием. Люди кричали, пытались спастись, бежали, падали, молили о пощаде, стоя на коленях. Некоторым из них Холдор давал шанс, жизни других забирал сразу. Пара молодоженов, пришедших на званый ужин, попались ему под руку одними из первых. Холдор вырвал молодому мужу желудок и у всех на глазах повесил молодую жену на кишках ее супруга, перебросив их через огромную люстру, свисавшую с потолка. Девушка все еще была жива, пытаясь ослабить склизкую петлю, стянувшую шею, когда Холдор метнулся в толпу и начал без разбора

разрывать глотки кричащих людей. Алево стоял прижавшись к дальней стене и не двигаясь, наблюдал за безумием.

— Присоединяйся! — проорал ему Холдор, уже давно признав в Алево слугу.

Алево хотел отказаться, но не посмел послушаться, потому что Холдор не предлагал ему присоединиться к кровавой трапезе — приказывал, не принимая отказа...

Когда ближе к утру Алево, пьяный от выпитой крови и пережитого безумия, покинул особняк, кровь и испражнения растерзанных гостей, просочившись под парадные двери, заливали мраморные ступени. «Если Холдор всего лишь слуга, то каков его хозяин? Наверное, зло. Абсолютное зло», — думал в каком-то онемении Алево. Ничего другого в голове не было — звенящая пустота, где так легко зародиться безумию. Алево казалось, что он забыл даже свое имя, не говоря уже о том, где он живет и куда ему идти. Поэтому, когда началось утро, он просто зашел в старый фамильный склеп.

Каменные ступени круто уходили вниз. Алево чувствовал холод и сырость, и в то мгновение ему казалось, что он уже никогда не заставит себя покинуть это место. Он останется здесь, пока жизнь не покинет его грешное тело и падшую душу. Хватит с него внешнего мира. Он и так уже многие века обманывает смерть. Но потом Алево подумал: «А что будет с моим хозяином, когда голод доберется до него и заставит выйти на улицу? Сколько погибнет людей?» И Алево заставил себя собраться, дожждаться сумерек и покинуть спасительный склеп. Он видел застывший вдалеке викторианский особняк, где в прошлую ночь разверзся сам ад, но Холдора там уже не было — Алево не чувствовал его присутствия. «Дьявол ушел», — подумал он тогда, вернулся к своему хозяину и попытался расспросить о Вайореле, которому служил Холдор.

— Вайорель любит музыку, — сказал Олтрик.

— Музыка? — растерялся Алево, но хозяин уже потерял к нему интерес, и Алево решил, что незнание в итоге будет лучше. Хватит с него и памяти о безумной обагренной кровью вакхической ночи в викторианском особняке.

Алево не давал себе слово, что больше не заберет человеческую жизнь. Не боялся он и стать таким, как Холдор — подобное должно быть у человека в крови с рождения, это невозможно приобрести. Алево просто продолжил жить, сделав несколько новых распоряжений, согласно которым кровь поставляли ему купленные доктора и санитары. Ночь с Холдором не принесла и кошмаров, лишь странным образом сделала Алево чуть более человечным, научив ценить то хорошее, что еще оставалось в нем по прошествии прожитых веков. В общем, Алево приспособился, как приспособился и когда появились искатели Наследия.

Это не было хитростью и коварством. Алево просто выживал, был всегда начеку, держал себя в форме, чтобы почувствовать приближение искателей или охотников и сбежать, разыграв комедию, согласно которой Наследие поверит, что с ним вместе бежал и вендари. Главное, не забывать об опасности, предвидеть опасность, готовиться к ней...

В день, когда Алево встретил Эрбэнуса, чувства и инстинкты подвели его. Он ошибся, зазевался, потому что никогда прежде Наследие не привлекало к охоте на вендари и их слуг обычных людей. Поэтому Алево и не ждал человека, не был готов к встрече с Ланой Зутерман, которая пришла в ночной бар и под села за его столик. Со дня, как она покинула резервацию, прошло две недели. Идея встретиться с Алево принадлежала ей. Странно, но Наследие, несмотря на всю свою генетическую память, оказалось крайне непластичным в плане понимания человеческих поступков.

— Сколько раз уже сбежал Алево? — спросила Лана, когда они с Эрбэнусом колесили вечерами по городу, где был замечен слуга вендари.

— Двенадцать... Может, чуть больше, — ответил Эрбэнус, пытаясь почувствовать Алево в одном из баров, почувствовать любого слугу, который сможет привести его к своему хозяину.

— А ты не думал, что Алево тоже способен чувствовать вас? — снова спросила Лана.

— Он же просто слуга.

— Ты показывал мне и более сильных слуг. Старых и сильных. Алево стар?

— Мы не знаем.

— Почему?

— Наследие воюет с вендари, а не с их слугами. Если слуга придет к нам и сдаст своего хозяина, решив вернуться к нормальной жизни, то мы отпустим его.

— И многие об этом знают?

— Что?

— Как Наследие предлагает слугам свободу и прощение? Как они могут узнать об этом и обдумать предложение?

— Они могут встретиться с нами.

— Но ведь вы убиваете слуг.

Их спор продолжался несколько часов. Вернее, не спор, а беседа, где Лана вела себя, как ведут многие взрослые с настырными детьми, — терпеливо, но настойчиво, донося свои идеи и взгляды путем неопровержимых доказательств. Но и Эрбэнус был по-детски упрям — мудрец, который не прожил в этом мире и года.

— Ты хочешь поймать вендари или нет? — потеряла терпение Лана, когда им наконец-то удалось отыскать след Алево.

— Ты уверена, что слуга может чувствовать меня?

— Нет, но только так можно объяснить, что ему удастся сбежать снова и снова. Или ты знаешь другой ответ?

— Не знаю.

— Тогда останься здесь, а я пойду и попробую поговорить с этим слугой, присмотрюсь к нему.

— Он может убить тебя.

— Или он просто снова сбежит. Что будешь делать тогда? Ждать, когда искатели найдут нового вендари?

— Вендари находится где-то в этом городе.

— А если нет? Что если это уловка, чтобы сбить Наследие со следа?

— Вендари не плетут интриг.

— У вендари есть слуги. Они обыкновенные люди. А люди хитры и изворотливы. Не нужно недооценивать нас и нашу мудрость. Может быть, мы и не обладаем генетической памятью, как вы, но и жизнь наша не ограничена одним годом...

Эрбэнус еще сомневался, когда Лана отправилась в бар, где находился Алево. Она и сама сомневалась. Сомневалась в реальности происходящего. Сознание сопротивлялось. И пока Эрбэнус был рядом, доказывая существование изнанки мира, было еще ничего, но без него... Без него все тут же становилось чем-то сюрреалистичным, подобным сну, реальность которого поставлена под вопрос и подсознание спешно пытается проснуться. Возможно, пробуждение случится, как только Лана войдет в бар или увидит слугу? Возможно, она проснется в резервации и будет долго смеяться, потешаясь над собственной странной фантазией? Лана подумала, что было бы неплохо, если бы и резервация оказалась сном, и ее болезнь... и вообще часть жизни...

«Пусть все начнется с чистого листа или останется неизменным», — решила она, проходя в душный, заполненный людьми бар. Если бы Эрбэнус приблизился к бару чуть ближе, то смог бы описать Лане внешность слуги, но она не позволила ему этого сделать, опасаясь, что слуга почувствует опасность и сбежит. Древний слуга, который пьет человеческую кровь и способен без раздумий забрать жизнь. Лана пыталась создать его образ в своем воображении, но черты были какими-то жуткими, грубыми, монстроподобными. О том, что слугой может оказаться женщина, Лана не думала. Нет. Поступки принадлежали мужчине. Особенно эта игра в прятки с Наследием. Сознание женщины любит постоянство, стабильность. Женщина не станет притворяться, колесить по стране, а возможно, и по миру, чтобы запутать Наследие. Но вот мужчина... Мужчина способен на подобное. У мужчин сознание косное, упрямое, но они радуются переменам, бегут от постоянства. Лана вглядывалась в лица мужчин, пытаясь встретиться с каждым из них взглядом,

надеясь, что сможет заметить в глазах слуги отпечаток прожитых веков. Усталость и опустошение невозможно скрыть. Человек не должен жить так долго. Это неправильно, противоречит природе. И человек будет понимать это. Дальше будет либо безумие — Эрбэнус показывал Лане некоторых свихнувшихся слуг, — либо опустошенность.

— Привет, — сказала Лана, подсаживаясь за столик к Алево.

Она не была уверена, что этот мужчина служит древнему, но жизни в его взгляде определенно не было. Он либо устал и отчаялся, либо прожил уже слишком много лет, чтобы сохранить возможность удивляться и радоваться каждому дню. Хотя внешность его и была самой обыкновенной — ничего общего с монстром, убийцей.

— Ты кто? — спросил Алево.

— А ты загляни в мои мысли и скажи, — посоветовала она, решив играть в открытую, но Алево лишь улыбнулся, посчитав это шуткой. — Я серьезно, — сказала Лана, подаваясь вперед.

Мысли ее были открыты, максимально доступны для прочтения. И на первом месте был Эрбэнус, Наследие, Охотники... Алево вздрогнул, едва прикоснувшись к мыслям Ланы.

— Если снова сбежишь, то уже никогда не узнаешь, как спастись, — предупредила его Лана.

Голос ее был спокойным, уверенным, заставляя Алево потратить еще несколько драгоценных секунд, чтобы заглянуть ей в мысли и узнать о том, кто она такая.

— О! — только и сказал он растерянно.

— Угу, — кивнула Лана. — Теперь ты, конечно, можешь меня убить, но...

— Зачем мне тебя убивать?

— Все слуги — убийцы.

— Я уже много лет никого не убиваю.

— А как же питается твой хозяин?

— Я сотрудничаю с некоторыми врачами. Они поставляют мне чистую, свежую кровь. Этого достаточно.

— Так ты, значит, у нас святой?

— Нет.

— И тебе нравится быть слугой?

— Нет.

— Почему же ты не бросишь своего хозяина?

— Он найдет другого. К тому же представь, что случится, когда вендари слетит с катушек и выйдет питаться на улицы. Люди ведь для него всего лишь пища.

— Ты тоже когда-то был человеком.

— Я и сейчас человек.

— И что ты ответишь на мое предложение?

— Ты просишь меня предать хозяина?

— Обещаю, что он больше никого не убьет, — Лана заставила себя улыбнуться, хотя от присутствия в голове чужого сознания хотелось кричать. Тем более что мысли Алево были совсем не похожи на мысли Эрбэнуса, который мог изучать воспоминания, не вызывая дискомфорт. Алево же причинял боль. — Полегче, это ведь моя голова! — не выдержала Лана.

— Извини, — неожиданно смутился Алево. — Просто я очень давно не заглядывал людям так глубоко в воспоминания.

— Тебе не нужно заглядывать в мои воспоминания. Достаточно встретиться с Эрбэнусом и сказать, где прячется твой хозяин. Остальное мы сделаем сами. Надеюсь, ты изучил наш план в моей голове?

— Вы не сможете пленить его.

— Мы парализуем его моей кровью. Подобное уже практиковалось.

— Оллрик не пьет кровь из людей.

— Мы что-нибудь придумаем. Главное — скажи, где нам найти твоего хозяина.

— Доверьтесь мне, и я помогу вам пленить его.

— Довериться тебе?

— Ну вы же хотите, чтобы я доверял вам?

— Справедливо, — Лана заглянула своему новому знакомому в глаза. Определенно в последние недели ее жизнь сошла с ума, превратилась в нечто удивительное и пугающее одновременно. — И какой у тебя план? — спросила Лана.

— Загляни в мои мысли.

— Мне это не под силу — я не принимаю кровь древних.

— Тогда мы сейчас выйдем из бара, сядем в мою машину, я возьму твою кровь и передам ее Оллрику. Когда вирус замедлит его, придет твой хозяин и пленит его.

— Эрбэнус мне не хозяин.

— Как скажешь.

— Думаешь, я его пленница?

— Он похитил тебя из резервации. К тому же он не человек. Для таких, как он, мы — всего лишь мусор.

— Дети Наследия не такие, как вендари.

— Если верить воспоминаниям, которыми поделился с тобой Эрбэнус, то Наследие появилось благодаря крови вендари.

— Я не буду с тобой спорить. Каждый слышал разные истории, каждый верит в свои истины.

— Согласен, но, поверь мне, Наследие такое же зло, как и вендари...

— Мы будем спорить или займемся делом? — начала злиться Лана.

Они покинули бар. Машина Алево была серой и неприметной. На такой, скорее, развозят детей после футбола, а не охотятся на людей ради их крови. Все это время Алево тщетно пытался почувствовать близость Эрбэнуса. Встреча с Ланой казалась ему странным сном, впрочем, возможно, причиной этому было ее собственное восприятие реальности как сна, которое впиталось в его мысли, когда он изучал ее воспоминания.

— Что собираешься делать, когда плените Оллрика? — спросил Алево.

— Поеду с Эрбэнусом в Наследие.

— Можем сбежать от него прямо сейчас. Ты и я.

— Ты и я? Если рассматриваешь меня как женщину, то ты, должно быть, спятил, потому что вирус в моей крови убьет тебя.

— Я не рассматриваю тебя как женщину.

— Тогда зачем предлагаешь бежать?

— Потому что не вижу разницы. Что Наследие, что вендари — одно зло. Проще сбежать, и пусть эти твари сами разбираются.

— Мы тоже не святые. Я видела, как ты убивал людей. И уверена, ты видел, как я заражала людей. Проблема лишь в возможностях. Если бы у людей была сила древних или Наследия, то, поверь мне, они бы натворили дел куда больше. — Лана закатала рукав, подставляя вены, чтобы Алево мог взять у нее необходимую для пленения его хозяина кровь. — Или будет лучше, если я поеду с тобой до гнезда, где прячется Оллрик? — спросила она, пристально вглядываясь новому знакомому в глаза. — Вирус ведь живет без носителя совсем недолго. Как далеко находится твой хозяин?

— Ты не доверяешь мне?

— Тебе в роли человека доверяю, но тебе в качестве слуги — нет.

— Да, пожалуй, я и сам себе тогда не доверяю, если ставить вопрос таким образом, — согласился Алево.

— Как давно ты уже служишь Оллрику? В памяти хотя бы остались чувства жизни до рабства?

Алево ответил не сразу.

— Когда Оллрик забрал меня, я был мальчишкой, — сказал он наконец, — служкой в старой, покосившейся церкви. Ничего плохого для тех лет. Ничего хорошего. У меня была самая обыкновенная тихая жизнь, которую я пытаюсь вести сейчас.

— Приспособленец! — скривилась Лана.

— Зато так проще. Особенно когда увидишь, в каких животных превращаются другие слуги... Исключений нет. Либо безумие, либо отчаяние. Одни мечтают о величии своих хозяев, другие хотят вернуть себе человечность. Ничего хорошего из всего этого не выходит, потому что ни один слуга не сможет стать древним и никто уже не будет человеком. Есть шанс лишь притворится ненадолго, что ты тот или другой, но

не больше. Потом миражи рухнут, и нам придется признать невозможность перемен — мы слуги своих хозяев.

— Ну так давай пленим твоего хозяина и подарим тебе свободу, — начала раздражаться Лана, готовая надавить на бывшего служку, если придется, но он неожиданно согласился.

Страх не было. Алево просто решил, что пришло время в очередной раз принять судьбу. Хватит бегать. Хватит скрываться. Ветер перемен сбивает с ног, и глупо дышать смрадом прошлого, не пытаясь сделать вдох полной грудью.

Перед тем, как войти в дом своего хозяина, Алево достал нож и нанес себе несколько смертельных для человека ран, чтобы иметь возможность остаться в небольшом особняке и подать Лане и Эрбэнусу сигнал, когда Оллрик примет зараженную кровь. Так что, когда Алево переступил порог дома своего хозяина, за ним тянулся кровавый след. Оллрик заметил кровь, но счел вопрос о состоянии слуги лишним, ненужным. Харкая кровью, еле живой Алево принес из своей машины собранную кровь, установив колбы так, чтобы первой была кровь Ланы. Раны, которые нанес себе Алево, были настолько серьезными, что, закончив с разгрузкой, он упал у входа. Оллрик и не взглянул на своего слугу.

— Я побуду немного здесь? — спросил у него позволения Алево. — Пока не вернутся силы.

Оллрик кивнул.

— И не забудь убрать за собой, — сказал он, заметив кровавые следы, оставленные Алево.

Затем Оллрик ушел. Алево не двигался. Оставленная хозяином кровь древнего находилась на кухне, которой никто не пользовался в этом доме. На четвереньках Алево добрался до кухни, но кровь принимать не стал, решив, что силы пригодятся ему, когда придет Эрбэнус. Главное — не отключиться, не прозевать момент, когда Оллрик примет зараженную вирусом кровь Ланы. Слабость древнего не продлится долго. Потом в этом доме развернется ад, который будет старше человеческого мира.

Алево настроился на связь со своим хозяином. Мысли Оллрика были холодными, завывая морозными ветрами тысячелетней пустоты, бесцельности. Но где-то там был и голод. Алево чувствовал его, чувствовал, как он проникает и в него, подчиняет. Откупорив колбу, слуга выпил часть оставленной ему хозяином крови. В этот момент в другой части дома Оллрик тоже приступил к трапезе. Голод усилился. Сначала голод. Затем появился гнев. Оллрик винил своего слугу за недосмотр — в предательство древний не верил до тех пор, пока не почувствовал Эрбэнуса на пороге своего дома.

— Предатель! — зарычал Оллрик.

Если бы не вирус, то он забрал бы жизнь Алево в первую очередь. Но сил хватало лишь на гнев. Тени оживали в вечерних сумерках. Тени древнего, которых не боялся Эрбэнус. Да и тени были робкими, такими же беспомощными, как их хозяин. Они бросались на Эрбэнуса как голодные, тощие, обессиленные псы. Но дитя Наследия не обращал на них внимания. Он подошел к распластавшемуся на полу Оллрику. Волнения не было — ожидание было слишком долгим, чтобы волноваться. Да и не так Эрбэнус представлял себе этот момент. Он ждал битвы, сражения, готовился к эпохальному противостоянию, а тут было лишь жалкое, распластавшееся на полу существо. Эрбэнус поднял шипящего в гневе древнего и отнес в свою машину. Слуга Оллрика находился в доме, но до него Эрбэнусу не было дела. Если Алево попытается защитить своего хозяина, то он убьет его, а так его придется отпустить, сдержав данное Лане слово.

— Все в порядке? — спросила она, когда Эрбэнус вернулся в машину.

— Да.

— Алево жив?

— Когда я уходил, был жив.

Лана кивнула. Она не испытывала жалости или симпатии к Алево, но и не желала ему смерти. Он был просто старым, уставшим человеком. Может быть, есть шанс, что о поступке Алево узнают другие слуги и поступят так же... Что ж, уже неплохо...

— Не поступят, — заверил ее Эрбэнус.

— Ты снова читаешь мои мысли?

— Нет, но твои идеи буквально сочатся сквозь твою кожу.

Эрбэнус включил зажигание. Дом древнего и раненый слуга остались за спиной. На улицах небольшого города было тихо, если не считать редкой молодежи да полицейской машины, которая встретилась трижды, прежде чем Эрбэнус смог покинуть город. Они ехали не останавливаясь несколько часов, затем, в середине ночи, Эрбэнус попросил Лану вколоть древнему еще зараженной крови. Глаза Оллрика сверкали гневом. Лана подмигнула ему — сейчас было сложно представить это существо могущественным и опасным. Сейчас вендари вообще не вызывал никаких чувств, кроме жалости и, возможно, отвращения, если представлять себе, как долго он уже живет и скольких людей убил за все это время. И еще были тени. Тени древнего, которые шлейфом тянулись за машиной, не отставали, как бы ни гнал Эрбэнус, но и не догоняли, чувствуя свою беспомощность. Лишившись указаний плененного хозяина, они не знали, что делать.

— Не бойся их, — сказал Эрбэнус Лане. — Они не трогают зараженных людей. Обычно не трогают, если только хозяин не даст им прямого указания.

— А я и не боюсь, — сказала Лана.

Страх действительно не было. Дивный, сюрреалистичный сон продолжался, и казалось, конца ему не будет. Ничего не изменилось и после того, как они прибыли в Наследие. Для Ланы не изменилось, потому что подсознательно она ждала от этого места чего-то волшебного, особенного, а здесь был самый обыкновенный, крошечный, пыльный город, в центре которого находился исследовательский центр «Зеленый мир».

Эрбэнус оставил Лану в пустующем доме города, а сам отправился на встречу с Габриэлой, вспомнив лишь в последний момент о своем неисполненном поручении — уладить детали похищения доктора Накамуры. «Если Мать спросит меня об этом, то я не смогу соврать», — думал Эрбэнус, но Мать не спросила. Она была занята, и ему не удалось встретиться с ней.

— Как ты мог забыть о поручении? — отчитала его Лана, когда он вернулся к ней.

Ее кровь держала Оллрика парализованным, но Эрбэнус все равно предпочел сковать древнего цепями.

— Ты должен вернуться в Чикаго и уладить проблемы с Накамурой, — не отставала Лана. — Ты хочешь разгневать Габриэлу? И как тогда ты собираешься сказать ей о своем предательстве? О плененном вендари? Обо мне?

— Если Наследие почувствует древнего, то они убьют и его, и тебя.

— Я буду исправно накачивать его своей кровью, — пообещала Лана.

Эрбэнус молчал, невольно сравнивая ее с Клео Вудворт. Обе женщины были заражены. У каждой была своя странная, не совсем обычная история. Но их различия были такими яркими, сочными...

— Я вижу твои мысли, — сказала Лана.

Эрбэнус извинился. Он не знал, почему подобное случается. Возможно, он просто слишком сильно сблизился с этой женщиной. Он вспоминал Первенца и его слугу, которая состарилась и умерла за считанные дни. Согласно преданиям, Эмилиан был привязан к своей слуге. Эрбэнус пытался не сравнивать себя с Первенцем, но эти мысли были сильнее него. Особенно когда рядом Лана — эта странная, непонятная, иррациональная самка.

«Может быть, когда-нибудь настанет день, и вирус превратит всех людей в таких, как Клео Вудворт и Лана Зутерман?» — думал он по дороге в Чикаго. Странно, но эти люди нравились ему. Нравились не потому, что этому учила его Мать, а потому, что в них было что-то понятное, интересное. Возможно, виной всему была слишком близкая связь сознаний. Особенно с Ланой Зутерман. Он открылся ей, изучил ее. Их сознания приняли друг друга. Эрбэнус вспомнил своего друга Илира, который верил, что после смерти часть его сущности воскреснет

в сыне Клео Вудворт. Тогда это казалось безумием, ересью, но сейчас Эрбэнус чувствовал, что начинает понимать друга. Если бы Лана могла выносить ребенка, как и Клео Вудворт, то Эрбэнус хотел бы возродиться после смерти в ее сыне. Подобные мысли были новыми и вызывали какое-то странное беспокойство. Что это было: действие поселившихся в сознание червей сомнения или же неизбежное взросление, когда личность растет в соответствии с обстоятельствами вокруг? А может, виной всему близость конца? Изучая мысли и воспоминания Ланы Зутерман, он проникся ими, почувствовал их и понял, насколько скоротечна его собственная жизнь? Сколько ему осталось? Два месяца? Три? Нет, Эрбэнус не боялся смерти, но...

— Что ты сделала со мной? — спросил он Лану Зутерман, когда вернулся из Чикаго. — Я встречался с родственниками Накамуры, видел его дочь, смотрел ей в глаза и...

— И завидовал доктору, потому что у него есть дочь? — спросила Лана, видя детали поездки Эрбэнуса в Чикаго, потому что мысли его и воспоминания извергались, как вулкан, который невозможно контролировать. — Иногда я тоже думаю об этом, — сказала Лана. — Оцениваю, переживаю, считаю, сколько лет мне осталось, чтобы создать потомство. — Теперь Лана изучала воспоминания Эрбэнуса касательно Клео Вудворт. Или это уже были ее собственные воспоминания, размышления?

— Думаешь, Илир поступил верно? — спросил Эрбэнус.

— Нет, — сказала Лана.

Эрбэнус помрачнел, но Лана тут же объяснила, что Илир не должен был оплодотворять Клео Вудворт силой.

— Она ведь не хотела этого, верно? — спросила Лана.

— Верно.

— Она и сейчас не хочет этого ребенка.

— Да.

— И ты думаешь, что это правильно?

— Я никогда не сделал бы ничего подобного.

— Я знаю. Вижу это в твоих мыслях.

— Значит, после смерти я просто исчезну?

— Ты не исчезнешь.

— Но... — Эрбэнус невольно заглянул в мысли Ланы, устав от громозкости неповоротливых слов, которыми невозможно порой выразить чувства и желания. Мысли Ланы показались ему спутанными, сбитыми, но и в то же время кристально ясными, чистыми, как падающий с неба белый снег. Эрбэнус видел это еще подростком — единственная зима в его короткой, скоротечной жизни.

— Ты не исчезнешь, — снова услышал он голос Ланы, ее обещание, предложение.

Эрбэнус хотел что-то сказать еще, чувствовал, что должен сказать хоть что-то, но в мыслях он уже видел, что случится. Здесь и сейчас. На этой старой, пыльной кровати, которая уже успела пропитаться запахом Ланы, самки, манящим к себе сильнее, чем запах крови. Вдыхать его, чувствовать тепло ее тела, слышать удары ее сердца... Безумие. Безумие Илира. Эрбэнус чувствовал, как оно проникает в него. Но безумие было сладким, желанным.

— Не знаю, смогу ли я стать таким, как мужчины твоего вида, — предупредил Эрбэнус.

— Не думай о мужчинах, которые у меня были, — посоветовала Лана. — Не думай ни о чем.

— Я не могу.

— Тогда думай обо мне.

Лана не знала, как сильно навредит вирус в ее крови Эрбэнусу, но мысли о том, что это не убьет его, не превратит в уродца, успокаивали, помогали отвлечься, продлить странную сказку-сон, в которую она попала, как только познакомилась с этим таинственным существом, искрящимся в волнительном предвкушении. Лана хотела закрыть глаза, но не могла оторваться от наблюдения за фантастическими метаморфозами Эрбэнуса. «Когда-нибудь я проснусь и буду удивляться этому сну», — подумала Лана.

— Боюсь, от этого сна будет невозможно проснуться, — сказал Эрбэнус.

Вирус двадцать четвертой хромосомы проник в его кровь. Сначала ослабла сила воли, мысли, затем слабость начала проникать в тело. Мир без возможности видеть воспоминания других стал пустым, одиноким. Беспомощность застучала в висках бескомпромиссным абсолютом. Кожа стала липкой от пота Ланы. Мир умер, превратился в стеклянный шар, подброшенный высоко в воздух, в звездное черное небо, где ничего нет, кроме власти плоти. Несколько мгновений шар висит в этом небе, звезды отражаются на его стеклянной поверхности, а затем природа берет верх и шар начинает падать, звенит разлетающимися осколками вечности...

Эрбэнус слышал, как звонит телефон, но не мог подняться и ответить. Его вызывала Габриэла, Мать, но вирус лишил его сил. Случившееся лишило его сил. Можно было лишь ждать, когда включится автоответчик этого старого, соединенного с комплексом «Зеленый мир» телефона.

— Не знаю, почему не могу связаться с тобой, — говорила Габриэла. — Но если ты услышишь это послание, то обязательно приди на совет. Мы собираем всех, кто сейчас свободен. Искатели нашли Ясмин, нашли женщину, которая вынашивает ребенка вендари. Мы можем поставить точку в этой истории. Можем исправить все ошибки древних и Наследия последних лет.

Глава третья

Мсть — сладкая, изысканная, охлажденная и поданная на десерт. Желанная мсть. Чем ближе Лора Оливер подбиралась к кровососам, забравшим ее мужчину, отца ее ребенка, тем сильнее становилось предвкушение скорой расплаты. Они забрали у нее Брэда Ричардса, теперь, забрав у Саши Вайнер театр, Лора собиралась забрать их жизни. Нет, она ничего не знала о Ясмин и ребенке этой девушки, не знала о вендари, не знала о Наследии. Для нее существовали только кровососы, вампиры, природу которых она не понимала и не собиралась понимать, считая, что эти твари не достойны понимания — отрезанной головы или очищающего огня будет достаточно. Не знала Лора и о том, что эти твари — всего лишь слуги, незначительные элементы изнанки мира теней и ночи. «У каждого из нас есть своя история, но не каждая история достойна того, чтобы о ней узнали», — так думала Лора.

Ее собственная история началась, когда она еще была подростком. Отец Лоры — детектив Оливер, — расследуя череду странных убийств, подобрался достаточно близко к вендари и Наследию. Но он остался один в конце. Была вначале Клео Вудворт, но после встречи с Эндрю Мэтоксом переметнулась на темную сторону, бросила детектива Оливера, как чуть раньше бросила жена, посчитав его расследование одержимостью, и лишь незадолго до его смерти, став свидетелем череды необъяснимых событий, поверила. Правда, к тому моменту она уже жила с другим мужчиной, а отец Лоры добровольно заразил себя вирусом двадцать четвертой хромосомы, чтобы иметь преимущество над кровососами и теньями, следовавшими по пятам за исчадьями ада. Позднее так же поступила и его дочь.

Ей повезло, и в отличие от отца вирус пощадил ее, не превратил в уродца. Она познакомилась с людьми, которые знали о кровососах и охотились на них уже не один век. Это была целая организация, где лидеры никогда не являли свои лица и личности охотникам. Да последним и не нужно это было. Продолжалось бы финансирование, да поставлялись сведения о кровососах. Охотники были одиночками, в лучшем

случае действуя парами. Парой для Лоры Оливер был Брэд Ричардс. Парой на работе. Парой в личной жизни. Он тоже был заражен и тоже не превратился в уродца. Повезло и их ребенку, которого взяли на воспитание верные организации охотников люди в Луизиане — пожилая бездетная пара. В их доме проживали и другие дети охотников. Ричардс и Лора навещали дочь раз в месяц, но после того, как кровососы забрали Ричардса, Лора не могла заставить себя отправиться в Луизиану и объяснять дочери, почему с ней не приехал отец. «Нет, — думала она. — Сначала месть, а уже потом объяснения». Тогда будет нестыдно смотреть дочери в глаза. Но месть затягивалась.

Вообще все, что было связано с театром Саши Вайнер, начинало казаться Лоре Оливер странным — не то, что Саша Вайнер живет уже не один век, нет, каждый охотник знал эту особенность кровососов, но вот компания, сплотившаяся возле этой женщины... Что-то в них было странного, не свойственного обычным кровососам. Это еще заметил Ричардс, когда они с Лорой следили за театром. После его исчезновения она запаниковала и перестала реально оценивать ситуацию — сожгла театр Саши Вайнер, готовилась уничтожить каждого, кто мог иметь отношение к смерти Ричардса. Но потом боль стихла. Гнев, клокочущий в груди вулканом, затаился, позволяя собраться и трезво оценить ситуацию.

Лора смотрела на Ясмин и не могла понять, что эта еще совсем юная беременная девушка делает в компании кровососов. Она попыталась выяснить, кто такая Ясмин и откуда, но знания не принесли ответов, наоборот, судьба Мэтоксов — смерть Эндрю Мэтокса и его друзей в крохотном городе на Аляске, исчезновение Клео Вудворт — вызвала еще больше вопросов. К тому же Ясмин не была похожа на пленницу. Она вела себя как равная. Но если кровососы убили ее семью, то как она может общаться с ними? Любовь? Девочка читалась глупых романтических книжек и решила подарить себе вечный рай ценой родителей? Если так, то она была достойна презрения. Но рядом с Сашей Вайнер была не только Ясмин.

Продолжая слежку, Лора Оливер увидела и других кровососов — Киан, Либена, Рада. Вот с ними, пожалуй, все было просто и ясно. Лора уже встречала таких не раз. Но был и еще один — Клодиу, природу которого Лора не могла понять. Он удивлял еще больше, чем Ясмин. Вроде и не кровосос, но и не обычный человек. Что-то в нем было противоестественного. Лора не признавалась себе, но Клодиу пугал ее. Какое-то внутреннее чутье заставляло опасаться этого человека. Или не человека? Что вообще происходит с этой странной компанией? От кого они бегут? А в том, что они бегут, Лора не сомневалась. Кровососы не боятся охотников. Навряд ли сожженный театр на Бродвее поверг этих монстров в бегство.

Пытаясь разобраться, Лора все ближе и ближе подбиралась к странной компании. Вирус в ее крови блокировал их способность читать мыс-

ли. Они ничего не узнают, если только она сама не выдаст себя. Дважды, когда беглецы останавливались в дешевых отелях, Лора пыталась сблизиться с Ясмин — девочка определенно не была кровососом. Но как-то раз вместо Ясмин Лора столкнулась лицом к лицу с Сашей Вайнер.

Это случилось в хмурый день, когда по небу плыли рыхлые белые облака. Отель у дороги был пыльным и каким-то кособоким. Беглецы жили в нем уже три дня. «Чего они ждут?» — спрашивала себя Лора, наблюдая за ними, остановившись в противоположном крыле отеля. Она настраивала себя на схватку, сражение. Несколько знакомых охотников были готовы приехать сразу, как только получают от нее сигнал, как только прольется первая кровь, но...

«Что же, черт возьми, происходит?» — теряла терпение Лора, наблюдая, как Ясмин гуляет по пыльной безжизненной территории отеля. Гуляет днем, обедает в кафе, а затем... Затем в этом же кафе Лора заметила и Сашу Вайнер — женщину, фактический возраст которой приближался к двум столетиям. Значит, она была кровососом. Но эти твари не питаются обычной пищей. Лора не видела, чтобы питались. Вообще вся эта странная компания беглецов начинала ей напоминать шоу уродцев, отличавшихся от обычных кровососов. Или же это просто притворство, чтобы сбить преследователей со следа? Лора пришла в кафе и села за столик рядом с Сашей Вайнер. Бывшая балерина, а ныне балетмейстер, театр которой сгорел, заказала салат и кофе. Не желая выделяться, Лора тоже сделала заказ, затем появился липучий и сальный толстяк, подсел за ее столик и начал мурлыкать неуклюжие комплименты. Лора решила воспользоваться ситуацией.

— Не возражаете, если я пересяду к вам? — спросила она Сашу Вайнер, указывая глазами на толстяка.

Саша Вайнер проследила за ее взглядом, смотрела несколько секунд на несостоявшегося Ромео с излишком веса и наконец осторожно кивнула.

— Проблема только в толстяке или вообще во всех мужчинах? — спросила она Лору.

— Проблема в вирусе двадцать четвертой хромосомы, — сказала Лора, понимая, что если Саша Вайнер вампир, кровосос, то все равно попытается заглянуть в ее мысли и, когда не сможет прочитать их, задастся вопросом: почему. — Но вы не переживайте, вирус не передается по воздуху, — добавила Лора.

— Я знаю, — сказала Саша Вайнер. — Я уже давно живу на земле.

— А по вам и не скажешь.

— Возраст внутри, а не снаружи.

— Не знаю. Мне тридцать восемь, и я чувствую себя на тридцать восемь, — сказала Лора, стараясь держаться как случайный знакомый, который просто хочет пообедать.

— Для балета тридцать восемь уже непроглядная старость.

— Для балета? — Лора притворно удивилась. — Вы занимаетесь балетом?

— Когда-то занималась. Потом преподавала... Пока кто-то не сжег мой театр.

— О!

— Да ну и черт с ним, с этим театром. Он мне все равно уже надоел. Слишком долго я занималась балетом. Однообразие утомляет.

— А мне всегда кажется, что жизнь жутко коротка.

— Жизнь коротка только когда ты не успеваешь за ее развитием или чувствуешь неудовлетворенность от прожитого. Сколько тебе было, когда ты заразилась?

— Почти подросток.

— Семьи, как я понимаю, нет?

— Есть, — Лора вздрогнула. Как же ей сейчас хотелось вогнать нож в сердце Саши Вайнер, а затем отрезать ей голову. «Ты забрала моего мужчину! Ты разрушила мою семью, исчадь ада!» — вот что хотелось сказать, глядя, как жизнь покидает глаза этой бывшей балерины, а не говорить с ней о жизненных ценностях... Но выдавать себя нельзя. — Мой мужчина тоже был заражен. И моя дочь... — Лора заставила себя поднять глаза и посмотреть на Сашу Вайнер. — Мы все заражены, но никто из нас не изменился. Говорят, настанет день, и вирус будет в каждом человеке, не превращая его в уродца.

— И ты думаешь, сможешь застать это время?

— Я не знаю. Наверное, нет, но...

— Всем нам нужно во что-то верить, — Саша Вайнер сухо улыбнулась.

— А у тебя есть семья? — спросила Лора.

— Моей семьей всегда был балет, — еще одна сухая улыбка.

— Любовники? — Лора смотрела ей в глаза.

— Возможно, но от этого устаешь, — Саша Вайнер помрачнела. — Когда жизнь дает тебе возможность реализовать себя, дает время все обдумать и взвесить, то в итоге остается только усталость.

— Мир всегда может удивить.

— Согласна.

Женщины вернулись к обеду. Толстяк за соседним столиком продолжал наблюдать за ними. Лора чувствовала его сальный, плотоядный взгляд. И еще она чувствовала холод, который исходит от Саши Вайнер — холод времени, бездну. Скольких людей осушила эта женщина, чтобы купить у жизни лишнюю пару веков?

— Сложно, наверное, терять своих любовников? — спросила Лора.

— Любовник изначально предполагается чем-то временным — сосуд, в котором сосредоточена страсть. Нужно утолить жажду и снова отправиться в странствие по пустыне жизни.

— Свою последнюю любовницу ты тоже осушила? — спросила Лора, не поднимая глаз.

— Что? — растерялась Саша Вайнер.

— Та молодая армянка, с которой ты жила. Гаяне, кажется, да? Она тоже была сосудом? И кто испил ее? Ты или же кто-то из твоих друзей-кровососов? — Лора ждала ответа, но Саша Вайнер молчала. — Я хотела убить вас сразу, как только спалила твой театр. Но потом увидела ту молодую беременную девушку... Вы называете ее Ямин, — Лора сдерживала гнев, снова и снова кусая губу. — Никогда не видела подобного. Кто эта девушка?

И снова Саша Вайнер не спешила с ответом — сидела и смотрела на охотника, который почти начал ей нравиться.

— Я ведь доберусь до каждого из вас, — пообещала ей Лора, только сейчас заглянув в глаза.

— Почему? — сухо спросила Саша Вайнер.

— Почему? — Теперь черед сухо улыбаться пришел для Лоры. — Потому что я — охотник. Потому что вы забрали отца моего ребенка.

— Он тоже был охотником?

— Он работал охранником в вашем театре.

— Ах, этот... — небрежно сказала Саша Вайнер, заставив Лору скрипнуть зубами.

— Его звали Брэд Ричардс, и клянусь, вы, чертовы кровососы, еще пожалеете, что убили его, — процедила сквозь плотно сжатые зубы Лора, увидела улыбку на губах Саши Вайнер и едва сдержалась, чтобы не воткнуть ей нож в грудь прямо здесь. — Тебе кажется это забавным?

— Меня забавляешь ты.

— Вот как?

— Вы, охотники, не знаете и доли того, что происходит. Носитесь со своей одержимостью очистить мир и отомстить за смерть, но не понимаете, что мир не хочет очищаться, да и мстить, по сути, не за кого.

— Ричардс стоил сотни таких, как ты!

— Почему ты говоришь о нем, как о мертвеце? Ты разве видела его труп?

— Я доберусь до каждого из вас.

— Конечно, доберешься. Только прежде... — Саша Вайнер достала карандаш и нацарапала на салфетке адрес. — Этот дом принадлежит мне. Сейчас там живут отец твоего ребенка и одна из моих балерин... И, кстати, он действительно неплохой человек, если вычеркнуть из его головы личину марионетки-охотника.

— Ты врешь.

— Нет. Мне было плевать на Ричардса, но балерина, которая привязалась к нему, пока он работал охранником, была симпатична мне. Так что

когда мы узнали о том, кто такой Ричардс и что он обо всем рассказал Джатте Ахенбах, я попросила Клодиу стереть им воспоминания и превратить в любовников. И поверь мне, отец твоего ребенка будет любить мою бывшую любовницу и после того, как она превратится в уродца, заразившись от Ричардса вирусом двадцать четвертой хромосомы.

— Ложь, — процедила сквозь зубы Лора. — Ни один кровосос не может пробраться в мысли зараженного вирусом человека.

— А кто сказал, что Клодиу обычный кровосос? Что ты знаешь о природе тех, на кого охотишься? — Саша Вайнер заглянула Лоре в глаза, поднялась из-за стола. — Я не прошу тебя верить мне. Просто съезди и посмотри на отца своего ребенка. Он счастлив. Без тебя. Без охоты. А потом можешь возвращаться и продолжать охоту, природу которой ты никогда не сможешь понять.

Лора смотрела, как Саша Вайнер уходит, а румянец гнева заливал ее бледные щеки. «Ложь! Все это ложь! Ложь, ложь, ложь!» — думала она, возвращаясь в свой номер. Гнев был таким сильным, что Лора начала задыхаться. Проверить оружие, связаться с охотниками и напасть на кровососов, пока солнце еще светит, заставляя их прятаться в отеле. И плевать, что Саша Вайнер не боится солнца. Плевать на ее отличия. Плевать на Ясмин. На странного Клодиу...

Телефон Лоры звонил и звонил, а она стояла у окна, наблюдая за номером беглецов напротив. Гнев все еще подчинял разум, но и звонок был настойчивым, долгим, повторяющимся, заставляя ответить, убеждая в важности сообщения.

— Я занята! — процедила Лора, борясь с желанием швырнуть телефон в стену.

— Ты следишь за Сашей Вайнер? — спросил знакомый голос. Спросил спокойно, размеренно. За свою жизнь Лора слышала этот голос лишь трижды. Голос одного из тех, кто стоял за охотниками, их лидера, о котором никто ничего не знал.

— Да, я слежу за Сашей Вайнер, — сказала Лора, умеряя свой гнев.

— Она не одна?

— Нет. Кровососы собрались в странную компанию.

— Ты видела среди них беременную девушку?

— Ясмин?

— Да. Ясмин. Она с ними?

— С ними еще есть странный тип по имени Клодиу... Он кажется мне странным, не таким, как другие кровососы... Но я думаю, сегодня мы узнаем, что это за тварь, когда нападём на них...

— Никто не будет ни на кого нападать, — прервал ее мужской голос. — Ты не должна нападать на эту группу. Они защищают беременную девушку. Ее судьба важна.

— Важна для кого?
— Для человечества.
— И кто она?
— Неважно, кто она. Важно, что на нее охотятся.
— Другие охотники?
— Считай их другими кровососами.
— Я не понимаю. С каких пор кровососы убивают кровососов?
— Ты многого не знаешь.
— Ну, так расскажите мне.
— Нет времени.
— И что я должна сделать?
— Предупредить их об опасности.
— Что?! Я не ослышалась?
— Нет.
— Может быть, мне еще нужно охранять их?
— Если на то будет необходимость.
— Вот как...
— Поверь, так нужно...
— Почему?
— Потому что мир совсем не такой, как ты думаешь.
— Сегодня мне уже говорили об этом. Я разговаривала с Сашей Вайнер, и она...

— Предупреди их об опасности! — отчеканил сухой мужской голос. — Ты поняла?

— Могу я узнать ваше имя?

— Ты сделаешь то, о чем я тебя прошу?

— Кто вы?

— Можешь называть меня Нун.

— Просто Нун?

— Предупреди Клодиу об опасности, если не хочешь натворить непоправимых бед. Ты охотник. Ты должна подчиняться! Ты... — Нун замолчал, потому что Лора прервала связь... Старый, усталый Нун...

Его женщина — Амунет — стояла рядом. Женщина, которая находилась с ним уже тысячи лет, став частью личности Нуна, но перестав привлекать его как женщина. Время и кровь древних выхолостили из их сердец все, что когда-то принадлежало людям.

— Думаешь, Птах послушает охотника? — спросила Амунет.

— Не Птах, — качнул головой Нун. — Птахом он был в Египте. Птахом, богом. Потом он предпочитал притворяться человеком. Клодиу. Просто Клодиу.

— Мне больше нравилось Птах, — призналась Амунет.

— Египетские боги давно мертвы.

— Но он был для нас не только богом. Он пытался стать нашим другом, помнишь?

— И мы пытались быть ему друзьями.

— Мы не пытались. Мы ими были.

— Верно, но как только мы стали ему друзьями, то уже не смогли оставаться слугами...

— Думаешь, он никогда не догадывался, что наша смерть была обманом? — мрачно спросила Амунет.

— Думаю, его опечалил наш уход. Смерть для него — странное, непонятное состояние. Как и для всех вендари.

— Клодиу считал себя полукровкой.

— Ни одно наше исследование за последние тысячелетия не подтвердило этих слов.

— Я не верю, что Клодиу врал нам.

— Он мог и сам уже забыть, как и когда появился на свет. Все эти древние существа могли забыть.

— Многие из нас забывают о том, где был их дом. Чего ты хочешь от вендари?

Они замолчали, задушив ссору в зародыше. Слишком старые и слишком мудрые. И все еще немного люди. Совсем чуть-чуть. Потому что кровь вендари меняла их уже так долго, что человеческого почти не осталось. Не осталось у Нун и Амунет. Они стали первыми, стали основателями этой древней организации. Это был осознанный, продуманный ход. Слуги выросли, стали другом своему хозяину и поняли, что больше не могут служить. Поняли, услышав историю бога, историю Птаха. И бог утратил божественность, променял ее на пару друзей. Древний египетский бог. И вместе с ним свою божественность утратили и его слуги. Секрет вечной жизни рухнул, как и тайна могущества. Мир вздрогнул и перевернулся с ног на голову. Два долгих века Нун и Амунет считали себя избранными богом, а потом целый век учились жить с новыми знаниями о древних, знаниями о вендари, правда, тогда эти существа предпочитали называть себя иначе. Не все существа — некоторым из них вообще не было дела до того, как их называют. Люди были для них только пищей, низшими существами. Птах был другим. Тот самый Птах, который позднее, уже в Римской республике, взял себе имя Клодиу, притворяясь обычным человеком. Он всегда считал себя полукровкой. Всегда рассказывал о том, что люди произошли от древних, после того как вирус лишил многих из вендари сил. Это было в те времена, когда жили еще самки древних. Птах-Клодиу считал себя ребенком одной из изменившихся самок. Вирус забрал у нее силы и вечность, когда она готовилась явить миру свое потомство. Все дети родились мертвыми, за исключением Клодиу.

Ему нравилось думать, что в нем течет кровь не только древних, но

и тех, кого природа превратила в людей, в пищу. Он смаковал свою слабость и уязвимость, противопоставляя их вечному голоду, сводившему с ума каждого древнего. Но после того как Нун и Амунет узнали эту историю, эту истину рухнувшего в их глазах божества, они поняли, что не могут больше служить ему. Поэтому они спланировали свое бегство, имитировав смерть в лучах рассвета. Древние и уставшие. Они использовали историю слуг, о которых уже рассказывал им Птах. И Птах поверил. Он и подумать не мог, что обретенные друзья способны предать его, бросить. Хотя иногда, находясь по разные стороны баррикад, друзья остаются друзьями. И в то время как организация Нун и Амунет росла, они никогда не переставали присматривать за Птахом, потеряв его из вида лишь ненадолго, когда в Римской республике он взял себе имя Клодиу.

Сведения о нем появились случайно — один из филиалов, организованных парой древних слуг, вышел на след вендари. По сути, сами вендари никогда не интересовали их. Нун и Амунет охотились только на свихнувшихся древних слуг, в то время как за свихнувшимися вендари охотился их сородич по имени Вайорель. И две эти стихии никогда не пересекались. Охотники вообще не интересовали вендари. К тому же обычно получалось так, что Нун и Амунет помогали вендари скрывать свое присутствие от людей, подчищая за кровожадными слугами. Вначале они пытались посвящать охотников в изнанку ночной жизни планеты, но после решили, что лучше будет сохранить легенду о слугах. Пусть охотники верят в кровососов, вампиров и ничего не знают об истинной природе слуг — людей, продавших свои души вендари. Посвященными становились лишь бывшие слуги, решившие оставить своих хозяев. Хотя и этих сторонников оставалось все меньше и меньше.

Последняя крупная встреча состоялась в Уайтчепеле на излете девятнадцатого века и показала абсолютную несостоятельность большинства участников заговора, после того как несколько бывших слуг решили устроить себе кровавое пиршество, повергнув Лондон в первозданный ужас. Большинство зверских убийств удалось скрыть, но некоторые стали достоянием прессы. Амунет лично встречалась с главным констеблем Макнейтеном три раза, промывая ему мозги, ставя блоки и направляя по ложному следу. Нечто подобное проделывал и Нун с прессой, забивая их головы идеями заговора королевской семьи и ухудшившейся экономической обстановкой. Ситуация осложнялась тем, что центр организации находился в Лондоне и спешно менять локацию никто не собирался. Но случившееся раскололо организацию, основанную Нун и Амунет. Раскол произошел и между ними, когда Нун узнал о близкой связи Амунет с одним из инспекторов. И все бы ничего, но увлечение переросло в привязанность, и Амунет начала всерьез поговаривать о том, чтобы принять инспектора в ряды их организации.

— Принять непосвященного? — хмуро спросил Нун. — Он ведь даже не слуга.

— Хватит с нас слуг.

— Если хочешь, то преврати его в охотника.

— Я не хочу превращать его в охотника. Я хочу сохранить его возле себя.

Нун отнесся к подобному как к неизбежному помешательству. Он уже видел, как пал Великий Рим, прогнив изнутри. Вероятно, подобное неизбежно в любой организации. За счет этого и крутится мир людей. Когда Птах, ныне Клодиу, встретил Нун и Амунет в Египте тысячи лет назад, они любили друг друга так сильно, что псевдобог был тронут. После он обратил их в своих слуг, научил принимать кровь древних и быть богами, возвышаясь над людскими массами. И чем выше они поднимались, тем тусклее становился свет их любви. Сначала остыла страсть, уступив место духовной связи, тем более что их новые телепатические возможности способствовали этому, но потом и эта связь трансформировалась, изменилась, став чем-то родственным, где неуместна близость. Правда, случилось это уже после того, как Нун и Амунет предали своего хозяина-полукровку. Они собрали возле себя группу слуг, многие из которых продолжали служить вендари, чтобы иметь доступ к дарующей вечную жизнь крови древних. Такова была их судьба. И Амунет принимала ее какое-то время. Потом женское сердце дрогнуло. Нун винил в том себя.

Это случилось в Риме, когда они нашли своего бывшего хозяина, сменившего имя. Птах отказался от божественности и предпочел стать человеком по имени Клодиу, приближенным к сенату, к республике. Подобное тронуло Амунет, разбудило что-то забытое, стертое из памяти. Нун не одобрил ее связи с молодым легионером, которого Амунет встретила в день, когда узнала о Клодиу, но и не стал возражать. «Если это позволяет ей чувствовать себя чуть более живой, то пусть будет так», — решил он тогда. Спустя пару месяцев легионер пал в бою. Амунет оплакала его и успокоилась на ближайшие несколько столетий. После, когда вестготы осадили Рим, она вступила в связь с одним из варваров.

— Вы женщины странно последовательны в своем выборе, — сказал об этой связи Нун.

Варвар погиб в пьяной драке спустя месяц, напомнив Амунет смерть легионера. Слез на этот раз не было. Возможно, Амунет просто тщательно прятала их от Нуна, занятого после падения Рима сменой дислокации их организации — вестготы оказались крайне недружелюбны к бывшим полубогам. Нун и Амунет вернулись в Египет, входивший на тот момент в состав Византии, и старались долгое время держаться вдали от дворовых и церковных интриг, восстанавливая утраченные связи

с другими слугами и пресекая кровавые сборы слуг свихнувшихся. Так продолжалось почти два века, пока сердце Амунет снова не дрогнуло, подавшись чарам сына императора Маврикия.

Сначала Амунет относилась к нему как к сыну, выхаживая после полученных ран. Нун не знал, была их встреча случайностью или же Амунет давно уже подыскивала себе любовника, выбирая его среди встречавшихся людей. Ее встреча с сыном императора по имени Феодосий была странной, и в какой-то момент Нун думал, что Амунет подстроила нападение на своего будущего любовника, излечила с помощью крови древних полученные им раны. Возможно, окунаясь с головой в подобные связи, она сбрасывала с плеч тяжесть прожитых лет — Нун не знал, да и не хотел знать. Оставался лишь факт — Амунет стала любовницей сына императора. Единственное, что отметил Нун в этой, да и прежних связях Амунет, — она выбирает своих любовников так, чтобы их жизнь обязательно предполагала скорую смерть. Месяц, два, три — и любовник погибает, позволяя Амунет оплакать его и успокоиться.

— С Феодосием все будет иначе, — пообещает она.

Но иначе не вышло, хоть Амунет и старалась держаться рядом со своим любовником и оберегать его. В византийской армии вспыхнуло восстание. Взбунтовавшиеся солдаты избрали предводителем сотника по имени Фока. Пройдут века, а этот жестокий и внешне уродливый человек будет ассоциироваться у Амунет с абсолютным человеческим злом.

В момент восстания Амунет будет находиться рядом с императором и его сыном в Константинополе, готовясь к защите города. Надеясь на поддержку, она пошлет к Нуну гонца, умоляя вмешаться. Нун не вмешается, да и не успел бы он вмешаться, потому что когда послание от Амунет было им получено, император уже бежал из Константинополя в Халкидон, расположенный в Малой Азии, отправив Феодосия за помощью к персам. Сын императора настоял, чтобы Амунет осталась с его отцом.

Она все еще ждала помощи от Нуна и организации древних слуг, когда узурпатор Фока вошел со своей мятежной армией в Халкидон. На глазах Амунет погибнут пять сыновей императора, а затем Фока заберет и жизнь самого Маврикия. Чтобы избежать бесчинств и унижения, учиненного мятежниками над свитой павшего императора, Амунет пронзит себе кинжалом грудь. Кровь вендари сохранит ей жизнь. Мертвецов выбросят на площадь. Толпа стервятников набросится на украшения императорской свиты, не брезгуя и залитыми кровью дорогами нарядами. Амунет удастся выбраться из груды мертвецов, смешаться с толпой. Ближе к ночи она покинет Константинополь. Полуголая, обессиленная морально и духовно, но отнюдь не сломленная, она отправится в Никею, чтобы попытаться спасти своего любовника, но успеет лишь оплакать его изувеченное тело. Там, на берегу местного озера, ее и найдет Нун.

— Все закончилось так, как ты и говорил, — скажет она, не поднимая на него сухих, заплакавших все слезы, что были, глаз. — Доволен?

— Почему я должен быть довольным? — спросит Нун, но она лишь пожмет худыми плечами, наблюдая, как беспокойные воды озера наползают на берег, целуют его враскос, напоминая о потерянной любви. Еще одной любви...

Рана от клинка, которым Амунет проткнула себе грудь в Константинополе, долго не заживет на ее груди. Нун заметит, что Амунет сама будет ковырять эту рану, не позволяя ей зажить, но не скажет об этом ни слова. Каждую потерю нужно прочувствовать, пропустить сквозь себя. Только так можно принять разлуку и позволить себе идти дальше. Иначе утрата останется навсегда с тобой. Поэтому Нун и будет молчать, даже когда Амунет тщетно попытается спасти жену и дочерей свергнутого императора. А после, потерпев фиаско и здесь, отправится с парой слуг в Иран, ко двору Хосрова Второго, где, к удивлению Нуна, вступит в отношения с воином из привилегированного сословия по имени Феррухан Росмиозан, побудив его стать главнокомандующим армии Хосрова. Оживить Феодосия будет ее идеей. Оживить не буквально, а найти мужчину, который был бы похож на умерщвленного сына византийского императора, чтобы посеять смуту в мятежной армии узурпатора Фоки.

Наблюдая за Амунет, Нун отмечал несвойственный ей огонь безумия, полыхающий кострами в ее глазах. В каком-то отчаянном отрицании реальности она разделила постель с Псевдофеодосием недалеко от стен Дары, где вскоре будет разбито их войско. На помощь Псевдофеодосию придет Хосров. Начнется затяжная осада Дары, за стенами которой находился посвященный в тайну организации слуг вендари епископ города. Амунет пыталась спасти его, но чем настойчивее становились ее требования помилования епископа, тем тверже становилось желание Псевдофеодосия лишить его жизни. В итоге епископ покончил с собой, а Амунет, разочаровавшись в своем «воскресшем» Феодосии, вернулась к Феррухан Росмиозану. С ним она находилась, когда он штурмовал Дамаску. С ним была, когда его армия взяла Иерусалим, захватив христианскую святыню — Господень Крест.

— Хотела бы я верить во все эти легенды и святыни, — скажет позднее она Нуну. — Наше бессмертие наделяет нас мудростью, лишая божественного неведения.

Этот разговор состоится годы спустя после захвата Феррухан Росмиозаном Константинополя. К тому времени в армии персов уже вспыхнет восстание. Росмиозан узнает о письме Хосрова, где шахиншах поручает лишить своего полководца жизни. Так на территории Парфянского царства, возле стен Ктесифона, что недалеко от Багдада, Росмиозан вос-

станет против Хосрова. Мятеж закончится смертью шахиншаха, позволив Росмиозану стать ненадолго правителем персов.

— Нет, мужчины не могут править, — решит в тот год Амунет. — У них в крови нет ничего, кроме войны.

Убийца, отравивший Росмиозана, будет послан Амунет — преданный друг правителя, в чьей голове древний слуга установит десяток блоков. После смерти Росмиозана на престол взойдут дочери покойного Хосрова Второго.

— Не понимаю, почему знать не любит их? — злилась Амунет.

Правление сестер продолжилось меньше двух лет и привело фактически к агонии державы, на престол которой сасанидская знать возвела молодого внука Хосрова Второго. Амунет вернулась к Нуну, вернулась в древнюю организацию, воспринимавшую себя выше мирских войн и правлений. Смутные времена остались в прошлом, и Амунет не стремилась вспоминать о них. Да и сама она как-то изменилась — не стала прежней, но и утратила романтический азарт своего бывшего образа. И так продолжалось много веков, вплоть до уайтчепелских убийств в Лондоне конца девятнадцатого века, когда Амунет увлеклась одним из инспекторов, ведущих следствие, пожелав доверить ему тайну общества слуг.

— Нет, — отрезал Нун.

— Он все равно продолжит расследование, — сказала Амунет. — Хочешь, чтобы он вышел на наш след?

— Не выйдет.

— Он уже подобрался к Сикерту. Ты помнишь Сикерта? Его письма в Скотланд-Ярд?

— Художник останется художником. Если полиция отыщет его, то не сможет ничего доказать. Он мишура, ложный ход, как и Касиньский, Бери или Чепмен.

— Не забывай еще Элизабет Уильямс, — желчно подсказала Амунет.

— Этот след уже не был моей идеей.

— По-твоему, женщина не способна быть убийцей?

— Элизабет не способна. Она обманутая жена, но не убийца.

— Кто же тогда убил Мэри Келли?

— Откуда мне знать, кто убил Мэри Келли?! Не слуга — это точно. Мы уже избавились от свихнувшихся слуг, устроивших эту резню. Хорошо еще, полиция не узнала обо всех жертвах.

— Мы избавились не от всех свихнувшихся слуг.

Они обменялись многозначительным взглядом, решив не произносить имя древнего слуги Вайореля вслух. Достаточно и того, что об этом кричало их сознание. Холдор. Скандинав. Безумец.

Он встретился с Нун и убедил его, что хочет измениться. Нун не заметил подвоха. Старый и мудрый Нун. Его возраст не уступал, а возмож-

но, и превосходил возраст Холдора, но в его сознании не было безумия, не было этой странной психопатичной одержимости и тяги к игре, риску. Холдор забавлялся, развлекал себя. Он собрал группу слуг, посеял смуту и убедил их развлечься вместе с ним. Тех, кто отказался, он убил. Тех, кто согласился, убили Нун и Амунет. Оставался лишь Холдор. Все думали, что он сбежал — вернее, не сбежал, а просто уехал, потому что страха скандинав не знал. Да и не верил он, что кто-то из древних слуг способен победить его. Вся организация, созданная Нун и Амунет, представлялась ему не более чем клубом неудачников, которые тщатся, что приносят этому миру пользу.

— Не нужно спасать этот мир. Он сильнее, чем вы думаете, — сказал он как-то раз Амунет.

Потом был устроенный скандинавом пир и хлопоты, чтобы все уладить. Большинство слуг, готовых присоединиться к организации, разбежались. Те, кто остался, тщетно пытались все скрыть, ведя Скотланд-Ярд по ложному следу. Убийство Мэри Келли, совершенное по прошествии месяца после бесчинств Холдора и подвергшихся его влиянию слуг, свело старания Нун и Амунет по заметанию следов на нет. Часть помогавших им слуг решила, что Холдор вернулся, и сбежала. Связь Амунет с инспектором Фредериком Эбберлайном не помогала, а скорее, ухудшала ситуацию. Ум инспектора был пытлив и продуктивен. Ошибкой стала и попытка Нуна скрыть детали убийства Мэри Келли. Кто-то воспользовался суматохой и убил молодую девушку. Кто-то посторонний. Человек. Не слуга.

Промыть мозги большинству констеблей оказалось не так сложно. Лишь некоторые свидетели остались нетронутыми. Впрочем, их показания лишь сильнее запутали следствие. Нун лично встретился с суперинтендантом Томасом Арнольдом и, установив ему пару блоков, внушил желание побыстрее уладить дело. Подобные встречи слуги тайной организации провели и с большинством инспекторов. Нетронутым остался лишь Фредерик Эбберлайн.

Амунет верила, что очаровала его. Они встречались в бедных районах Ист-Энда. Хотя Амунет и пыталась вести себя изысканно, Эбберлайн не верил, что она благородных кровей. По крайней мере, на английскую знать она не была похожа. Нун не знал, как далеко зашли их отношения. Невозможно это было понять и по оживлению Амунет. Нун не верил в судьбу, но опыт подсказывал, что Амунет выбирает себе мужчин из повышенной группы риска. И если ее сердце указало на Эбберлайна, то ничего хорошего с ним не случится.

— Поэтому мы и должны рассказать о нашей организации, — сказала Амунет, когда Эбберлайн взялся за расследование убийства Мэри Келли и почти подобрался к одному из древних слуг, вынудив того спешно покинуть Лондон за день до ареста.

— Об этом знали трое, — сказал Эбберлайн, встретившись с Амунет. — И ты одна из них.

Он и не пытался скрывать, что начал подозревать Амунет в причастности к череде загадочных убийств. Не пыталась отрицать свою причастность и Амунет, лишь честно сказала, что не знает, готов ли инспектор принять истину.

— Что это значит? — спросил Эбберлайн.

— Мир намного сложнее, чем думают простые люди, — сказала Амунет. — И большинству людей не дано узнать истину. Им не нужна истина. Но ты не такой. Если наберешься терпения, то...

— Так это заговор? — лицо Эбберлайна побледнело.

Он не боялся, нет. Где-то подсознательно Эбберлайн уже давно подозревал Амунет. Но то, как она обо всем сейчас ему говорила — словно боги, которые решили принять смертного в свой чертог. И боги эти не были добрыми. Определенно. Добрые боги не могут быть связаны со всеми этими убийствами. Эбберлайн буквально чувствовал зло, слышал, как скрипят ворота ада, открываясь, чтобы впустить его. Словно мрачная шутка, письмо Джорджу Ласку действительно было доставлено из преисподней.

— Ты готов узнать изнанку ночи? — спросила Амунет.

— Если это поможет раскрыть убийства, — уклончиво сказал Эбберлайн.

Амунет долго вглядывалась ему в глаза, затем сказала, что ей нужно идти.

— Я не могу отпустить тебя, — сказал Эбберлайн.

— Можешь, — сказала Амунет, коснулась его щеки и заставила забыть об этом разговоре.

Это был первый раз, когда она поставила в сознании инспектора блок. Нужно было заставить его забыть о себе, но Амунет не смогла.

— Давай я просто уеду из Лондона, — сказала она Нуну. — Сяду на корабль, пересеку океан, и Эбберлайн никогда не сможет найти меня.

Так Амунет рассталась со своим последним возлюбленным — инспектором, бывшим когда-то часовых дел мастером. В память о нем у нее осталось лишь нераскрытое Скотланд-Ярдом дело череды убийств, о котором впоследствии было написано много книг и снят не один фильм. Амунет посмотрела и прочитала их все, вспоминая Эбберлайна — невысокого, начинавшего лысеть интеллектуала, тщательно скрывавшего хромоту. Из актеров, исполнявших роль Эбберлайна, ей не понравились ни Майкл Кейн, ни Джонни Депп — остальных она не запомнила, как не запомнила большинство теорий и домыслов, которые использовали писатели, пытаясь сыскать себе славу литературного сыщика. Одним из них недоставало воображения, у других оно было слишком бурным. Несколько раз Амунет порывалась посетить могилу Эбберлайна, но так

и не решилась этого сделать. Да и времени у нее на это уже не было — появилось Наследие, дикая поросль. Мир закрутился, завертелся.

— Словно часы жизни сломались, — грустно шутила Амунет, вспоминая Эбберлайна.

Шутила до тех пор, пока их организация не узнала о беременности Клео Вудворт. Сообщение доставил один из охотников, внедренный в «Зеленый мир». Еще один охотник работал на болотах Мончак, где старый Моук Анакони, бывший владелец бара для слуг в Новом Орлеане, построил целый микромир, способный принять не только слуг, но и вендари, скрывавшихся от Наследия. После того, как им стало известно о беременности Ясмин, о первом за долгие тысячелетия ребенке вендари, все эти древние потянулись в пристанище Анакони, намеренные защитить Ясмин, находившуюся сейчас с Сашей Вайнер и Клодиу. Внедренный в Наследие охотник сообщил Нун и Амунет о том, что искатели вышли на след Ясмин. Теперь оставалось связаться с Лорой Оливер, открывшей сезон охоты на Сашу Вайнер, и убедить ее предупредить Клодиу об опасности. Потому что если Наследие доберется до ребенка вендари и взрастит ребенка собственного, то баланс сил нарушится. Наследие — зло. Вендари — зло. Древние слуги — зло. Но если с древними слугами организация Нун и Амунет могла бороться, то другие были им не по зубам. Пусть монстры истребляют друг друга — судя по количеству смертей за последние годы, получается это у них очень хорошо. Вендари напуганы, не в силах противостоять в одиночку Наследию. А Наследие тонет в дикой поросли и безумии в собственных рядах. Но вот их дети обещали изменить все. Две баррикады. И на одной из них мать — Клео Вудворт, а на другой дочь — Ясмин. И еще Птах. Вернее, Клодиу. Но это уже что-то личное. Что-то в старых, циничных сердцах Нун и Амунет.

Долгие века они наблюдали за своим бывшим хозяином, богом, другом, но еще ни разу не приближались к нему так близко. Пусть он считает их мертвыми. Подобное позволяет верить, что их мрачная, жестокая сущность слуг тоже мертва. Слуг полукровки, который волею судьбы оказался покровителем Ясмин.

— Думаешь, охотник предупредит его? — спросила Амунет, когда Нун закончил разговор с Лорой Оливер.

— Хочешь отправиться к Клодиу сама?

— Нет.

— Тогда будем ждать.

— Так ты не уверен в нашем охотнике?

— Полагаю, сейчас она и сама не уверена в себе.

Нун оказался прав, как и всегда. Лора Оливер была растеряна. Причинами стали не только звонок от руководителей охотников и странная просьба, но и встреча с Сашей Вайнер. Каким бы странным ни был мир

теней, обещая явить себя, человек все равно продолжает отталкиваться перед прыжком от причала своего собственного восприятия. И причалом служат сложившаяся жизнь, интересы, убеждения. Когда-то давно Амунет поняла подобное, заглянув в глаза Эбберлайна, — она хотела показать ему изнанку жизни, но поняла, что он не готов, не способен принять это так, как хотелось ей. Сейчас эту изнанку не могла принять Лора Оливер. Она разговаривала с Нун, а сама думала о том, что Ричардс, вероятно, жив и счастлив в объятиях другой женщины. Лора достала салфетку, на которой Саша Вайнер написала адрес, где можно найти Ричардса. Эта странная Саша Вайнер и еще более странный Клодиу. Кто он такой? Что он такое? И почему она должна спасти его?

Лора собрала вещи и покинула номер. Если кто-то собирается напасть на отель и уничтожить кровососов, то она не станет им мешать. И никто не сможет переубедить ее. Никто! Она прошла мимо номера, где остановились Саша Вайнер и другие кровососы. Окна были плотно занавешены.

— Чертовы кровососы! — прошептала Лора, подняла камень и бросила его в окно.

Зазвенело разбившееся стекло. Ветер всколыхнул занавески. Лора вглядывалась в разбитое окно, пока на пороге не появилась Саша Вайнер. Две женщины обменялись презрительными взглядами. «Только посмей улыбнуться», — подумала Лора Оливер, готовая вступить в смертельную схватку с кровососами прямо сейчас. Но Саша Вайнер не улыбнулась. Она развернулась и ушла назад в свой номер. Лора выругалась сквозь зубы. Руки ее тряслись, но она заметила это лишь в своей старой машине.

Теперь дать по газам и нестись к загородному дому Саши Вайнер, где, по ее словам, живет Ричардс. Была мысль связаться с другими охотниками, поручив им слежку за компанией кровососов, но Лора не хотела рисковать их жизнями. Особенно после того, как она встретилась с Сашей Вайнер и выдала себя. Да и этот странный звонок от организаторов! Почему охотники должны спасать кровососов? Мир Лоры рушился, ломался. Все, во что она верила, стало другим. Все, кому она верила, стали другими. Даже Ричардс. Даже человек, которого она любила и которому доверяла. Неужели отец ее ребенка действительно мог позволить промыть себе мозги и теперь жил с бывшей балериной? Лора уверяла себя, что не помнит ее имени, но имя настырно крутилось на языке. Джатта Ахенбах. Джатта Ахенбах...

— Вот сука! — прошипела Лора Оливер, когда увидела загородный дом Саши Вайнер. Надежда, что это был розыгрыш, рухнула.

Она оставила машину у незакрытых ворот, подошла к дому и заглянула в окно. Сердце замерло. Все мысли замерли. Холод. Ничего больше. Ричардс улыбался и выглядел на зависть хорошо. И еще эта без-

заботность! Лора представила их общего ребенка, о котором Ричардс сейчас и не вспоминал, потому что некто по имени Клодиу стер ему эти воспоминания, заставив полюбить бывшую балерину. «Джатта Ахенбах», — снова вспомнила Лора.

Эта женщина сидела на диване, спиной к окну, и Лора, наблюдая за счастливой парой, не видела уродства бывшей балерины, пока та не поднялась на ноги. Вирус, передавшись от Ричардса, изменил ее некогда гибкое, пластичное тело, превратил в уродца. Плечи выгнулись назад, появился горб, а лицо... Это некогда прекрасное лицо бродвейной кокетки (Лора видела Ахенбах, когда они с Ричардсом следили за театром Саши Вайнер)... теперь это лицо больше напоминало маску старой ведьмы с выпавшими зубами и крючковатым носом. Не хватало лишь бородавки и помела, как на картинках в детских книжках. Но блоки, установленные в голове Ричардса кровососами, работали исправно. Он любил Джатту Ахенбах. Любил до вируса и любил после. Любил, потому что ему приказали любить ее. И еще он был счастлив. Лора видела это и завидовала. Разве Ричардс улыбался так, когда они были вместе? Разве в его глазах было столько тепла? Даже глядя на дочь, когда они приезжали навестить ее, Ричардс продолжал думать о кровососах, думать о том, что этот мир неидеален. Что ж, теперь кровососы заставили его забыть обо всем, подарили шанс начать новую жизнь с чистого листа.

Лора хотела уйти. Ее останавливало лишь понимание уродства бывшей балерины. Неужели Ричардс будет обречен до конца своих дней любить этого монстра? Может быть, постучать в окно или в дверь? Влепить ему пощечину, заставить все вспомнить, связать, в конце концов, и увезти в другой город, показать кровососов... «Избавить от одного уродства жизни и окунуть в другое», — хмуро отметила Лора. Что у них было прежде? Кровь? Смерть? Страх? Бесконечная гонка? Удивительно, что они еще сподобились завести ребенка! Да и то их дочь уже долгое время растят чужие люди, потому что ее настоящие родители увлечены поисками кровососов.

Лора вспомнила дом Нойманов в Луизиане, где присматривали за детьми охотников. Организаторы нашли порядочную пожилую пару. Рон и Ора Нойман напоминали сказочных добряков, которые, не имея собственных детей, подарили всю нерастраченную нежность детям чужим. Но... Как же сложно теперь доверять этим старикам! Они ведь служат организации, возглавляющей охотников. И кто-то из этой организации позвонил Лоре. Она не запомнила детали разговора, только суть — спасти кровососов. Как понимать подобное? Если, конечно... Лора не любила все эти теории заговоров, напоминавшие об отце в его последнем расследовании, когда он подобрался к кровососам, но сейчас... Что-то здесь было не так.

Никогда прежде организаторы, стоявшие за охотниками, не связывались с Лорой. И уж тем более никогда не пытались спасти кровососов. Лора смотрела на Ричардса, жалея, что нет возможности посоветоваться с ним. «А что если с организаторами поступили так же, как с Ричардсом? — подумала Лора. — Что если им промыли мозги, поставили блоки? Разве кровососы не могли добраться и до них? Но тогда кому доверять?» Проблемы с Ричардсом отошли на второй план. Лора уже смирилась с его смертью, позволила гневу и желанию отомстить захватить себя. И этот проблеск надежды среди отчаяния... эта встреча... Нет, сейчас Лора не могла думать о Ричардсе. Тем более что он все равно не сможет ничем ей помочь, пока в его голове установлены блоки. Может, позже, когда она разберется с организаторами, удастся поймать кровососа и принудить его снять блоки с воспоминаний Ричардса. Но не сейчас. Сейчас нельзя давать волю чувствам.

Лора вернулась в машину и связалась с парой охотников, способных назвать ей адрес, откуда был совершен звонок организаторов на ее телефон. Один из охотников был убит, а другому пришлось соврать, что звонок сделали кровососы, угрожая причинить вред ее дочери, если она не оставит их в покое.

— Вот ублюдки, — в сердцах сказал охотник.

Лора ждала, когда он вычислит номер и назовет адрес, тщетно пытаясь вспомнить его лицо. А может, они и не встречались никогда лично? Безумная карусель жизни стерла большинство лиц. Странно, но запоминались почему-то преимущественно те, кого убили кровососы. Ветераны на этом пути встречались редко. Лора и Ричардс были исключением. Теперь только Лора, потому что о Ричардсе она предпочитала все еще думать как о мертвеце. Да он и был, по сути, мертвецом после того, как Клодиу заставил его забыть о кровососах и охотниках, принудив полюбить балерину. «Клодиу может помочь забыть и тебе», — подписала Саша Вайнер на салфетке под адресом своего загородного дома, где находился Ричардс. Лора перечитывала эту надпись снова и снова. Перечитывала бездумно, потому что не верила, что забыть будет достаточно — нужно еще чтобы забыли и о тебе, а в свете недавнего звонка от организаторов... Лора помнила, как Саша Вайнер смотрела ей в глаза и говорила, что она не знает этот мир, не видит его изнанку... Что ж, получив адрес, откуда был сделан организаторами звонок, Лора надеялась, что сможет приподнять эту завесу и заглянуть за кулисы. И если ей суждено ради этого пересечь страну, то так оно и будет. А потом... Потом она поймает кровососа и вернется к Ричардсу, чтобы он мог вспомнить, кто он и на чьей стороне в этом противостоянии.

Эти мысли и надежды грели Лору всю дорогу, позволяя держаться на ногах. Она питалась своим любопытством, как древние слуги питались кровью. Нет, Лора не верила в чистый заговор, не верила, что лидеры

охотников водили их все время за нос. Скорее всего, кровососы промыли им мозги, как это случилось с Ричардсом. Но если в случае с Ричардсом, с отцом своего ребенка, Лора рассматривала возможность обратить блокировку, то для организаторов рассматривала лишь одно лекарство — смерть. Если, конечно, им действительно промыли мозги. Если нет, то...

Лора связалась с десятком охотников, которым доверяла. Старая, авторитетная Лора. Никто не подтвердил, что получал от организаторов странные распоряжения. Ничего не знали они и о древних кровососах, способных ходить под солнцем. Касательно Клодиу Лора не хотела и спрашивать, понимая, что кроме подозрений у нее ничего нет, но тем не менее один охотник по имени Прек сказал, что слышал историю о хозяевах кровососов. Прек был старше Лоры, но стал охотником сравнительно недавно, хоть и сделал себе репутацию, выследив и уничтожив уже более дюжины кровососов. Лора и Ричардс работали с ним, когда Прек узнал адрес вампирского бара. В его крови не было вируса двадцать четвертой хромосомы, но когда Лора получила ранение, он зажимал рваную рану на ее шее, пока не подъехала неотложка. Он мог заразиться, мог превратиться в уродца, но это его не остановило. С тех пор Лора доверяла ему так же, как доверяла все эти годы Ричардсу. Так что, когда он рассказал ей историю кровососа, обещавшего вывести на своего хозяина в обмен на свободу, Лора не сомневалась в правдивости этих слов. Другое дело — лживый кровосос мог врать, чтобы спасти свою шкуру.

— Ты проверял эту версию? — спросила Лора Прека.

— Не так глубоко, чтобы с уверенностью говорить о том, врал кровосос или нет.

— А сам кровосос?

— Откуда мне знать. Когда он рассказывал мне о своем хозяине, уже всходило солнце. Он горел у меня на глазах...

— Думаешь, Клодиу может оказаться хозяином?

— Не знаю. Может быть, стоит связаться с организаторами и спросить у них?

— Я не доверяю им.

— Что?

— Они просили меня предупредить кровососов о грозящей им опасности. Представляешь? Я охотилась на Сашу Вайнер, а организаторы позвонили и велели спасти ее и Клодиу... Правда, там была еще молодая беременная девушка...

Внутренний голос говорил Лоре не раскрывать карт, но она решила, что в мире нужно кому-то верить, иначе превратишься в параноика. Примером ей служил собственный отец. Он был один в своем расследовании и боялся довериться друзьям, не зная глубины заговора. Повторять судьбу отца Лора не хотела. Да и нужно было просто выговорить-

ся. Особенно о Ричардсе.

— Ричардс жив? — удивился Прек.

— Саша Вайнер сказала, что ему блокировали воспоминания. Сейчас он живет с бывшей балериной...

— Я не пойму, ты охотилась на Сашу Вайнер или вела с ней дружеские беседы? — хмуро спросил Прек.

— Видел бы ты своими глазами Клодиу и ту беременную девочку... Что-то происходит, Прек. Я уверена, что-то не так.

Лора пообещала, что будет держать друга в курсе событий, и прервала связь. Разговор помог собраться и успокоиться. Лора убедила себя сделать остановку и переночевать в отеле, набраться сил.

Ночью ей приснился собственный дом, где они живут с Ричардсом и дочерью, а на заднем дворе шелестит на ветру цветущий яблоневый сад. Сон был хорошим, теплым, домашним, если не считать, что лепестки, которые ветер срывал с яблонь, были кроваво-красного цвета, а на семейных фотографиях была изображена не Лора, а Джатта Ахенбах. Правда, во сне все это казалось нормой...

Лора не верила в знаки, но не смогла избавиться от чувства дежавю, когда, добравшись в Балтимор, увидела яблоневый сад на заднем дворе, откуда звонили ей организаторы. Не хватало лишь ветра и кружащих повсюду белых лепестков... вернее, кроваво-красных. Сам дом был небольшим, одноэтажным, с пологой черепичной крышей и белыми стенами. Да, не так Лора представляла себе это место. «Может быть, меня обманули?» — подумала она, начиная наблюдение за домом. Если бы в окнах не горел свет, то она точно решила бы, что это обман, но так...

Лора продолжала наблюдение всю ночь. К утру свет погас, но на улице никто не вышел, наоборот, шторы на окнах кто-то плотно задернул изнутри. Лора с трудом удержалась, чтобы не позвонить Преку. Что она хотела сказать? «Кровососы! В доме, откуда звонили наши организаторы, живут кровососы!» Но Лора решила, что нужно сначала все проверить. К тому же что если у этих людей была просто долгая ночь и теперь они хотели отдохнуть? Разве только кровососы не спят по ночам? Может быть, к полудню люди проснутся и выйдут на свет божий? «Нужно подождать», — сказала себе Лора.

Но наступил полдень, за ним вечер, а шторы на окнах в доме по-прежнему были задернуты. Потом город укрыла ночь, и хозяева дома проснулись. Снова зажегся свет. Лора вспомнила Сашу Вайнер, смотревшую на нее во время разговора свысока, не скрывая мерзкой, саркастической улыбки, от которой щеки вспыхивали гневным румянцем. Лора вышла из машины и пробралась к дому напротив. Она понимала, что лучше будет дожидаться утра, когда на небе снова появится солнце, но не могла заставить себя ждать. Нет, хватит с нее.

Лора прокралась к окну. Она слышала голоса внутри. Мужчина и женщина. Нун и Амунет, правда, Лора еще не знала их имен. Не был ей знаком и язык, на котором говорила между собой эта пара. Затем они буквально почувствовали мысли Лоры. Не мог оградить от этого и вирус в ее крови. Лора затаилась. Кровососы и прежде пытались забраться ей в голову, но никогда еще она не встречала тех, кому бы это удалось. Не верила она и в слова Саши Вайнер, что Клодиу смог поставить в голове Ричардса блоки. Не верила, пока не увидела отца своего ребенка своими собственными глазами. Что ж, кажется, Саша Вайнер была права, и мир действительно глубже и сложнее, чем думала Лора. Вот только Лоре от этого было не легче. Особенно когда голову разрывает инородная воля — древняя и могущественная.

Амунет чувствовала чужака — смотрела на Нуна и спрашивала взглядом, чувствует ли он постороннего человека возле их дома. Нет, они не боялись слежки. Как-то вечером Амунет прошлась по соседям и внушила им, что на их улице поселилась пара третьесортных эксцентричных писателей, которые работают исключительно по ночам. Внушила она им и веру, что они видели писателей днем, встречались иногда с ними в магазинах. Подобную процедуру Амунет проделывала каждые полгода. Чаше было и не нужно. Люди узнавали их, здоровались поздними вечерами. С другими слугами Нун и Амунет не встречались в этом доме. Это был их маленький рай. Но сейчас кто-то осмелился нарушить священные границы. Кто-то, в чьей крови был вирус.

— Может быть, просто бездомный? — предположил Нун.

Когда он вышел из дома, Лора уже успела добраться до своей машины. Она не знала, дотянутся ли до нее мысли кровососа через улицу, но и рисковать, срываясь с места, выдавая себя, не могла.

— Ну, что там? — спросила Амунет, когда Нун обошел дом.

Лора видела эту пару. Видела, как они стоят на крыльце и вглядываются в ночь. Вампиры. Кровососы. Убийцы. И эти монстры отдавали указания охотникам?!

— Господи! — прошептала Лора, и ее мысли почувствовала Амунет.

— Чувствуешь? — спросила она Нуна. — Кто-то молится своему богу.

— Здесь многие молятся своим богам.

Они вернулись в дом, но Лора еще долго сидела, вжавшись в старое кресло, боясь дышать. Ночь только начиналась. По звездному небу неспешно ползло кудрявое облако. Лора дрожала. Дрожала от гнева. Дрожала от страха. Она не хотела, но не могла не думать о Саше Вайнер, которая улыбалась где-то в прошлом и говорила, что Лора ничего не понимает в жизни, не знает изнанку ночи. Что ж, кажется, старая ведьма оказалась права.

Лора дождалась, когда на небе появится робкое утреннее солнце, связалась с Преком и рассказала о том, что узнала в эту проклятую ночь.

Глава четвертая

Ребенок. Ясмин почувствовала его впервые в ночь, когда за ней пришло Наследие. За ней, Клодиу, Сашей Вайнер, Либеной и Кианом. Теперь все они стали ее семьей. Странной, противоестественной семьей. Впрочем, нормальной семьи у Ясмин никогда и не было. Возможно, в нормальной семье она бы сошла с ума.

— Ты не похож на обычного древнего, — сказала Ясмин, как только увидела Клодиу.

— А ты не похожа на обычного человека, — сказал полукровка.

Она ждала расспросов о том, как погиб Гэврил, но Клодиу, казалось, было плевать на своего сородича. Он лишь сказал, что если ей потребуется кровь вендари, то пусть не стесняется.

— Рада рассказала, что твоя семья пила кровь Гэврила, — пояснил Клодиу.

Ясмин хотела сказать, что ей не нравилось это пристрастие родителей, но полукровка уже потерял интерес. У новых друзей вообще было крайне мало интересов. От них веяло смертью. Особенно от Либены и Киана, хозяев которых уничтожило Наследие.

— Я сожалею, — сказала Ясмин, когда узнала об этих утратах.

— Не сожалей, — сказала Либена. — Они значили для нас еще меньше, чем для тебя значил твой последний парень.

С Либеной вообще было сложно общаться. Ясмин могла блокировать ее способность читать мысли, но женщина, казалось, и так знает о ней все.

— Это просто возраст, — сказала как-то раз Либена, а потом предложила Ясмин заглянуть в ее воспоминания. — Если тебе интересно, то когда-то я тоже была молодой. Обещаю, в моей голове ты найдешь любовь, страсть, предательство и надежду — все, чем живут молодость и неведение.

Жест был щедрым, и Ясмин не посмела отказаться. Желая подчеркнуть дружбу, она предложила Либене посмотреть свои воспоминания о знакомстве с Гэврилом.

— Нет уж, хватит с меня древних, — отказалась Либена. — И не вздумай показывать это Саше Вайнер. После ночи с Клодиу она вообще стала лесбиянкой.

— Она провела ночь с Клодиу? — растерялась Ямин.

— Да, но если тебе интересно, то спроси лучше Раду, когда она вернется из Луизианы. Я знаю об этом лишь то, что сказала.

Этот разговор состоялся незадолго до того, как Саша Вайнер встретила Лору Оливер. Впрочем, Клодиу почувствовал Лору задолго до встречи в придорожном отеле.

— Хочешь, я убью ее? — предложил Киан.

— Она просто следит за нами, — сказал Клодиу. — Я не вижу угрозы.

— Я могу убить ее просто так, — пожал плечами Киан. — Или привести сюда, и мы осушим ее.

— В ее крови вирус.

— О! Ты можешь чувствовать зараженных?

— Нет, но некоторые из них думают об этом слишком часто, чтобы не прочесть о вирусе в их мыслях.

Ямин слушала их разговор, пытаясь привыкнуть к этому циничному отношению к человеческой жизни. Впрочем, свою жизнь эти старые слуги, как Киан, ценили не больше. Усталость была повсюду. И еще безразличие. Ямин слышала, как Саша Вайнер рассказывает о Ричардсе, о том, как Клодиу заставил его забыть прошлое. Ричардс был охотником. Они с Лорой Оливер следили за театром Саши Вайнер, которая кормила Клодиу бездарными балеринами. Ричардс остался жив, потому что был заражен вирусом двадцать четвертой хромосомы.

— Моя мать тоже была заражена этим вирусом, — сказала как-то раз Ямин Саше Вайнер.

Потом была долгая история о сверхлюдях. Все эти странные встречи в доме на Аляске. Телепатические сеансы. Дионисийские ночи. Кровь Гэврила.

— Ты знаешь, что когда-то давно вендари уничтожили своих самок? — спросила Саша Вайнер. — Если ты сможешь родить от Гэврила, то выходит, природа возрождает этот древний вид.

— Я не вендари, — сказала Ямин.

— Конечно, ты не вендари! — Саша Вайнер нервно рассмеялась.

Она вообще очень часто вела себя так странно. Особенно этот нервный смех. Он рождался внезапно и так же внезапно стихал. Сухой и надтреснутый. Нервный и циничный.

— Мы все променяли беспечность молодости на громоздкость времени, — сказала Либена в одном из баров, в то время как Киан пил кровь доверчивой девушки, закрывшись с ней в грязном туалете.

Ясмин смотрела на дверь и пыталась дотянуться мыслями до Киана, попросить его не убивать девушку.

— Он не заберет ее жизнь, — сказала Либена. — Я видела его в вампирских барах. Ему не нравится убивать. Он устал убивать. Особенно после того, как старость позволила ему питаться людьми. Это всегда что-то значит. Для каждого слуги что-то значит. Сначала ты убиваешь ради хозяина и убеждаешь себя, что у тебя нет выбора. Но потом ты начинаешь убивать ради себя и понимаешь, что тебе это нравится. Понимаешь, что люди превратились для тебя в пищу, а ты... ты уже не человек. Ты стал кем-то другим. Наверное, поэтому большинство слуг и сходят с ума. Мы начинаем питаться людьми, и солнце, словно подчеркивая наше уродство, начинает обжигать нашу кожу. С годами все становится только хуже. Рассвет превращается в смертельную угрозу. Жизнь превращается в бесконечную ночь. И все заканчивается безумием, после чего слуг обычно умерщвляют, как бешеных псов, либо они сами выходят из укрытий, чтобы встретить последний рассвет в своей жизни, приняв исцеляющие лучи солнца.

— Ты тоже думаешь об этом? — спросила Ясмин.

— Пока еще нет, — улыбнулась Либена. — Да и вечность в последние годы уже не пугает своей бездной. Наследие и дикая поросль убивают вендари. За слугами приходят охотники. Все слишком зыбко.

— Ты могла бы завести ребенка. Мой парень был знаком с женщиной, мать которой была слугой.

— О, боюсь, я либо уже выросла из этих надежд, либо еще не доросла.

— А Рада? Она никогда не хотела завести ребенка?

— Думаю, Рада всегда воспринимала Клодиу как своего ребенка, — Либена улыбнулась, желая подчеркнуть, что это шутка. — Не знаю, правда ли то, что он полукровка или нет, но что Клодиу не похож на обычных древних — это точно. Поэтому, наверное, и его слуги не похожи на других слуг вендари.

— Так ты считаешь, что Рада не похожа на тебя?

— Рада ни на кого не похожа. Боюсь, она даже не слуга Клодиу, а его друг.

— Почему боишься?

— Потому что это неправильно. Это делает Клодиу и Раду более человечными.

— А мне они нравятся.

— Конечно, нравятся. Они ведь заботятся о тебе, — Либена снова улыбнулась — молодое лицо, но взгляд старца. — Ты понимаешь, что сейчас весь этот ночной мир начинает вращаться вокруг тебя?

— Не вокруг меня. Вокруг ребенка вендари.

— Значит, понимаешь, — Либена вспомнила звонок Рады. — Моук Анакони готовится встретить тебя на болотах Мончак как принцессу. Ты готова стать принцессой?

— Завидуешь?

— Нечему завидовать. Ребенок родится, и тебя забудут. Ты снова станешь обыкновенной, если, конечно, не подцепишь в любовники еще одного древнего.

— И все-таки ты завидуешь, — Ясмин увидела, как выходит из туалета Киан.

Он сел за их столик. Взгляд его был туманным. В уголках губ засыхала кровь.

— Она жива? — спросила Ясмин, но Киан лишь устало уставился на нее. — Девушка, которую ты пил, жива?

— Да.

Но Ясмин не поверила, пока не увидела, как девушка выходит из туалета — бледная, на нетвердых ногах, забыв обо всем.

— Довольна? — спросил Киан.

Ясмин кивнула, жалея, что с ними нет Клодиу, который никогда не посещал эти шумные бары, предпочитая оставаться в отеле. Впрочем, спустя пару дней она разочаруется и в Клодиу, после того как он попросит Либену найти для него пищу.

— Мой хозяин мертв. Не забыл? — встала в позу Либена.

Клодиу не стал спорить, не удовлетворил странную потребность Либены в скандале.

— Он хоть и полукровка, но его сила нам может пригодиться, — сказал в этот вечер в баре Киан.

— Хватит с меня хозяев, — фыркнула Либена.

— Ты всех ненавидишь или только себя?

— Причем тут я?

Киан не ответил, но Ясмин видела едва уловимую улыбку на его губах. Он вообще последнее время довольно часто задирал Либену. Вначале Ясмин считала это просто враждой слуг, потом, в тайне заглянув в мысли Киана, поняла, что это симпатия, и начала забавляться, наблюдая за любовной игрой старого слуги.

— Если хочешь накормить Клодиу, то найди для него кровь сам, — сказала Либена.

Он поднялся из-за стола и вышел из бара.

— Думаю, сегодня тебе придется ночевать в машине, — сказала Либена Ясмин.

— Почему?

— Ты видела, как питаются вендари? Настоящие вендари, а не тот неудачник, которого твой отец держал в подвале, чтобы пить его кровь.

Их голод не поддается контролю. Это сильнее их. Это превращает их в животных. Мой бывший хозяин, например, разрывал человека, а затем ползал на коленях, вылизывая с пола кровь.

Ясмин попыталась заглянуть в мысли Либены, чтобы понять, врет она или нет, но Либена закрылась, не собираясь сдавать позиции.

— Не нужно изучать прошлое, — сказала она Ясмин. — Можешь прийти утром в номер и посмотреть, во что превратится жертва Клодиу. Хотя в твоём положении лучше не нервничать, принцесса.

Либена увидела, как Ясмин поднимается на ноги, и рассмеялась, решив, что напугала девушку.

— Никто не будет никого убивать, — сказала Ясмин.

Она вышла на улицу, пытаясь отыскать Киана, но он уже нашел будущую жертву, забрался ей в голову, пленил волю и отвел к Клодиу. Когда Ясмин подошла к номеру, где они остановились, Киан встретил ее на пороге.

— Посиди в баре пару часов, — посоветовал он.

— Нет, — Ясмин попыталась пройти мимо него, но Киан преградил ей дорогу. — Отойди.

— Ты не захочешь на это смотреть.

— Я не захочу сидеть и ждать, пока кто-то убивает человека, — Ясмин заглянула Киану в глаза и сжала железной хваткой воли его мозг.

Старый слуга вздрогнул и растерянно уставился на молодую девушку.

— Я могу сделать больше, — предупредила она, заставляя его отойти, взбежала по деревянным ступеням, распахнула незапертую дверь и растерянно уставилась на искрящегося метаморфозами Клодиу.

Девушка-жертва стояла перед полукровкой запрокинув голову и горно принимала свою судьбу.

— Не убивай ее, — попросила древнего Ясмин.

— Боюсь, я не смогу остановиться, — признался Клодиу.

— Сможешь.

— Я давно не питался. Мой голод... он... — Клодиу двинулся к своей жертве.

— Нет! — Ясмин встала между ним и зачарованной Кианом девушкой.

— Уходи! — зарычал Клодиу, теряя контроль.

— Нет! — Ясмин толкнула его в грудь, но силы были неравны.

Она попыталась пробраться в мысли древнего, проделать с ним то же, что и с Кианом минуту назад, но сознание полукровки отличалось от сознания слуги. Там не было жизни. Только пустота. И голод. И... Ясмин увидела яркое и четкое желание Клодиу остановиться. Но желание это находилось в клетке, напоминая Ясмин заплаканного ребенка, который тщетно пытается выбраться, освободиться. Ничего подобного в сознании Гэврила она не видела. Может быть, Клодиу прав, и в нем действительно больше человеческого, чем в других вендари?

— Откройся мне, — попросила Ясмин. — Позволь забраться в твою голову и ослабить твой голод. Тогда ты сможешь контролировать себя.

— Открыться? Но ты же человек.

— Не совсем человек... Как и ты не совсем вендари. Помнишь, ты сам говорил об этом?

— Но?

— Дай мне добраться до твоего голода, — Ясмин осторожно подняла руки и сжала лицо Клодиу в своих ладонях.

Полукровка устался на ее синие вены. Запястья манили его, обещающая кровь. Ясмин снова попыталась пробраться к нему в голову, помочь заточенному ребенку выбраться из клетки. Клодиу вздрогнул и неожиданно впился появившимися зубами-иглами в предложенное запястье, сделал несколько глотков и захрипел, упал на колени, отплевываясь, поднялся, устался налитыми кровью глазами на Ясмин, заставляя ее попятиться, но тут же взял себя в руки. Безумный голод стих, затаился, сдавленный волей сверхчеловека.

— Как ты? — осторожно спросила его Ясмин.

Клодиу так же осторожно кивнул.

— Можешь контролировать себя?

— Кажется, да.

— А голод?

— Он все еще где-то во мне, но... не такой сильный.

— Если я позволю тебе подойти к твоей жертве, ты сможешь сохранить ей жизнь?

— Да.

— Тогда... — Ясмин отошла в сторону, стараясь не смотреть на зачарованную девушку.

Клодиу подошел к своей жертве и прокусил ей шею. Ясмин слышала, как он жадно глотает кровь. Девушка не двигалась. Казалось, что она вяло пытается улыбаться. Ясмин смотрела на нее и чувствовала, как бешено колотится в груди сердце. Ее собственное сердце, которое гоняет по венам кровь, пищу, лакомство древних.

Клодиу оторвался от трапезы, запрокинул голову и неожиданно зашипел. Кровь, заполнявшая его рот, потекла по щекам. Полукровка улыбался, причмокивал, смакуя вкус крови, и клацал зубами. Ясмин отвернулась, хотела уйти, но все еще не доверяла Клодиу. Если он останется один, то его жертва умрет. Он осушит ее. И все будет напрасно. Ясмин зажала свою кровоточащую кисть ладонью. Девушка-жертва ахнула, опустилась на колени. Клодиу склонился над ней, чавкая еще громче, чем прежде. Ясмин заставила себя не отворачиваться, боясь, что полукровка не остановится, не сохранит зачарованной девушке жизнь. О своем собственном ребенке Ясмин старалась не думать, не представ-

лять, каким он будет: сохранит ли человечность или превратится в полукровку, как Клодиу. Но именно этот ребенок, впервые заявив о себе, спасет вскоре свою мать и ее новых странных друзей от Наследия.

Это случится в тот самый момент, когда Лора Оливер бросит камень в окно номера, где старые слуги и полукровка будут прятаться от солнца. Саша Вайнер выйдет на крыльцо. Осколки разбитого стекла порежут Ясмин руку. Ту самую руку, которую недавно прокусил Клодиу. Боль обожжет кожу и тут же отзовется в животе. Ребенок проснется, но причиной пробуждения будет не выходка Лоры Оливер. Нет. Ребенку вендари не будет никакого дела до простого смертного, пусть в его крови и течет вирус. Ребенок почувствует опасность. Настоящую опасность. Враги приближаются, и от них его не смогут защитить ни старые слуги, ни полукровка. Ребенок встревожится, и его тревога передается Ясмин — яркая, четкая, понятная. Тревога, которая поможет ей почувствовать врагов, увидеть их знакомый образ, потому что она уже встречала детей Наследия, когда один из них пришел к ней в дом. Он уничтожил ее семью и едва не убил саму Ясмин. И никто не мог противостоять его силе, включая древнего по имени Гэврил.

Сейчас к отелю приближались сразу несколько охотников Наследия. Их не интересовали древние слуги. Не интересовал Клодиу. Их целью была Ясмин. Ребенок в ее чреве показал ей их мысли.

— Нам нужно уходить, — сказала Ясмин, когда Саша Вайнер вернулась в номер.

— Уходить? — растерялась бывшая балерина. — О, если тебя напугала эта чокнутая женщина, что бросила камень в наше окно, то она всего лишь глупый охотник, который вообразил себя пупом земли.

— Дело не в разбитом окне, — Ясмин неосознанно прижала руки к животу. — Я кое-что увидела... — Она посмотрела на Клодиу. — Скажи, ты ничего не чувствуешь?

— Что я должен чувствовать?

— Опасность.

— Нет.

— А я увидела охотников Наследия. — Ясмин уловила краем глаза, как вздрогнули Либена и Киан, и невольно вздрогнула вместе с ними.

— Как ты могла увидеть Наследие? — скривилась Либена, злясь на свой собственный страх. — Если кто-то из нас и может почувствовать их, то это Клодиу. Не ты.

— Я думаю, их почувствовал мой ребенок, — сказала Ясмин.

Все посмотрели на ее живот.

— Чем твой ребенок отличается от Клодиу? — растерянно спросил Киан.

— Это может быть самка, — ответил за Ясмин Клодиу.

Старые слуги переглянулись.

— Странные грядут времена, — фыркнула Либена, желая скрыть свой страх.

— Думаешь, нам лучше прислушаться к Ясмин? — спросила Саша Вайнер Клодиу.

— Мы ведь все равно хотели уезжать, — сказал он.

— Ерунда! — Либена нервно рассмеялась. — Мы что, будем дергаться теперь каждый раз, как только нервная девчонка решит, что получила какой-то призрачный сигнал от своего чада?

— Если хочешь, то можешь остаться и проверить, — сказала Саша Вайнер, начиная собирать вещи.

— Вот и останусь, — подбоченилась Либена.

— Как знаешь, — пожалала плечами Саша Вайнер, бросила ключи от машины Ясмин и попросила подогнать микроавтобус к отелю. — Ты сможешь пройти под солнцем несколько шагов? — заботливо спросила она Клодиу.

Полукровка кивнул, дождался, когда подъедет Ясмин, и вышел из номера. Он двигался быстро, но в то же время старался сохранять достоинство. Лучи солнца добрались до его кожи. Запахло паленой плотью. Когда Ясмин закрыла за ним дверь микроавтобуса, из-за повысившейся температуры тела начала дымиться его одежда.

— Теперь ты, — сказала Саша Вайнер Киану.

Старый слуга помялся, косясь на Либену.

— Если она остается, то, пожалуй, останусь и я, — сказал он.

— Тоже не веришь в способности ребенка Ясмин? — скривилась Саша Вайнер.

Киан пожал плечами и глуповато улыбнулся.

— Если ты переживаешь за меня, то поверь, я могу о себе позаботиться, — сказала Либена.

— Я знаю, что можешь, — согласился Киан.

— Если останетесь в живых, то завтра я свяжусь с вами, — сказала им Саша Вайнер, покидая номер.

Она была еще не настолько стара, чтобы солнце доставляло ей неудобство. Все слуги проходили через этот обряд посвящения темному миру. Кто-то чуть раньше, кто-то чуть позже. Но судя по тому, что происходило вокруг, старая балерина не особенно верила, что у нее впереди долгие годы жизни. Нет. Этот мир утратил свою стабильность, как только появились первые дети Наследия и дикая поросль, которая гнездится подобно крысам. И еще эти сверхлюди, как, например, Ясмин. И ребенок вендари в чреве этой девочки...

— Двигайся, — сказала Саша Вайнер, прогоняя Ясмин с водительского места.

«В этом мире становится слишком тесно», — подумала она и дала по газам.

Киан закрыл дверь в номер.

— Ты понимаешь, что теперь старая ведьма не будет нам доверять, подозревая, что мы продались Наследию? — спросила Либена.

— Старая ведьма никому не доверяет.

— Так ты тоже хотел сбежать от нее? Я имею в виду... Ты остался не из-за меня?

— Нет, конечно.

— Хорошо. А то я уж подумала, что...

— Тебе ведь не нравятся мужчины. Я помню тебя в вампирских ба-
рах. Ты всегда покупала девушек.

— Мой хозяин пил кровь девушек. Я пыталась как-то раз подсунуть ему кровь парня... еще по молодости... В общем, больше я этого не делала. А сам знаешь, как сложно заманить человека в отель. Так что пришлось стать лесбиянкой. Так было проще... Но теперь, когда мой хозяин мертв... — Либена замолчала, увидев, как нахмурился Киан. «А если он остался не ради меня, а действительно чтобы избавиться от Саши Вайнер, Клодиу и Ясмин?» — нервно подумала она. Разочарование уже начало подниматься от живота к груди, когда к этому чувству добавилось новое, тревожное. — Наследие? — спросила она Киана. — Ты почувствовал детей Наследия?

— Да.

— Выходит, маленькая истеричка не ошиблась, — Либена подошла к окну. — Как думаешь, у нас есть шанс сбежать?

— Может быть, пока не взошло солнце. Я слышал, дети Наследия чувствительны к нему, как и вендари.

— Я тоже чувствительна к солнцу, да и ты, насколько я знаю...

— Мы можем воспользоваться машиной наших соседей.

— Или можем договориться с Наследием.

— Ты хочешь предать Клодиу?

— А что нас связывает с ним?

— Он хозяин Рады.

— Думаешь, Рада не предала бы нас, чтобы спасти хозяина?

— Я думал, ты ей доверяешь.

— Когда ты стал верить в доверие между старыми слугами? Мы привязаны лишь к своим хозяевам, и скорее предадим самих себя, чем их. Но мой хозяин мертв. Твой тоже. Что нас останавливает перед тем, чтобы стать свободными? Многие о подобном могут только мечтать.

— Сомневаюсь, что мы сможем вернуться в нормальный мир.

— Боишься, что начнешь стареть без крови вендари?

— А ты нет?

— Немного.

Они еще продолжали спорить, когда в номер ворвались охотники Наследия. Боялись ли эти существа солнца? Да. Могло ли оно их убить? Нет, по крайней мере, не так быстро. Пару охотников звали Аттиус и Гектор. Еще трое из Наследия остались в машине. За рулем у них был человек.

— Пожалуйста, не убивайте нас! Наши хозяева мертвы. Мы никому не служим. Мы хотим стать нормальными людьми! — отчеканила Либена, поднимая руки, подчеркивая свои мирные намерения.

Киан молчал, поглядывая в сторону окна, но шансов на бегство не было. Оставалось либо подыгрывать Либене, либо умереть. Киан предпочел молчать. Не произнес ни слова и когда Либена начала торговаться, пытаясь выкупить их свободу. «Может быть, умереть здесь и сейчас будет не так уж и плохо?» — подумал Киан, когда заметил сомнение в глазах охотников Наследия, после того как Либена предложила им дожидаться следующего дня.

— Саша Вайнер обязана связаться с нами и сказать, где они, — торговалась Либена. — Разве одно наше желание сотрудничать не доказывает, что мы отрекаемся от вендари? Мы хотим снова стать обычными людьми. С каких пор Наследие убивает простых людей?

Киану нравилось слышать, как звучит голос Либены — решительно, твердо, вот только...

— Кто такая Рада? — спросил Аттиус, заглянув в мысли Либены.

— Рада? — Либена растерянно посмотрела на Киана. — Она... она служит Клодиу.

— И почему Рада отправилась на болото Мончак?

— Там Моук Анакони организовал клуб для вампиров, — пожалла плечами Либена, стараясь выглядеть беззаботно.

— А как насчет хозяина Рады? — подал голос Гектор, заглядывая глубже в мысли и воспоминания Рады. — Клодиу, да? Почему он защищает беременную девочку?

— Кто поймет этих вендари, — пожалла плечами Либена.

Дети Наследия сосредоточились на Киане. Он пытался не пустить их в свое сознание, но они были слишком сильны для него. Возможно, сильнее древних.

— Пожалуйста, не сопротивляйся, — услышал Киан далекий голос Либены, но дети Наследия уже разрушали его мозг.

У старого слуги пошла носом кровь — темная, густая. Она скатывалась по подбородку и пачкала белую рубашку. Налились кровью и его глаза — темные, глубокие, видевшие так много. Либена вздрогнула, когда Киан упал на колени.

— Хватит! — крикнула она детям Наследия.

— Он что-то скрывает, — сказал Гектор.

— Ему нечего скрывать. Он просто старый слуга, который не может умирить свою гордость! Если хотите что-то узнать, то загляните в мои мысли.

— Нам нужны его воспоминания, — сказал Аттиус, усиливая давление.

Крови стало больше. Теперь она текла не только из носа Киана, но и из глаз и ушей. Хотел ли он сопротивляться? Нет. Но вот его инстинкты... Киан отключился, ударился лицом об пол и замер. Вокруг его головы черным ореолом расплзалась лужа крови. Такой же ореол заполнял и его сознание, мысли, чувства, восприятия...

Когда Киан очнулся, дети Наследия уже ушли. Ушла и Либена. Киан заставил себя подняться. Голова кружилась, ноги дрожали. Сколько крови он потерял сегодня? Киан, шатаясь, вышел из дома. Машина детей Наследия темным, громоздким пятном сутулилась на стоянке. Значит, эти монстры где-то здесь, рядом. Возможно, и сейчас они наблюдают. Киан попробовал изучить мысли соседей, узнать их, но потеря крови вместе с силами лишила его и сверхспособностей. Ему нужна была кровь — лучше древнего, но сойдет и человеческая.

Киан вошел в бар. Либена сидела за столом, позволяя клеить себя молодому парню. Киан решил, что не станет ей мешать. Он и сам попытался подцепить себе девушку, чтобы восстановить силы, но без возможности забраться в чужую голову, не имея безупречного внешнего вида, за который цепляется глаз, сделать это было крайне сложно. Да и разучился Киан уже просто так знакомиться — знакомиться, как человек.

— Как ты, старый упрямец? — спросила Либена, садясь за стойку рядом с Кианом. — На кой черт ты сопротивлялся Наследию?

— Я не сопротивлялся. Не хотел сопротивляться, — Киан заказал себе выпить. — Это вышло как-то само... — Он выпил. Водка показалась водой, и Киан попросил бармена повторить. — Удивлен, что твое сознание сдалось так быстро. — В голосе не было упрека, но Либена чувствовала, что сейчас лучше выдержать паузу. — Почему Наследие все еще здесь? — спросил Киан.

— Мы заключили договор.

— Мы? — Киан криво улыбнулся. Губы у него были бледные, сухие.

— Тебе нужна кровь, — тихо сказала Либена.

Киан не ответил, заказал еще водки. Либена смотрела, как он пьет — жадно, нервно, отчаянно, пытаясь забыться, зная, что ни алкоголь, ни наркотики почти не действуют на старых слуг. Либена помнила Киана в старых добрых вампирских барах, которых в последние годы становилось все меньше. Казалось, что она знакома с Кианом уже не один век — высокий, стройный, вычурный в своем строгом костюме и белой рубашке. И еще эта сдержанность! Как же Либену раздражала раньше эта чопорность. Даже как Киан делал заказ. Не сейчас, тогда, в одном

из вампирских баров. Женщины и наркотики. Пара женщин. Обязательно похожих. Обязательно с прямыми длинными волосами. И никакого безумия. Казалось, чопорность Киана и была его безумием. Он питался сдержанно, аристократично — никогда не спешил, никогда не напоминал животное. И секс... Секс с купленными женщинами, если повезет, то с близнецами. Киан мог делать это всю ночь. Наркотики и афродизиак для женщин. Кровь для него. И секс для них. Либена никогда не видела, чтобы он был лидером в этих странных альковных играх. Его руки — пальцы тонкие, длинные, кожа бледная, нежная — не опускались обычно ниже женских волос. Он гладил их, пропускал меж пальцев. Идеальные, блестящие, словно шелк, волосы струились, приковывая к себе его взгляд. Идеальными были и укусы, которые он оставлял на шеях женщин. Вернее, одной из женщин, в то время как другая обычно ласкала его.

Как-то раз Либена наблюдала за этим фарсом всю ночь. Почему? Наверное, хотела убедить себя, что все это притворство; разоблачить древнего слугу, доказать, что все они — животные, безумцы... Доказать не удалось. Но и сейчас, обессиленный, голодный, униженный, Киан казался Либене каким-то фальшивым образчиком старого слуги. Неестественным образчиком, созданным для глупых, доверчивых чужаков, ничего не знающих о мире ночи. С таким же успехом можно было показывать полукровку Клодиу, чтобы убеждать людей в глубине и непорочности вендари, которые обречены бороться с голодом и своей природой, и борьба эта достойна сожаления и понимания... Ложь. Вендари никогда не были такими, как Клодиу. Они не боролись с голодом, и не было в них глубины — только пустота, вечность, вселенский холод галактики. Так же и древние слуги. Не были они такими, как хотел казаться Киан. Волк всегда остается волком — диким, голодным, с грязной, свалявшейся шерстью. Волк крадется по холодному ночному лесу, и дома людей для него — это обещание пищи, а не крова и дружбы.

— Иди в номер, я постараюсь привести кого-нибудь, чтобы накормить тебя, — сказала Либена, не глядя Киану в глаза, чтобы он не счел это вызовом.

— А как же Наследие? Они ведь наблюдают за нами.

— А мы не будем никого убивать. Приведем тебя в порядок и отпустим. К тому же Наследие заботят лишь древние.

— И дети древних.

— Только не говори, что переживаешь за Ясмин.

— Почему я должен переживать за нее?

— Не знаю. А почему ты не позволил Наследию забраться тебе в голову? — Не дожидаясь ответа, Либена ушла.

Киан не обернулся, не проводил ее взглядом.

— Старый голодный сноб! — проворчала Либена.

Она не видела, как Киан покинул бар, — не хотела, чтобы старый слуга заметил ее интерес, в котором Либена боялась признаваться даже самой себе. «Может быть, виной всему, что мы оба лишились своих хозяев? — подумала она. — Кто знает, каково это: жить несколько веков слугой, а затем получить свободу?» Конечно, Либена слышала о древнем по имени Вайорель, который преследовал и уничтожал своих сородичей, сошедших с ума от вечного голода. У них ведь тоже были слуги. И слуги эти получали свободу. Вот только случалось это крайне редко. Да и безумный хозяин, как правило, подбирал себе таких же безумных слуг. Сейчас же, после того как появилось Наследие, древние мерли как мухи. Все больше и больше становилось свободных слуг. И свобода пьянила.

Некоторые слуги поговаривали о том, что было бы неплохо заключить договор с Наследием, пленить пару вендари и использовать их кровь, чтобы жить вечно. Другие пытались снова стать людьми — слабыми, незащищенными, наивными и влюбленными в свои недостатки. Ни первые, ни вторые не добились успеха — Либена, по крайней мере, не знала о таких. Наследие не шло на переговоры, а если слуги начинали настаивать, то их просто уничтожали, как прежде уничтожили хозяев. Да и человеческий мир не спешил открываться и принимать древних слуг. Что касается Либены, то она так и не поняла, что хочет получить от своей свободы. Наверное, именно эта неопределенность и привела ее в этот отель.

Лишившись хозяина, вендари по имени Плеймн, Либена долгое время находилась в какой-то растерянности, ступоре, предпочитая коротать время в вампирском баре, принадлежавшем слуге Клодиу — Раде. Бар был тихим и спокойным, в отличие от других подобных заведений, подчеркивая внутреннее онемение Либены. Раздражали лишь попытки Рады, которую Либена считала другом, жить как обычный человек, неловко разыгрывая непонятную мыльную оперу с молодым альфонсом.

Рада купила ему машину, дом, посвятила в тайну древних слуг и поставила его во главе вампирского бара, выпячивая напоказ свою кривобокую, фальшивую ревность, унижая и издеваясь над каждой юбкой, возле которой крутился ее молодой любовник. Либена пыталась сказать Раде, что все это выглядит глупо, пыталась подчеркнуть абсурд мыльной оперы, показать, позволить увидеть со стороны... Тщетно... Потом на горизонте замаячил Илир, и в вампирском баре стало небезопасно. Так что когда Рада получила послание от Клодиу, где рассказывалось о Ясмин, то бросила все и помчалась к своему хозяину-полукровке. Либена и Киан решили присоединиться к ней. История Ясмин — девушки, носившей первого за долгие тысячелетия ребенка вендари — казалась сказкой, стимулом для слуг и древних объединиться.

Либена не пыталась скрыть свое ироничное отношение к этой истории, но потом, когда узнала Ясмин, ее историю... Мир менялся, менялись

люди, менялись правила, и Либена вдруг поняла, что не хочет ничего менять. Плохая или хорошая, но ей нравилась прежняя жизнь, нравился прежний мир с его тайнами и мрачными историями. Сейчас все искрилось и пестрело, слепя глаза. Наследие, дети вендари, сверхлюди... Нет, все это было уже слишком. Поэтому Либена и решила остаться. Не стать обычным человеком, не забиться в нору, превратившись в дикую, голодную крысу, как поступили некоторые старые слуги, а просто избавиться от слепящего блеска перемен. Почему остался Киан, она не знала. «Ну уж не ради меня, это точно, — думала она, пытаясь подцепить в шумном баре девушку для кормежки. — Этот сноб просто не может делать что-то ради других. Черт! Да он накормить-то себя сейчас не может».

В каком-то ехидном желчном припадке Либена попыталась подкатить к нескольким парням, представляя, как заставит Киана питаться мужчиной. «Вот это точно собьет с него спесь», — думала она, но охмурить мужчин не получалось. Они словно чувствовали подвох и притворство, с которым Либена разыгрывала доступность. «Ну и черт с ними», — подумала Либена, пытаясь отыскать взглядом одинокую женщину, потому что компания мешала забираться в сознание и подчинять волю. Да и сложно зачаровать человека, если он совершенно не заинтересован тобой. Сначала нужно заговорить, вызвать симпатию... Больше века Либена оттачивала эти навыки, добывая кровь для своего хозяина, уверяя себя, что ненавидит это. И вот теперь, получив свободу, слуга нашла нового хозяина — Киана, мужчину, самовлюбленного сноба! Либена бросила попытки добыть пищу и покинула бар. Если бы Наследие не наблюдало за ней, то она бы, скорее всего, сбежала. Все равно куда. Все равно с кем.

Либена помнила историю Рады о том, как, оставив Клодиу, она несколько лет провела в Южной Америке. Это было еще до того, как солнце стало врагом для ее тела, до того, как ночь поселилась под кожей. В те годы Рада очистилась, отвыкла от крови вендари, начала стареть. Она вернула себе человечность, а потом, вернувшись к Клодиу, снова стала слугой. «Да, такое возможно только с полукровкой», — подумала Либена.

Она пересекла пыльный двор отеля, уже предвидя самодовольную ухмылку Киана, когда он увидит ее без пищи. «Пошлю его к черту, и дело с концом», — сказала себе Либена, поднялась по деревянным ступеням, открыла дверь и растерянно уставилась на незнакомую девушку с длинными гладкими волосами цвета меди. Полные губы на ее бледном лице казались неестественно чувственными. Зеленые глаза большие, но взгляд одурманен клубившимися в комнате ароматами гашиша и афродизиака.

— Прямо крошечный вампирский бар, — фыркнула Либена, стараясь не обращать внимания на девушку, которая, казалось, и не замечает ее. — Ты что, зачаровал эту дуру? Я думала, у тебя нет сил.

— Я просто предложил ей немного развлечься. — Киан сдержанно улыбнулся.

— Сначала накачал гашишем, а потом предложил, или сначала предложил, а потом накачал?

— Какая разница? — Киан обнял одурманенную девушку за плечи, убрал ее шелковые волосы в сторону, обнажая шею. — Хочешь укусить ее первой? — предложил он Либене.

— Ты хочешь, чтобы мы питались вместе? — растерялась она.

— Ты никогда не делила пищу с другим слугой?

— Нет. А ты?

— Нет.

— Я тебе не верю.

— Почему? Это слишком интимно, чтобы делить пищу с мужжиной-слугой, а женщины-слуги обычно не любят питаться другими женщинами.

— Слуги вообще не любят питаться с другими слугами.

— Думаю, виной всему были наши хозяева. Они ненавидели друг друга, прививая эту ненависть и нам. Но теперь у нас нет хозяев... Да и девушек кусать тебе не впервой...

— Верно, — осторожно согласилась Либена.

Она не была голодна, не была истощена, но момент волновал, обещая нечто новое, прежде неизведанное, неиспытанное. Она забралась в затуманенное наркотиками сознание рыжеволосой девушки и внушила, что бояться нечего. Отчасти это было правдой. В эту ночь Либена не собиралась никого убивать. Возможно, заняться впервые за долгие века сексом с мужчиной, но не убивать. А утром, когда позвонит Саша Вайнер, она предупредит ее о слежке и о Наследии. Не ради Саши Вайнер, не ради Ясмин и ее ребенка, не ради полукровки Клодиу... Нет. Либена сделает это ради себя. Хватит с нее подчинения. Древние, Наследие, сверхлюди... Мир менялся, но Либена не хотела меняться вместе с ним. Ее жизнь — это служба хозяину. Ни больше ни меньше. И если эти времена закончились, то значит, пришло время для новых персонажей, а старые должны отойти в тень... или умереть. В данном случае все будет зависеть от того, какое решение примет Наследие... Какое решение примут два охотника этой молодой поросли — Гектор и Атиус.

Либена не знала, что они не только наблюдают за ними, но и читают мысли. Особенно ее мысли, потому что Киан каким-то странным образом все еще был закрыт для них. Они знали о Луизиане, знали о болотах Мончак, о микромире для слуг, построенном Моуком Анакони, и знали теперь, что Либена собралась предать их.

— И что будем делать? — спросил Гектор. — Убьем их сейчас илиждеждем звонка и попробуем проследить номер?

— После того, как сошел с ума Илир, я вообще не хочу без веских причин забирать жизни, — признался Аттіус.

— Значит, будем ждать звонка, — сказал Гектор, хотя желание забрать жизни старых слуг было достаточно сильным, чтобы затмить страх безумия. Да и не считал Гектор Илира безумцем. Перегнул ли сородич палку? Да. Сошел ли он с ума? Нет. Ведь он не превратился в представителя дикой поросли, а вернулся в Наследие, да еще и привез с собой женщину, которая жила с новой породой сверхлюдей.

Информация о последних держалась в секрете, и Гектор мог только представлять их себе. Представлять врагами — ведь они пили кровь вендари, чтобы продлить свою и без того долгую жизнь. Подтверждал это и приказ Габриэлы, Матери, избавиться от Ясмин — сверхчеловека, находившегося под защитой вендари.

— Как поступить с древним? — спросил Габриэлу Гектор, получая этот приказ.

— Вендари второстепенен, — сказала Мать, вселив в сердце охотника понимание истинного врага, коим стали сверхлюди.

«Так почему же тогда они лишили жизни Илира?» — думал Гектор, подозревая, что за сородичем был и другой грех кроме истребления жителей целой улицы, на которой стоял дом Мэтоксов. Не то чтобы Габриэла стремилась скрыть любой ценой детали беременности Клео Вудворт, как и историю ребенка ее дочери — Ясмин, но... «Не готово еще Наследие для подобных откровений», — думала Габриэла, наблюдая, насколько глубокое впечатление эта истина производит на посвященных. Поэтому на поиски Ясмин она бросила самых преданных и субординированных. И поиски эти должны были закончиться прежде, чем беглецы успеют добраться до болот Мончак, где начинали собираться не только старые слуги, но и вендари, впервые объединенные слухами о возможном рождении Первенца своего вида. Весть о союзе древних еще не получила подтверждения, но Габриэла не хотела рисковать. Но не хотела рисковать и Рада, которая, связавшись с Сашей Вайнер и узнав, что Киан и Либена покинули их, велела не сообщать беглецам о своем местоположении.

— Если захотят, то сами доберутся на болота Мончак, — отрезала Рада, и Саша Вайнер решила, что старая слуга права.

Да Саше и самой не нравилась эта странная пара. Впрочем, не нравилась ей и идея поселиться на болотах Мончак. После мира культуры, где она провела почти всю свою жизнь, общество старых слуг, вендари, кланов вуду, коих плодил на болотах для отвода глаз Анакони, было смерти подобно. Особенно после того, как Саша Вайнер посетила, когда еще с ними были Киан и Либена, один из вампирских баров для слуг. Место было убогим и грязным, больше напоминавшим дешевый бордель, чем Мекку для слуг. Женщины и мужчины, приходившие туда

продать свою кровь и тела, были потертыми и какими-то сальными. Пианист играл отвратительно, афродизиак и марихуана в воздухе были низкого качества и не столько возбуждали и помогали забыться, сколько раздражали слизистую глаз и носа.

— Стара я для всего этого, — ворчала Саша Вайнер, задыхаясь от смога.

Истории о других барах, поведенные Либеной и Радой, не вызвали у нее интереса. Учредитель бара, человек, несколько раз подходил к ним и, желая угодить, предлагал лучших шлюх и качественные наркотики из личных запасов.

— Когда-нибудь я вернусь и сожгу этот клоповник, — пообещала ему Рада.

Сложные времена наступили для подобных заведений, — заскулил хозяин и, неверно расценив взгляд Либены, предложил ей укусить его.

Саша Вайнер не запомнила его лица, но вот о тараканах, коих в баре были целые армии, еще долго не могла забыть.

— Сомневаюсь, что в Луизиане будет лучше, — сказала она Клодиу, когда Рада связалась с ними и заверила, что на болотах Мончак безопасен. — Думаю, Либена и Киан правильно сделали, что сбежали от нас.

— Хочешь тоже сбежать? — спросил Клодиу.

— Сбежала бы, если бы чокнутая Лора Оливер не сожгла мой театр.

— Мы можем создать твой театр на болотах. Думаю, Моук Анакони пойдет нам навстречу.

Саша Вайнер долго вглядывалась полукровке в глаза, затем громко рассмеялась.

— Господи! Как можно прожить так много и сохранить столько наивности?! — воскликнула она, смущая Клодиу.

Потом Саша Вайнер извинилась и пообещала, что не сбежит, пока они не доберутся до Луизианы. Ясмин не нужно было заглядывать ей в мысли, чтобы понять, что старая балерина врет. Правда, Клодиу поверил и успокоился. Спустя два дня Саша Вайнер сбежала. Оставшись наедине с Ясмин, Клодиу замкнулся. Было ли причиной этому его смущение перед этой девочкой или же он просто считал себя преданным?

— Я приеду, как только смогу, — пообещала Рада по телефону.

— Не надо, — сказала Ясмин.

— Не думай, что понимаешь его или сможешь контролировать. Ты не слуга. Ты не видела, что происходит с древними, когда голод или безразличие подчиняют их.

— Я справлюсь.

Ясмин чувствовала, что ее слова обижают Раду, но иначе вести себя не могла. Причиной этому были мысли Клодиу, в которые пару раз заглядывала Ясмин. Да, он чувствовал себя преданным. Да, бегство Саши

Вайнер оставило в старом сердце обиду. Но... Ясмин не знала почему, но Клодиу не хотел сейчас видеть Раду, не хотел, чтобы слуга и друг бросала все и мчалась к нему, чтобы пожалеть и сказать, что понимает. «Она не поймет», — думал он, и Ясмин не столько видела эти мысли, сколько чувствовала, когда встречалась с полукровкой взглядом. Если бы мир не казался ему таким крохотным, если бы он не изучил за прожитые тысячелетия каждый его закоулок, то, вероятно, Клодиу и сбежал бы следом за Сашей Вайнер. Сбежал туда, где еще не был, в неизвестность, к надежде, что новое место принесет новые чувства... Но он был везде. Даже болота Мончак, куда они направлялись с Ясмин, не были для него неизведанной землей. Правда, в те годы болота были совсем другими. Другими были и материки. Неизменным остался лишь он — Клодиу, полукровка, древний, мучимый голодом, разочарованием и вечностью, которая скорее страшит, чем вселяет надежду. И сейчас, в этот смутный момент истории и времени, Клодиу просто хотел побыть один.

— Только не бросай меня, — попросила его Ясмин.

— Не бросать? — растерялся полукровка.

— Я не смогу одна.

— Боишься Наследия?

— Боюсь того, что извне. Боюсь того, что внутри.

— Я не смогу защитить тебя от Наследия, если оно найдет нас. И не смогу защитить от ребенка Гэврила, который родится.

— Гэврил спас меня от Наследия. Он был вендари. Ты тоже вендари. Почему ты думаешь, что не сможешь защитить меня?

— Гэврил умер, спасая тебя.

— Так ты боишься смерти?

— Нет.

— Я тоже не боюсь. Впереди у меня еще лет пятьдесят-шестьдесят, если ничего не случится. А сколько впереди у тебя?

— Я не знаю.

— Ну, судя по тому, как быстро меняется мир, то, возможно, меньше, чем у меня.

— Ты так думаешь?

— Я это вижу.

— Не знал, что сверхлюди могут видеть будущее.

— К черту сверхлюдей.

— Это твой вид. Ты одна из них. От этого не уйти, как бы сильно ты ни хотела.

— И как давно ты не хочешь быть вендари?

— А как давно ты не хочешь быть сверхчеловеком?

— Не помню.

— Я тоже не помню.

— Но я знаю, почему не хочу быть сверхчеловеком. А ты знаешь, почему не хочешь быть вендари?

— Мой вид похож на что-то мрачное и кровавое. Словно прошлое, которое настырно не хочет умирать. Словно смерть... И не говори, что понимаешь меня. Ты не сможешь понять. Твой вид молод. И он неагрессивен. Вендари — это вымирающий вид. Сверхлюди — это будущее.

— Но мне не нравится это будущее так же, как тебе не нравится прошлое. Я не хочу, чтобы люди становились такими, как мои родители или их друзья. Они видят мысли друг друга. Они не хотят ничего скрывать друг от друга. Это словно если все вдруг начнут ходить обнаженными — не смертельно, но лишает какого-то очарования, волнения. Так и сверхлюди... У них нет внутреннего мира, нет собственных тайн и секретов, нет переживаний. Конечно, это тоже не смертельно, как и обнаженность, но нет ни очарования, ни волнения. Все слишком ясно. Как если бы рождаясь люди уже знали, сколько проживут и когда умрут.

— Я бы хотел знать, — сказал Клодиу, заглянул Ясмин в глаза и предложил ей свою кровь.

— Ты слишком стар, чтобы можно было разговаривать с тобой о чем-то важном, — скривилась Ясмин.

Они не разговаривали до позднего вечера. Не разговаривали, когда покинув отель, садились в машину. За рулем была Ясмин. Клодиу чувствовал ее желание жить. Чувствовал несмотря на то, что она тщательно пыталась скрывать свои мысли.

— Почему ты не вспоминаешь своих родителей? — спросил Клодиу, когда они снова остановились, чтобы спрятаться в очередном дешевом отеле от солнца.

— А почему ты не вспоминаешь своих? — огрызнулась Ясмин.

— Рада часто вспоминала своих родителей, — сказал Клодиу, игнорируя колкость.

— Наследие убило моих родителей. Хочешь, чтобы я вспоминала, как мой отец выдавливал себе глаза, потому что ему велел это сделать Илир? Или как лопался мозг моего брата?

— Ты могла бы вспоминать что-то хорошее. Что-то из прошлого.

— Я вспоминаю.

— Почему же я не вижу этого?

— Может быть, ты просто не понимаешь, на что смотреть? Какой была твоя мать? Каким был отец? У тебя были братья? А друзья, когда ты был ребенком?

— Я не помню.

— Не помнишь или не хочешь помнить? — Ясмин оживилась, заглянула Клодиу в глаза. — Почему тебя называют полукровкой? Кто из твоих родителей был человеком? Мать или отец? Ты знаешь, что я тоже полу-

кровка? Мой отец был сверхчеловеком, а мать самой обыкновенной, если не считать вируса в ее крови. Так что получается, мы с тобой похожи.

Ясмин ждала ответа, но Клодиу настырно молчал — смотрел ей в глаза, но думал о чем-то своем. Могла ли Ясмин заглянуть ему в мысли и понять, о чем он думает? Да. Но она боялась, что придется видеть там не только теплое прошлое, но и жуткий кровавый след, который тянется на протяжении всей истории вендари. Хаос и смерть. Пустота и безразличие. И мало того, что все это придется увидеть... Это придется почувствовать, пережить, пропустить сквозь себя, сделав частью своих воспоминаний, которые уже никогда не сотрутся. Ясмин смотрела на Клодиу и думала, что никакое любопытство не заставит ее заглянуть в его открытые сейчас для нее мысли и воспоминания. Вот только беда была в том, что кроме любопытства Ясмин испытывала и что-то еще. Что-то простое, но крайне решительное в своем подростковом вызове перед лицом опасности.

«Нет», — сказала себе Ясмин, но мысли уже тянулись к Клодиу, заглядывали в его прошлое — громоздкое, монолитное. Мраморные, бесконечные пассажи памяти, замаранные окровавленными следами. Слезы, страхи, отчаяние, голод. Ясмин видела монастыри старой Болгарии, видела пески Египта. Клодиу был странником, скитальцем, паломником неизведанного. И вихрь этих воспоминаний был настолько стремительным, что у Ясмин начинала кружиться голова, особенно когда она слышала крики жертв Клодиу. Он был хищником, убийцей. Не хотел быть, но был. Снова и снова Клодиу боролся со своим голодом, и снова и снова голод побеждал. Голод, превративший Клодиу в изгнанника... Ясмин и не поняла сразу, что крошечный дом на холме, вспоровшем лиственный лес, это место, где родился Клодиу. Место, где он впервые превратится в изгнанника. Где-то рядом журчал ручей, рожденный природной скважиной. Птицы пели неестественно громко. Дивные птицы, большинство которых уже давно вымерло, — Ясмин видела их, но так и не узнала ни одной.

Это было время, когда природа только создавала человека, вылепляя его из более древнего, изжившего себя вида. Вендари — хищники — жили ночью. Людям был представлен день. Хотя это и не были еще настоящие люди. Пройдет не одно тысячелетие, прежде чем их дневной образ жизни разрушит связь с миром теней, с энергией мироздания, которая до сих пор питает вендари, дарит им силу и безграничную власть.

Ясмин видела, как начинается рассвет. Обрывки тьмы, собравшиеся возле кособокого, неловко собранного из деревьев дома ищут спасения в тени. Но спасения нет. Дети ночи вспыхивают, превращаются в прах. Закончилась еще одна ночь. Начинаясь еще один день. Новые люди, которых создал вирус, изменив более древних созданий, жили тысячами. Да, у них уже не было вечности, но и ценить время они еще не научились. Они были лишь наброском природы, каркасом челове-

чества. Изменится еще многое. Ясмин увидела мужчину и женщину — родителей Клодиу. Как и большинство других древних созданий, они подверглись воздействию вируса, превратившись из хищников в жертв. Теперь сородичи охотились на них, питались ими. Теперь невозможно было принять бой. Оставалось лишь бегство. Все дальше и дальше, в глубь неосвоенных земель.

Мужчина и женщина огляделись, прислушались, долго и настороженно выжидали, затем позвали детей — пара мальчиков, в одном из которых Ясмин узнала Клодиу. Он был юн, но сходство уже угадывалось. Его младший брат следовал за ним, словно хвостик, в то время как сам Клодиу вертелся возле отца, собиравшегося на охоту. Все еще хищники. Ясмин видела процесс охоты — быстрые, ловкие. Те, кому надлежало стать людьми, еще и не думали о растительном мире. Пройдут годы, сменятся поколения, тела утратят свою пластичность и скорость. Люди соберутся в группы, чувствуя защищенность в сплоченности... К тому времени они уже не смогут догнать косулю, не смогут спугнуть хищника своим приближением. Они станут слабыми. И самые слабые начнут потреблять в пищу фрукты. Сначала это будут старики и нищие скитальцы. Но природа позволит им перестроиться, решив, что еще не закончила свое творение, свою финальную картину человека.

Ясмин знала, что все это будет — видела в воспоминаниях Клодиу — полукровки из ее времени. Но тот мальчишка, тот маленький Клодиу... Нет, он не знал ничего, не думал. Для него была только охота с отцом, да яркое солнце, обещавшее защиту от древних предков, охотившихся за кровью слабых сородичей. Ясмин чувствовала этот страх. Чувствовала так же, как и голод, когда в лесной чаще отец маленького Клодиу заметил других измененных вирусом существ. Животные отошли на второй план. Охота обещала выйти на новый уровень. Голод. Клодиу чувствовал его. Отец Клодиу и младший брат чувствовали его. И голод чувствовали встретившиеся им полукровки. Страх смерти ничего не значил. Голод был абсолютным. Отец Клодиу выбрался из убежища и вступил в схватку с чужаками. Дрался и Клодиу. Метаморфозы меняли их тела, превращали в идеальные машины смерти. И ни намек на человечность. Особенно после, во время трапезы.

Ясмин не хотела смотреть на это, но чувства и мысли Клодиу держали ее, заставляя переживать процесс, пропускать сквозь себя. И не было здесь семьи, лишь только хищники — дикие, голодные, неспособные насытиться. Отец рычал и кусал сына, старший брат готов был вцепиться в горло младшему. Ясмин слышала, как чавкает эта дикая семья, а где-то вокруг поют птицы. Она пыталась отключиться, пыталась справиться с тошнотой и отвращением, не понимая, почему воспоминание держит ее, пока не услышала вопль отца Клодиу. Небо уже начинало

темнеть. Ожившие тени подбирались к останкам, обещая превратить их в пыль, в ничто, вернув рассудок маленькому Клодиу и его семье...

Но что-то было не так. Этот дикий вопль отца семейства. Что это? Отец Клодиу отшвырнул старшего сына в сторону и упал возле бездыханного тела младшего. Горло его было разорвано, кровь выпита. В пылу пиршества маленький Клодиу и не заметил, как совершил это убийство. Его отец тщетно пытался отогнать рожденных мраком стервятников, теней, желавших забрать его младшего сына. И тени подчинились. Да. Они еще подчинялись этому изменившемуся древнему виду. Отец взял младшего сына на руки и поплелся домой. Клодиу шел следом. Мать увидела мертвого сына и закричала еще пронзительнее, чем кричал отец. Ясмин чувствовала, что хочет закричать и Клодиу. Отчаянно хочет, но что-то сдерживает его, душит. Он просто стоит в стороне и ждет, пока родители не закончат оплакивать его брата. Потом даст волю горю и он. Но потом не случится. В эту ночь безутешные родители изгонят своего единственного сына. И Ясмин почувствует, что их гнев будет понятен Клодиу. Он и сам хотел сбежать. Сбежать, чтобы не вспоминать о том, что убил брата...

О том, куда пойдет, Клодиу не думал. Мальчик просто бежал, прорывался сквозь бесконечный лес. Он не думал о смерти, не думал, потому что не понимал, что смерть может забрать его боль. В те моменты единственным спасением казалось бегство. И он бежал. Бежал сквозь ночь, но и когда наступило утро, он не остановился. Искали ли его родители? Жалели ли о принятом решении? Клодиу уже никогда не узнает об этом. Он выживет, вырастет и заставит себя забыть о трагедии детства. Правда, полноценного охотника из него уже никогда не получится. Каждое убийство станет вызывать боль забитых глубоко внутри себя воспоминаний. И неважно, кем будет питаться Клодиу. Будь то животное или сородич — кровь будет рождать боль, отчаяние. Но после убийства сородича голод дольше не будет возвращаться. Поэтому Клодиу и откажется от крови животных, сведя тем самым все старания природы перестроить его к нулю. Он не станет древним, но и не станет человеком, хоть с годами древние, которых обойдет стороной вирус, и начнут считать его своим. С годами он и сам начнет считать себя древним, возвращаясь к корням полукровки лишь после кормежки, когда чувство вины будет становиться невыносимым...

— О! — только и смогла сказать Ясмин, когда воспоминания Клодиу отпустили ее.

Она стояла опустив голову и не решалась заглянуть полукровке в глаза.

— Что там? — растерянно спросил он. — Что ты увидела?

— Ты не знаешь?

— Нет. Я боялся причинить тебе вред, твоему сознанию. Хотя ты и сверхчеловек, но кто знает... Хотя ты заглядывала в мысли Гэврила... — Клодиу замолчал, чувствуя недоброе. — Ты увидела что-то плохое, да?

— Нет.

— Но у тебя такой вид... — он попытался заглянуть ей в мысли, но Ясмин закрылась.

— Я не увидела ничего плохого, — сказала она, хотя сейчас, прожив часть жизни этого древнего существа, она и сама уже уверенно не могла сказать, что считать плохим, а что нет.

— Не нужно было мне пускать тебя в свои воспоминания. Мы, вендари, — убийцы. Люди не смогут понять нас. Да я и сам не понимаю нас. Единственное наше оправдание — это то, что мы не стали такими. Такими нас сделала природа.

Ясмин не знала, что сказать, понимая, что если бы мог, то Клодиу попросил у нее прощение за всех вендари, вот только... он сам не был вендари. Полукровка. Всего лишь полукровка. Но если сказать ему об этом, если заставить его вспомнить, то легче от этого никому не станет. «Если он хочет быть древним, если хочет обвинять себя во всех грехах этих монстров, то пусть будет так», — решила для себя Ясмин, впервые понимая привязанность Рады к этому старому, страдающему существу. Знала ли Рада об истинной природе Клодиу? Хотела ли она знать об этой природе? А другие слуги? Те, что были до Рады? Тогда, в Египте. Как их звали?

— Расскажи мне о жизни, когда ты был богом по имени Птах, — попросила Ясмин, надеясь, что это поможет им сменить тему разговора, миновать опасный рубеж истины, за который лучше не заступать.

Спустя пару часов, увлеченный воспоминаниями, Клодиу забылся. Ясмин смотрела на него и завидовала этой доведенной за долгую жизнь до идеала способности вычеркивать из памяти тревожные моменты. Возможно, ей тоже придется научиться этому. Особенно если она станет матерью первого в современной истории ребенка вендари. Особенно если этот ребенок окажется очередной причудой природы, решившей внести разнообразие в свой совершенный рисунок. Ведь не зря же появились сверхлюди и Наследие. Все это рождается с целью, с умыслом, если, конечно, не подчинено стихии абсолютного хаоса... Ясмин не хотела думать об этом, но после того, что удалось увидеть в воспоминаниях Клодиу... «Обязательно поговорю об этом с Радой, как только доберемся до болот Мончак», — сказала себе Ясмин, решив, что эти знания слишком тяжелый груз для одного человека, пусть и со сверхспособностями. Правда, когда ей представилась такая возможность, не смогла выдать из себя ни слова. Да и те несколько дней, что разделили ее между историей Клодиу и встречей с Радой, позволили привыкнуть к новому грузу знаний, подстроиться под эту дополнительную тяжесть. «К тому же, — решила Ясмин уже в Луизиане, — чем меньше людей будет знать эту тайну, тем больше вероятность, что Клодиу никогда не услышит о ней». Поэтому, когда на болотах Мончак Рада

спросила о деталях поездки, Ясмин ограничилась историей о том, как от них ушли Либена и Киан, а позднее сбежала и Саша Вайнер.

— Клодиу сильно страдал после этого? — спросила Рада, заботясь о хозяине, превратившемся давно в друга.

— Немного, — соврала Ясмин.

— Не понимаю, что Клодиу нашел в этой старой ведьме, — скривилась Рада и поинтересовалась о деталях приема, который Моук Анакони лично оказал Ясмин и Клодиу.

— Он назвал меня принцессой Нового мира, — улыбнулась Ясмин, вспоминая ожерелье из костей животных на шее Анакони, затем вспомнила, как заглянула ему в мысли, и поморщилась.

— Что-то не так? — тут же спросила Рада.

— Анакони напомнил мне моего отца, — сказала Ясмин.

— Ты заглядывала ему в мысли?

— Мы плыли на лодке по болоту. Анакони и его свита молчали... А я смотрела на них и вспоминала отца и всех тех друзей, которые приезжали в наш дом.

— Тебе нужно научиться контролировать свои способности. Иначе чужие жизни начнут сводить с ума. Когда кровь Клодиу позволила мне заглядывать в чужие мысли...

— Не забывай, что я отличаюсь от тебя, — сказала Ясмин. «Ты так долго прожила с Клодиу, но не смогла узнать его, а я узнала за пару дней. Узнала лучше, чем он знает себя», — хотела она сказать Раде, но лишь плотнее сжала губы. Старая безучастная слуга смотрела на нее как-то устало, но в то же время терпеливо, готовая дать возможность выговориться. — Я не виновата, что твои друзья покинули нас, — сказала Ясмин, заглянув в мысли Рады.

— При чем тут мои друзья?

— Ты жалеешь, что рядом нет Либены. Ты привыкла к ней.

— Ты видишь все это в моих мыслях?

— Да.

— Тогда почему ты не смогла увидеть желание сбежать у Саши Вайнер, чтобы предотвратить это?

— Я видела.

— Но не пыталась остановить ее.

— Некоторые люди должны уйти.

— Она была важна для Клодиу.

— Для Клодиу важны друзья, а не бывшая балерина. Ты его друг.

— А ты?

— Я? — Ясмин снова вспомнила дорогу сквозь болота в компании Моука Анакони и его вудуистической паствы. — Я всего лишь принцесса этого Нового мира, — она улыбнулась, подчеркивая, что это шутка.

Рада осталась хмурой. «Понимает ли эта девочка, что меняет мир? — думала она, вглядываясь Ясмин в глаза. — Понимает ли, что эти чертовы болота превращаются в новый центр ночной жизни?»

— Это опасное место, — сказала Рада. — Не думай, что здесь будет лучше, чем в твоём старом доме.

— Ты не знаешь, как было в моём доме.

— Горстка сверхлюдей собиралась время от времени и устраивала ментальные непотребства, принимая в качестве катализатора своих способностей кровь плененного вендари, — Рада едва заметно улыбнулась. — Поверь мне, физическая и духовная близость, какой бы странной она ни была, это ещё не вся жизнь.

— Ты забываешь о Наследии. Забываешь о последней ночи моей семьи.

— Нет. Не забываю. И не хочу, чтобы забывала ты. Очень хорошо, что ты помнишь ту ночь... Теперь представь, что на болотах Мончак каждая ночь такая же.

— Нет. Не такая же. Я видела мысли Анакони. Видела мысли его свиты... Ты знала, что его дочь Аламеа работала в вампирском баре, пока Анакони не узнал об их родственных узах?

— И что это меняет?

Ясмин пожала плечами.

— Сейчас у Аламеа есть парень.

— Не думаю, что мне интересны все эти подростковые драмы, — призналась Рада.

— Этот парень охотник, — сказала Ясмин. — Как Лора Оливер, которая следила за нами. Помнишь, мы рассказывали тебе о ней?

— Ты поняла, что он охотник, заглянув в его мысли?

— Да.

— Почему же тогда другие слуги не видят этого?

— У него в голове очень много блоков. Думаю, он и сам не знает, что охотник.

— Как же тогда ты смогла понять, что он охотник?

— Я не обычный человек, помнишь?

— Слуги тоже не обычные люди. К тому же после того, как Наследие взялось за древних, слуг теперь на болотах, как собак нерезаных. Как же так вышло, что ты смогла заметить то, что упустили они?

— Не сравнивай меня со слугами.

— Ты так же пила кровь вендари, как и мы.

— Но я в отличие от вас никогда не была обычным человеком. Сколько лет у тебя ушло на то, чтобы научиться читать мысли? Не отвечай, я и так вижу эти годы в твоих воспоминаниях... — Ясмин смотрела Раде в глаза, заставляя себя молчать. Хотя рассказать о детстве Клодиу ох

как хотелось. Хватит с нее этого снисхождения, словно она глупый, несмышленый подросток... Ясмин останавливало лишь то, что, раскрыв тайну Клодиу, она не опровергнет, а, скорее, подтвердит свою несостоятельность и заносчивость юности.

— Прости, если повела себя резко, — неожиданно сказала Рада, ошибочно приняв задумчивость Ясмин за обиду. — Просто эти чертовы охотники...

— Я знаю, что они убили когда-то давно твою подругу. И знаю, что ты была влюблена в одного из них.

— Да... — Рада помрачнела. — И раз уж ты можешь увидеть все это в моих воспоминаниях, то...

— Я знаю, что ты пыталась найти их всех и тех, кто стоит за ними, но не смогла.

— Никто не смог. Либо эти люди действуют спонтанно, либо за ними стоит кто-то могущественный. Впрочем, в пользу последнего ничто не говорит. Охотники не знают даже о древних. Они работают или в одиночку, или парами, ступая на этот путь обычно после того, как слуги наследили, забрав их родственников или близких людей.

— Кто же тогда послал сюда Скендера? — спросила Ясмин.

— Кого?

— Охотника, о котором я говорила.

— Если ты действительно не ошиблась, то... — Рада нахмурилась и пожала плечами. — Может быть, подослать к нему Клодиу?

— Не думаю, что Клодиу сможет помочь.

— Почему?

— Он не может разобраться со своими воспоминаниями. Что уж тут говорить о воспоминаниях другого?

— Ты это о чем?

— Обо всем, — спешно ретировалась Ясмин, понимая, что снова может проговориться о тайне полукровки. — Если хочешь, то я могу попытаться сломать эти блоки в голове охотника сама.

— Думаешь, тебе это под силу?

— Ну, я ведь уже узнала, что он охотник... Никто не узнал, а я узнала... — Ясмин притворно смутилась, не желая показаться заносчивой.

Рада долго смотрела на нее — пылливо, озадаченно, затем неожиданно улыбнулась.

— Он симпатичный, да? — прозорливо спросила она.

— Кто? — растерялась Ясмин.

— Этот охотник... Скендер... Сколько ему лет?

— Он старше меня, — Ясмин не знала, почему краснеет.

— Но ненамного, верно?

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Ты можешь увидеть мои воспоминания, но не можешь понять, к чему я клоню?

— Думаешь, я соврала, что Скендер охотник, ради знакомства с ним?

— Просто скажи, симпатичный он или нет.

— Нет.

— Совсем?

— Ну, если только чуть-чуть... — Ясмин заставила себя смотреть Раде в глаза. — Но я не врала, что он охотник.

— Я верю.

— Нет, не веришь.

— Верю, просто иногда мы выдаем желаемое за действительное, понимаешь?

Они могли бы так пререкаться еще долго, не прерви их Клодиу. Он вошел в помещение одного из лучших коттеджей на острове и растерянно уставился на Раду — бледный, не то напуганный, не то обиженный кем-то.

— Ты знала, что здесь есть и другие вендари? — спросил Клодиу. — Прямо здесь, на одном острове, рядом.

Рада не ответила.

— Знала, — сказал он, заглянув в ее мысли.

Рада покосилась на Ясмин.

— Нет, два полукровки, копающиеся в моих мыслях за один день, — это уже слишком, — нервно улыбнулась она.

— Ты должна была предупредить меня, что здесь будут другие вендари, — начал отчитывать ее Клодиу. — Хочешь спровоцировать войну?

— Не будет никакой войны, — поспешила успокоить его Рада. — У древних давно появился более достойный враг в лице Наследия, чем бесконечная вражда внутри своего вида. А здесь, на болотах Мончак, они собираются ради принцессы.

— Ради кого? — растерялся Клодиу.

— Ясмин, — Рада широко улыбнулась и поспешила сменить тему разговора, рассказав ему об охотнике по имени Скендер.

Клодиу выслушал, но не придал особенного значения, все еще встревоженный близостью своих сородичей. Ясмин знала, что такого никогда не было прежде — чтобы древние собирались вместе. Но понимала ли она, что является катализатором этого сбора? Где-то глубоко — возможно, но на поверхности сознание отделяло плод Гэврила, обособливалось от ребенка, который дал знать о себе лишь однажды — когда спас от Наследия. На этом все. И если все эти люди, слуги, древние готовы поклоняться ему, то пусть поклоняются, она, Ясмин, не имеет к этому никакого отношения. Вот тайна Клодиу — это был ее груз, а ребенок... Впрочем, несколько часов спустя, когда Рада устроила ей встречу с охотником по имени Скендер, Ясмин забыла и об этом. Странно, но

симпатия к нему появилась именно с подачи Рады. Прежде Ясмин и не замечала ни мускулистого тела, ни светлых волос, ни голубых глаз. Не прошло и часа, как девушка Скендера, дочь Моука Анакони, начала раздражать Ясмин. Еще одна принцесса. Принцесса болот Мончак.

Ясмин неловко пошутила несколько раз по этому поводу, заглядывая в мысли Скендера и проверяя, понравилась ему шутка или нет... Ему нравилось, несмотря на то, что к дочери местного короля вуду он и питал какую-то странную привязанность. Не любовь, нет. И не страсть, хотя, судя по его воспоминаниям, Аламеа и была крайне горячей штучкой. Ясмин нутром чувствовала, что в основе этой привязанности лежит что-то противоестественное. Словно... Словно ему внушили эту привязанность, позволив ей активизироваться, как только он встретил местную принцессу вуду. Ясмин пыталась отыскать следы этих внушений, но ее каждый раз отвлекали от этого. То Моук Анакони, который не мог не прийти на званный ужин с высокопоставленными гостями, то Рада, отмечая атмосферу вампирского бара, где они находились, начинала вспоминать свой собственный оставленный в Портленде бар.

— Не стоит сравнивать болота Мончак с единичным баром, — говорил Анакони, и кости животных в его ожерелье начинали побрякивать, словно пытались ожить. — Это место для слуг и древних, скорее, как Лас-Вегас для любителей азартных игр.

Ясмин раздражал голос короля вуду, но именно его хвастовство и помогало ей изучать Скендера, потому что для того, чтобы сломать установленные кем-то блоки в его голове, нужно было сначала узнать самого охотника, изучить его личность, доступную для сканирования истории. Кем он был прежде? Как он попал на болота Мончак? Как познакомился с Аламеа? Ради этого Ясмин специально заговорила о дороге до болот, которую преодолела, покинув Аляску.

— А где жили вы? — спросила она всех, кто находился за столом, пресекая проклятия в адрес Наследия, после деталей убийства ее семьи.

— Луизина, — хрипло сказал Моук Анакони.

Ясмин кивнула, посмотрела на его дочь.

— Луизиана, — сказала Аламеа.

Ясмин перевела взгляд на Раду, сидевшую рядом с охотником, умышленно выбрав это место, чтобы разделить его с дочерью Анакони.

— Что? — растерялась Рада. — Хочешь узнать, где раньше жила я? — она чуть не проговорилась, посоветовав Ясмин просто посмотреть это в ее воспоминаниях. — Я слуга, девочка, — сказала Рада. — Я живу везде и нигде.

— Но ведь ты не всегда была слугой. — Ясмин смотрела на Раду, но мысли ее пытались пробраться в голову Скендера. «Ты ведь тоже не всегда был охотником?» — пыталась она спросить его без слов.

— Я родилась в Болгарии, — нехотя сказала Рада. — Недалеко от города Пловдив... Думаю, тогда еще не было ни Луизианы, ни этих чертовых болот... — она отвернулась, уставившись на сцену, где было устроено какое-то безобразное в своем непрофессионализме кабаре.

— Ну, а ты откуда приехал? — небрежно обратилась Ясмин к охотнику.

— Я? — Скендер вздрогнул и растерянно улыбнулся. — Я как Рада — жил везде и нигде.

— О, на твоём месте я бы так не говорила в её присутствии, — посоветовала ему Ясмин. — Когда-то Рада уже встречалась с мужчиной, который жил везде и нигде. Тогда их, кажется, называли не то хиппи, не то битники...

— И что плохого в битничестве?

— Ничего... Вот только парень Рады оказался охотником.

— Охотником?

— Да. Встречался когда-нибудь с охотниками?

— На болотах Мончак нет охотников, — растерянно сказал Скендер.

— Совсем? — Ясмин изобразила тревогу, посмотрела на Моука Анакони.

Местный король вуду заверил её, что охотнику здесь не выжить.

— Сейчас здесь очень много старых слуг, способных читать мысли. К тому же появились вендари. Конечно, древние брезгают забираться в головы людей, но если придется...

Ясмин перестала слушать Анакони, пытаясь забраться в мысли его дочери. Девушка была немногим старше её самой. Правда, в принцессу она превратилась не так давно. Прежде была обыкновенной танцовщицей, которая попала на болота Мончак, желая заработать, участвуя в сексуальных постановках и продавая свою кровь. Лишь несколько месяцев спустя Анакони узнал о том, что она его дочь. С тех пор Аламеа отвечала за большинство местных шоу, но больше не принимала в них участия. Если её воспоминания не были подделкой, то с охотником она познакомилась, когда он с группой доверчивых туристов отправился на болота Мончак.

Их гидом был человек из вудуистической паствы Анакони. Сам Анакони никогда не верил в вуду, но вот антураж, аура этой религии, что он культивировал вокруг себя среди местных жителей, тешили его тщеславие. Так что гид на болотах Мончак ничего не знал о старых слугах, но верил в духов, которые иногда появляются, чтобы забрать заблудшие души. Главное — не забыть заговоренные Анакони обереги и неизменную молитву Папе Легбе. Правда, от молитвы толку на деле не было, но вот обереги помогали вышедшим на охоту слугам определить, чью жизнь забирать, а чью нет. После всегда можно будет списать потери на аллигаторов и болота, где заблудились туристы. Да и не будет никто проводить серьёзное расследование, потому что старые слуги уже встретились с представителями власти

и убедили их, что туристы, скорее всего, просто уехали, покинули штат. Нечто подобное должно было случиться и с охотником по имени Скендер.

Ясмин не могла видеть в воспоминаниях Аламеа, был ли Скендер среди тех туристов единственным охотником или же нет. Не видела она и деталей его чудесного спасения. Почему старая слуга решила забрать этого голубоглазого красавца на острова Анакони вместо того, чтобы довести охоту до логического завершения? Воспоминания Аламеа начинались, когда Гедре — та самая слуга, решившая сохранить Скендеру жизнь, привела его на острова и сделала своим личным псом. Спустя две недели Аламеа выкупит этого современного Аполлона у Гедре, превратив из сосуда с кровью в своего любовника. Наблюдая за развитием этих отношений, Ясмин невольно вспоминала Гэврила, которого ее родители держали пленником в подвале. Да, она освободила его в конце. Да, он помог ей спастись. Но не будь в ее чреве его ребенка, разве не разорвал бы он ей горло, как только получил возможность? Разорвал. И уж точно ни о какой привязанности не могло быть и речи. Раб не может полюбить хозяина. Не так быстро. В случае же с голубоглазым охотником все было каким-то странным, неестественным.

— Не понимаю, как вы можете быть вместе, — призналась Ясмин, для приличия выслушав короткую версию знакомства принцессы вуду и охотника.

— Ты не веришь в страсть? — спросила снисходительно Аламеа.

— В страсть? — растерялась Ясмин, заглянула в воспоминания дочери Анакони, но не увидела там ничего, кроме сексуальных шоу в ее исполнении. Причем страсть там в основном вызывалась афродизиаком, а не естественной природной силой. Нечто подобное проделывала Аламеа и с охотником. Афродизиаки и легкие наркотики оживляли мир, желание... — Я как-то раз была в одном вампирском баре, так там страсть стимулировали препаратами, — сказала Ясмин. — У вас так же или же я говорю ерунду?

— Ты говоришь ерунду, — улыбнулась Аламеа. — Страсть не нужно стимулировать. Она либо есть, либо ее нет.

Ясмин кивнула, понимая, что принцесса вуду врет. Врет нагло, настырно, настойчиво. Врет, возможно, даже самой себе. Особенно когда вспоминает годы жизни танцовщицей. Все эти эротические постановки, партнеры, кровь, которую при удачном представлении можно продать очарованным фальшивой страстью слугам. В последнем Аламеа тоже видела некий оттенок страсти, некое наслаждение. Не от прокушенной шеи, нет. От тех денег, которые готовы платить старые слуги, чтобы испытать эту чернокожую молодую бестию. Беда лишь в том, что потеря крови восстанавливается не так быстро, как появляется новая жажда денег. Если бы Анакони не признал в Аламеа свою дочь, то она, скорее всего,

свела бы себя в могилу, не в силах остановиться, не в силах умерить жажду денег. «Что ж, если о такой страсти идет речь, тогда все понятно», — кисло подумала Ямин, отмечая, что в кабаре начинают стягиваться старые слуги. Устроенное в честь гостей выступление сворачивается, теряет свою актуальность. На время обеда Анакони выгнал из кабаре всех желающих продать тело или кровь. Но сейчас, наблюдая наплыв богатых посетителей, Анакони начал нервно ерзать на своем стуле.

— Что-то не так? — спросила Рада.

Он замялся, неловко подбирая слова о предпочтениях старых слуг.

— Я сама слуга. Я знаю, что мы предпочитаем, — оборвала его Рада. — И не нужно стесняться Ямин. Маленькая принцесса видела вещи куда страшнее, чем могут произойти здесь. Так что мы хоть и почетные гости, но отнюдь не ангелы. Верно? — последние слова предназначались Ямин, которой вначале показалось, что в них заключена какая-то издевка, но, заглянув в мысли Рады, она поняла, что только так можно будет избавиться от Аламеа, вынужденной оставить их, чтобы организовать новое шоу на сцене. Поэтому Ямин постаралась изобразить безразличие.

— Я же говорю, она уже взрослая девочка, — сказала Скендеру Рада и заговорщически подмигнула после того, как его девушка, Аламеа, оставила их.

Люди засуетились на сцене. Рада подсела ближе к Моуку Анакони и шепотом попросила рассказать, как живут на болотах вендари. Разговор обещал быть долгим и деликатным. Ямин перестала следить за суетой на сцене, перестала прислушиваться к разговору Рады и Анакони. Скендер встретился с ней взглядом и улыбнулся. Определенно он чувствовал какой-то подвох, вот только со всеми этими блоками, установленными у него в голове, вряд ли он мог понять причины своего волнения.

— Мою семью убило Наследие, — сказала Ямин, прерывая неловкую паузу. — А где твоя семья? Они живы?

— Боюсь, я не очень гожусь для разговоров о семье, — глуповато улыбнулся Скендер.

— Ну, ведь у тебя была семья? Было детство?

— Было.

— Давай поговорим о твоём детстве.

— Зачем?

— Считаю это моей прихотью... Разве не для этого существуют болота Мончак? Не чтобы исполнять прихоть?

— Ни разу не слышал, чтобы сюда приезжали ради разговоров о детстве.

— К черту местные традиции! — Ямин широко улыбнулась, но Скендер остался хмур. Ямин заглянула ему в глаза. — Я тебе не нравлюсь? Почему?

— Люди говорят, ты ждешь ребенка от древнего.

— Ты живешь на болотах Мончак и не любишь древних?

— Дело не в древних.

— В ребенке?

— В тебе. Не могу представить себе женщину, которая может добровольно согласиться на подобное.

— Вот как? — Ясмин задумалась лишь на мгновение. — А представить себе охотника, который маскируется любовником местной принцессы вуду, ты можешь? — она спросила об этом небрежно, не делая акцентов. Спросила и пытливо уставилась на Скендера, изучая его мысли, пытаясь найти брешь в установленных блоках. И молчание Скендера играло ей на руку. Это заставляло его думать — спешно, хаотично. Думать о том, что и сам еще не мог понять. Думать, открывая свои мысли, не зная, что Ясмин может их видеть, изучать. В основном это были хаотичные всплески, всполохи света, словно молния, разрезая ночное небо, освещает на мгновение окрестности. — Ты знаешь, что некоторые старые слуги могут забираться в голову человека, читать мысли, заставлять верить в то, чего нет? — спросила его Ясмин, вглядывалась какое-то время в настороженные глаза, затем поняла, что Скендер не собирается отвечать, и продолжила. — Вижу, что знаешь... А ты знаешь, что у детей Наследия эти способности еще сильнее? Они ведь сильнее древних. Только древние не любят заглядывать в мысли людей. Древние живут уже слишком долго. Они видели рассвет человечества. Для них мы только пища, животные, а наши мысли... Ты когда-нибудь заглядывал в мысли животного? Нет? А я заглядывала. Там ничего нет, кроме инстинктов. Это мерзко, потому что когда заглядываешь в чьи-то мысли, ты их не только видишь, но и пропускаешь сквозь себя... Поэтому древние и не любят заглядывать в мысли людей. Но Наследие — это другое... Они способны сломать волю старых слуг, способны подчинить себе сознание сверхлюдей... Ты знаешь, кто такие сверхлюди? — Ясмин ждала, вглядываясь Скендеру в глаза до тех пор, пока он не качнул головой. — Сверхлюдей еще не так много. Мой отец был одним из них. Его друзья. Его сын. Его дочь...

— Ты можешь читать мысли? — спросил Скендер охрипшим от молчания голосом.

— И не только... — Ясмин улыбнулась, видя, как охотник отчаянно пытается спрятать воспоминания о близости с Аламеа. — О, не стесняйся этих всплесков страсти, — цинично сказала она, неосознанно копируя Раду. — Поверь, в твоих воспоминаниях есть куда более странные моменты... Блоки... Знаешь, что такое блоки? — И снова Скендер предпочел отмолчаться. — В твоей голове много блоков. Я вижу их и, думаю, древние тоже смогут увидеть. Кто-то хотел, чтобы ты забыл, кем был. Кто-то хотел, чтобы никто не смог узнать о твоём прошлом.

— Думаешь, я был охотником?

— Думаю, что ты охотник до сих пор. И не волнуйся, ни Анакони, ни его дочь не знают об этом. Только я и Рада. Иначе ты был бы уже мертв. — Теперь Ясмин видела в мыслях Скендера желание бежать. Нет, он не помнил, что был охотником, не помнил, кто установил в его голове блоки, но буквально нутром чувствовал недоброе. — Кто-то внушил тебе даже страсть к Аламеа, — сказала Ясмин. — Думаю, ты мечтал о ней еще до того, как попал на болота. До того, как тебе сохранила жизнь та старая слуга Гедре... Кстати, почему она не убила тебя?

— Я не знаю.

— А почему показала Аламеа? — Тень догадки промелькнула в голове, но Ясмин успела ухватить ее за хвост, позвала Раду и честно призналась, что не может сломать установленные в голове Скендера блоки. — Может быть, чуть позже... — Она посмотрела на Моука Анакони, затем покосилась на охотника, понимая, что его жизнь сейчас зависит от нее. — Нам нужно встретиться с Гедре, — сказала Ясмин Раде.

— Что-то не так? — оживился Моук Анакони.

— Думаю, она связана с охотниками, — сказала Ясмин.

— С охотниками? — выпучил свои и без того большие глаза старый король вуду.

Ясмин встретила с ним взглядом и осторожно кивнула. Было ли для нее важно раскрыть эту тайну? Нет. Было ли это важно для Рады? Да. Ясмин видела ее воспоминания, видела тот незаживающий шрам, который они оставили внутри нее. И излечить эту рану можно было лишь добравшись до верхушки этой странной организации, не убивать охотников, растрачивая силы и гнев, а нанести один точный удар в самое сердце. И, может быть, тогда старая слуга сможет примириться с собой. Не раньше. Считала ли сама Ясмин охотников и тех, кто стоит за ними, злом? Нет. Зла в этом мире и так было слишком много. И если уж смотреть правде в глаза, то злом были все: Наследие, древние, слуги, охотники, дикая поросль, сверхлюди... И еще этот щенячий взгляд голубоглазого Скендера, который нервно кусал губы, наблюдая, как Моук Анакони организует поиски Гедре.

Ясмин притворилась, что не замечает охотника, что ей нет до него никакого дела. Никому нет. «Если он сбежит, пока мы ищем Гедре, то так, возможно, будет лучше», — думала Ясмин, все еще отказываясь признаваться себе, что ей нравится этот светловолосый Аполлон. Нравится как человек. Нравится как мужчина.

— Присматривай за моей дочерью, — велел Скендеру Моук Анакони, не ведая, что говорит с охотником. Да Скендер и сам не ведал — чувствовал, но не мог ничего вспомнить.

Он сидел за столом и тупо смотрел в бокал с красным вином, который оставила Рада. Оставила нетронутым. Так же, наверно, Ясмин оставила и его. Оставила, чтобы вернуться и допить. «А может быть, она хотела, чтобы я сбежал? — подумал Скендер. — Но куда мне бежать?» Он тщетно попытался вспомнить последние годы своей жизни вне болот Мончак. Настоящей жизни, а не коротких, разорванных на фрагменты вспышек. Раньше Скендер думал, что виной этому была его встреча с Гедре. Сейчас... «А что если я действительно охотник, которого заставили забыть об этом?» — подумал он, вспоминая все то, что слышал об этих людях. Нет, конечно, слуги древних совершали за свою жизнь куда больше зла, но ведь они и не были уже в каком-то роде людьми, обменяв свою человечность на условное бессмертие.

Где-то далеко, считай что в другом мире, одобрительно загудел хор голосов, приветствуя вышедших на сцену актеров. Скендер не хотел смотреть. Не хотел прежде, не хотел и сейчас. Раньше эти эротические постановки напоминали ему о том, что когда-то в них принимала участие его Аламеа, сейчас... Сейчас они вообще перестали что-то значить. Пусть толпа голодных слуг гудит сколько угодно. Пусть любовная вакханалия на сцене поражает воображение своей изощренностью...

— Ну, как тебе мое новое шоу? — спросила Аламеа, подсаживаясь за стол рядом с охотником.

— Шоу? — Скендер заставил себя посмотреть на сцену, где молодую девушку с длинными золотистыми волосами похотливо обнюхивал старый слуга.

Девушка фальшиво изображала испуг и вожделение. Свет в зале был приглушен, а когда лицо слуги начало светиться метаморфозами, и вовсе погас, оставляя лишь искрящееся пятно, застывшее в центре сцены. Шелковое, воздушное платье, в которое была одета девушка, колыхалось и дрожало в потоках направленных на сцену вентиляторов, словно подчеркивая внутренний страх жертвы, ее волнение и томительное предвкушение. Старый слуга не спешил. Он играл с жертвой, которая уже без того была одурманена наркотиками и афродизиаком. Тонкие, как иглы, клыки скользили по бархатистой коже, ключицам... Когда слуга прокусил девушке запястье, появился еще один слуга, взял ее за другую руку и тоже укусил. Девушка стояла в центре сцены с закрытыми глазами запрокинув голову и напоминала Скендеру какую-то извращенную фигуру Спасителя на кресте. Напоминала, пока не появились еще слуги. Они кусали ее за шею, ноги, плечи... Прозрачное платье пропиталось кровью. Затем слуги начали уходить в темноту, уступая место обычным мужчинам, которые поддерживали девушку, помогали ей оставаться на ногах. Когда во мраке растворился последний древний слуга, девушку осветили ультрафиолетом. В его лучах кровь на теле девушки вспыхнула бурными пятнами, похо-

жими на бархатистые цветы. Никто на сцене не двигался. Это продолжалось около минуты, затем кабаре погрузилось во мрак, а когда загорелся свет, то сцена была пуста. Постановка не была новой, если рассматривать ультрафиолет, правда, подсвечивали подобным образом обычно не кровь.

— Даже не спрашивай, на что мне пришлось пойти, чтобы заполнить в шоу старых слуг, — прошептала Аламеа на ухо охотнику.

— Ладно, не буду, — отрешенно сказал он.

— Это уже не шоу... Это искусство, — сказала подошедшая к ним старая слуга.

Аламеа польщенно поклонилась. Скендер не слушал, о чем они говорят. Не любил слушать об этом раньше, не собирался слушать и сейчас. Особенно когда Аламеа начинала говорить о волнительном возбуждении во время репетиций.

— Слушать противно, — буркнул Скендер, когда услышал, как Аламеа снова заводит свой извращенный разговор о страсти и чувствах, которые пронзают искусство.

Он вышел на улицу, но покоя не было и здесь. Болото подбиралось к кабаре, и на его берегу слуги устраивали некое подобие родео, используя вместо быков голодных аллигаторов. Вообще все эти острова, где старый Моук Анакони построил свою крошечную кровавую империю, были каким-то сжатым, унифицированным вариантом ада. Здесь свисали цепи и кандалы. Там находился столб для публичной порки. Атрибутика вуду резала глаза своей вульгарностью. Приближенные к Анакони люди передвигались по островам с размалеванными белой краской лицами, подчеркивая свою непричастность к кормежке. Кровососы привыкли и не трогали этих людей. То тут, то там горели костры, вокруг которых устраивали экстатические пляски нанятые Анакони люди. Они плясали ночь напролет, создавая атмосферу безумия и хаоса...

«Хватит с меня этого», — решил Скендер, направляясь к дому, где остановилась Ясмин. Он старался держаться вдали от костров, экстатических плясок, вудуистических обрядов, забав старых слуг, жутких, непонятных теней, прячущихся в темных углах построенных наспех хижин, где можно было разглядеть и человеческие фигуры, спаривавшиеся подобно животным, не в силах утолить бурлившую стимуляторами и квебрахином кровь — дикие, агрессивные. «А что если я был таким же? Или же еще хуже?» — думал Скендер, ловя себя на мысли, что ему нравилась распутность Аламеа, нравилось представлять ее с другими мужчинами. Это волновало, возбуждало. Где-то глубоко, подсознательно, но он был очарован ее прошлым. И, возможно, Ясмин была права, он хотел эту женщину еще до того, как узнал, как увидел впервые. Но разве такое возможно? Выходит, что кто-то действительно внушил ему эту страсть? А что еще? Его имя? Его личность?

Ясмин почувствовала охватившее охотника отчаяние раньше, чем он вошел в ее новый дом. Впрочем, собравшиеся на улице слуги и не позволили бы ему войти. Старые и разгневанные предательством Гедре. Они схватили эту женщину, связали, заткнули рот и притащили в дом Ясмин. Все это напоминало охоту на ведьм. А Ясмин... Ясмин чувствовала себя главным инквизитором, которому предстоит выносить приговор — слишком большая ответственность для одного, пусть и сверхчеловека. Поэтому она и позвала Клодиу, а когда он попытался отказаться, сказала, что это важно для Рады.

— Или тебе плевать на друзей? — спросила она, глядя полукровкой в глаза.

— Чертовы фрики! — зашипела на нее Гедре.

Древняя и усталая. Ей хватало собственных сил, чтобы блокировать мысли от других слуг, но сейчас... здесь... Она пыталась сопротивляться, пыталась бороться. Слуги связали ее тело, но до разума им было не добраться... Гедре хотела верить, что не добраться...

— Господи! — выдохнула Ясмин, когда увидела старых друзей Клодиу в воспоминаниях Гедре. Друзей из Египта, когда Клодиу носил еще имя Птах, а люди поклонялись совсем другим богам.

Нун и Амунет. Был ли на этой планете слуга древнее, чем они? Был ли в истории обман, длившейся дольше, чем их обман? Предательство. Дружба. Смерть. Боль... Клодиу не двигался — стоял и смотрел на Гедре, словно она вдруг стала центром этого пошатнувшегося мира.

— Что... что вы узнали? — встревожилась Рада, глядя то на своего хозяина, то на Ясмин, дуэт которых взломал сознание Гедре, вскрыл, словно нож консервную банку.

Клодиу молчал, напоминая в своей неподвижности василиска, увидевшего свое отражение. Ясмин буквально чувствовала, как снова начинает кровоточить открытая рана полукровки, оставленная предательством друзей.

— Да что вы увидели, черт возьми?! — закричала Рада, теряя терпение.

Клодиу вздрогнул, очнулся и растерянно уставился на своего последнего слугу и друга.

— Прости меня, — сказал он безжизненно.

— Простить? — опешила Рада. — Простить за что?

— За то, что охотники причинили боль. За то, что создал тебя. За то, что создал тех, кто объединил охотников, направил их против таких, как ты...

Его боль была уже знакома Ясмин. Она видела ее, когда Клодиу подростком убил своего младшего брата и был изгнан родителями. Боль, которая никогда не покидала его, а, затаившись, ждала момента, чтобы вырваться на свободу. И от боли этой не было спасения... Черные

тени ожили и окружили дом, где находился полукровка. Мог ли древний уничтожить себя? Стены затрещали, звякнули разбившиеся стекла. Моук Анакони, почувствовав опасность, распахнул дверь, пытаясь бежать. Тени проглотили его, оставив лишь пыль. Кто-то из слуг захлопнул дверь, не пуская этих детей ночи в дом. Но дверь не могла сдержать их — только хозяин. Но хозяин не хотел больше жить. На втором этаже громыхнула обвалившаяся крыша. Облако пыли застлало глаза.

— Ты не виноват, — крикнула Ясмин полукровке. — Не виноват, что Нун и Амунет предали тебя. Не виноват, что умер твой младший брат. Такова природа. Такова жизнь. — Она попыталась забраться к нему в голову и показать то, что он скрывал от себя уже очень давно, но это лишь усилило боль полукровки. Тени хлынули в дом.

«Мы все умрем», — успела подумать Ясмин, словно время повернуло вспять, перенеся ее в безумную ночь, когда погибла семья. «Мы все умрем». Голодные тени кружили по комнате, хватая старых слуг, превращая их в пыль и зловонную жижу. «Мы все...»

«Ничего не бойся», — услышала Ясмин голос ребенка в своей голове. Своего ребенка. Голос будущей самки — сильной, могущественной. «Никто не сможет причинить тебе вред. Ни один полукровка. Ни один древний», — пообещала девочка.

Находясь снаружи, Скендер видел, как разваливается дом. Старые слуги в ужасе бежали прочь. Вудуистическая паства молилась своим богам. Пара выбравшихся на берег аллигаторов устроила себе пир, утаскивая еще живых людей на дно болот. Безумие. Смерть. Хаос. «Мы все умрем», — подумал Скендер. Вернее, нет, не подумал, услышал в своей голове мысли Ясмин — четкие, ясные в предсмертной агонии. «Мы все умрем». Дом рухнул, сожранный голодными тенями. Древний, полукровка, Клодиу — Скендер увидел его в эпицентре этого хаоса, этой пляски смерти, которая не собиралась останавливаться, но... была в эту ночь и другая сила. Более могущественная. Более древняя. И этой силе не мог противостоять гнев Клодиу, гнев хищника, потерявшего контроль. Она сожрала его тени, лишила его сил, но сохранила жизнь, зная, что он мечтает о смерти. И хищник выл, запрокинув голову. Выл от безысходности и беспомощности. Выл, как в те далекие времена, изгнанный из родного дома за убийство младшего брата. Выл и не мог ничего изменить. Осталось лишь бежать. Бежать от боли, отчаяния, от самого себя...

Глава пятая

Южная Дакота. Исследовательский центр «Зеленый мир». Наследие.

Доктор Накамура и сам не понял, когда успел привязаться к Клео Вудворт. Наверное, виной всему были те телепатические сеансы связи, которые она устраивала ему, позволяя путешествовать по глубинам своего восприятия. Одинокая и отчаявшаяся. Вначале Накамура изображал интерес лишь потому, что боялся обидеть ее, заставить чувствовать себя еще более одинокой. Но их связь... Каждый раз эта связь что-то меняла в нем, дополняла собственное восприятие, словно он знал Клео Вудворт не пару месяцев, а добрый десяток лет. И не было уже смущения и неловкости. Лишь только дружба и привязанность. Лишь только отношения, которые, как оказалось, необходимы обоим... Все просто так сложилось: Наследие, беременность Клео, похищение Накамуры, дикая поросль... Особенно дикая поросль...

Габриэла распорядилась, чтобы охотники, уничтожая гнезда этих безумных монстров, сохраняли жизнь оплодотворенным женщинам и привозили их в Наследие доктору Накамуре. Мог ли он их спасти? Мог ли уменьшить страдания? Первые смерти ранили так сильно, что Накамура не спал ночами. Женщины верили ему. Женщины верили каждому, кто мог спасти их. Верили те, которые еще не сошли с ума от боли и пережитого ужаса. Другие уже сверкали стеклянными глазами, шипели и рычали, напоминая дикую поросль, словно они не только ждали от этих монстров ребенка, но и впитали в себя их суть, их голод. И морфий не помогал. Ничто не помогало. Ребенок в чреве не позволял женщинам умереть, не позволял отключиться, забыться. Оборудование, предоставленное Габриэлой, было лучшим в мире, но Накамура не мог найти ему применение. Особенно в первый месяц. Женщины умирали, и он был не в состоянии думать об исследованиях, заставляя себя искать способы спасти их. Но спасения не было. Накамура изучал Клео Вудворт, кровь которой была заражена вирусом двадцать четвертой хромосомы, и пытался понять, почему Габриэла верит, что Клео сможет родить, явив на

свет одного из этих детей-монстров, а другие женщины нет. Что такого особенного в этом вирусе? Да, он каким-то образом воздействует на ребенка, делает его слабым, беспомощным...

— Так почему бы не попытаться заразить беременных женщин? — спросил Накамура.

— Попробуйте, — меланхолично сказала Габриэла. — Только что вы собираетесь делать с детьми, которые появятся? Это ведь дикая поросль.

— На вид их дети похожи на ребенка Клео Вудворт.

— Его отцом был Илир — дитя Наследия... Это разные вещи...

Впрочем, Габриэла не возражала, чтобы спасти женщин, пострадавших от дикой поросли. Другое дело, она не верила, что такое возможно.

— Я ведь и сама ученый, доктор, — напомнила она Накамуре. — Не забывайте об этом.

Накамура пропустил замечание мимо ушей. Исследования воздействия вируса на женщин, чей плод больше напоминал биологическое оружие, нежели ребенка, должны были затянуться на месяцы... Но как продолжать исследования, когда все эти женщины кричат, умоляют спасти их... И умирают, умирают, умирают... Да и Наследие привозило все больше и больше нуждающихся в помощи женщин, словно желая свести доктора с ума.

— Вы издеваетесь надо мной? — не выдержал он.

— Хотите, чтобы дети Наследия убивали их в гнездах дикой поросли, не давая шанса? — сухо спросила Габриэла.

— Вы это создали!

— Я? — Габриэла устало рассмеялась, затем помрачнела. — Я лишь хотела положить конец еще большему злу.

— У вас не вышло.

— Наследие истребило больше половины вендари на земле. Пройдет еще десяток лет, и я уверяю вас, этот вид вымрет, исчезнет... — Она заглянула доктору в глаза. — Только не говорите мне о геноциде. Эти твари и так уже слишком долго обманывают смерть.

— Я не верю, что одно зло можно победить другим злом.

— А я не верю в философию, доктор. Когда ко мне пришла Надин — слуга Гэврила, древнего, кровь которого впоследствии даст жизнь Наследию, она тоже много говорила мне о зле и вечности, располагая которой я смогу сделать много добра. А потом другие безумные слуги изуродовали Надин, превратили в монстра, обязанного по всем законам современной науки умереть, но каким-то странным образом продолжавшего жить, надеясь получить свободу и начать все с чистого листа. Как вы думаете, доктор, может убийца, на счету которого сотни, а возможно, тысячи жизней, начать все с нуля?

Накамура не ответил, и Габриэла продолжила, рассказав, как Надин в образе монстра пришла к мужчине, с которым планировала начать новую жизнь.

— Думаю, философы бы усмотрели в этом лицо добра и зла по разные стороны зеркала, — сказала Габриэла. — Обычный человек и древний монстр. Монстр с уродливым телом и не менее уродливой душой... И знаете, что сделал тот мужчина?

— Сбежал? — спросил Накамура, вспоминая себя в тот день, когда встретился с Эрбэнусом.

— Нет, доктор, — снисходительно улыбнулась Габриэла. — Сбежать хотела я, когда впервые узнала о Надин и древних. Сбежать можно, пока это не стало частью тебя, не проникло в твою жизнь. Потом уже можно либо бороться с этим, либо сдаться. Потом это уже становится личным... Я стала бороться. Мужчина Надин стал бороться. Но в отличие от меня он не был ученым. Он взял топор и зарубил пришедшего к нему ночью монстра. Он сделал то, что было ему под силу. А я... Я сделала то, что было под силу мне — воспользовалась оборудованием исследовательского центра, где работала, и клонировала древнего, чтобы узнать своего врага, изучить и понять, как с ним бороться. Тогда я не думала ни о Наследии, ни о дикой поросли. Тени окружали лабораторию, превратившаяся в монстра Надин скреблась в окна. Я понимала, что либо схожу с ума, либо сам ад разверзся и решил забрать мою душу... Потом появились два клона. На первый взгляд это были просто дети, но когда я оставила их наедине... Скажите мне, доктор, вы можете представить себе, как младенцы, выпустив клыки и когти, разрывают друг друга на части? Не отвечайте. Я тоже не могла себе это представить, пока не увидела своими глазами. Тогда я еще не знала причин этой бойни. Для меня это были просто дети. И когда все закончилось... Когда я увидела уцелевшего ребенка... В тот момент я стала частью этого мира. В тот момент, думаю, и был заложен первый камень в фундаменте Наследия. Я забрала младенца и сбежала из города, чтобы ни тени, ни слуги не смогли добраться до него. Я выкормила его своей кровью. Выкормила за месяц, потому что он рос очень быстро... Эмилиан. Претендент. Первенец нового вида... Я надеялась, что смогу вырастить его человеком, считала своим сыном, своим творением... Но тот, кто рожден хищником, не может стать жертвой, пищей... Поэтому наши пути разошлись... Эмилиан покинул меня, предал... И если бы природа не сыграла с ним злую шутку, если бы не превратила за один год в старика, то наши пути уже никогда бы не пересеклись, потому что вечность не учит ценить жизнь. Поэтому древние и стали монстрами. Но Эмилиан... Он не успел насытиться, отчаяться и перестать ценить жизнь, когда понял, что смерть уже внесла его в свой список... Мальчик вырос за год и вернулся

ко мне дряхлым старцем. Вернулся к своему создателю, Матери, которая в гнев прокляла свое чадо... Древние ненавидят друг друга, поэтому я создавала монстров, надеясь, что они найдут Эмилиана, найдут древних и уничтожат все это зло... Я была безумна в своем гнев... Гнев убивал меня, сжигал изнутри... Но потом появился Эмилиан, подарил мне свое раскаяние и указал новый путь... Так появилось Наследие...

— А сверхлюди? — спросил Накамура. — Они тоже ваших рук дело или же где-то был еще один безумный ученый?

— О, доктор... Думаю, этого безумного ученого вы и сами хорошо знаете... Его имя Природа... Эволюция... Не знаю, как вы предпочитаете называть подобное развитие, но, уверена, лицо это известно нам всем...

Накамура не знал, верит этой женщине или нет. Вот Клео Вудворт он верил, а Габриэле... Больше всего его злило, что история Клео совпадала с историей Габриэлы... Клео, ставшей для него уже не просто пациентом, не просто женщиной, за жизнь которой ему предстоит сразиться. Она была словно... словно сестрой. И нужно спешить, чтобы спасти сестру.

Накамура взялся за практические испытания воздействия вируса на дикую поросль, пропустив годы исследований и теоритических тестов. В наличии было лишь желание да проведенные Наследием скудные исследования, в базе которых в основном лежало ускоренное старение этого древнего вида.

— Есть успехи? — спрашивала каждый день Клео Вудворт.

Накамура хотел соврать, но Клео могла заглянуть ему в голову и узнать все, что ей нужно. Так что ложь отменялась. Только правда. Поэтому Накамура снова и снова честно признавался в провалах. Организм будущих рожениц отвергал вирус, а если доктор увеличивал дозу, то это убивало женщин сразу, как только погибал плод. Плод-паразит. Накамура уже давно перестал называть детьми то, что находилось в чреве у рожениц. Нет. Дети — это почти что ангелы, прорывающиеся из мира света в мир плоти сквозь кровь и слезы. А потомство дикой поросли... Эти маленькие монстры не имели ничего общего с ангелами и невинностью. Они не дарили радости своим рождением, они не пробуждали в женщинах материнский инстинкт... Всего лишь вирус, паразит, который развивается по образу ребенка... Но не ребенок. Нет.

Несколько раз Накамура тщетно пытался провести операцию незадолго до родов. Он надеялся угадать момент, когда монстр оставит носителя, прервет связь и начнет питаться. «Может быть, тогда у женщин будет шанс?» — надеялся Накамура, но шанса не было. Лишь появились кошмарные сны, где он продолжал резать наживую рожениц, потому что кровь дикой поросли блокировала любое обезболивающее, любое лекарство в их крови. Они не позволяли лечить своих носителей, но и не позволяли им умереть. Так что оставалось лишь заткнуть

уши и не слушать дикие крики отчаявшихся, обреченных на смерть женщин. «Господи, — думал Накамура, когда дети Наследия уничтожали мертвые тела женщин и монстров в их чреве. — Я превращаюсь в убийцу, монстра, свихнувшегося мясника». Ему стали сниться сны, где он обнаруживает себя в обычной больнице, а на столе лежит обычная женщина, которой он вспорол брюшную полость, чтобы добраться до крошечного, похожего на ангела ребенка...

— Вирус не помогает, — признался наконец доктор, сначала себе, а затем Клео Вудворт.

К тому времени рука его уже обрела твердость, а нервы закалились, научившись игнорировать чужую боль и крики. Ситуация проникла в него, стала чем-то личным. И невозможно было уже остановиться. Женщины умрут вне зависимости от того, будет он оперировать или нет. Да и можно поспорить, что хуже: умереть под скальпелем или когда монстры начнут сжирать тебя изнутри. Несколько раз Накамуре снилось, как во время операции кровь монстра попадает в его открытую рану, превращая в слугу, который стареет и умирает за считанные дни. Он думает о своей дочери, встречается с ней, но она не узнает в старике отца, пугается его, плачет.

— Сделайте одолжение, не рассказывайте мне больше о том, что мне знать не нужно, — попросил Накамура Габриэлу, когда понял, что боится спать.

Историй о Наследии было много. Генетически созданные дети, клоны Гэврила, древнего, появлялись на свет, выросли, старились и умирали в течение одного года. Человеческий век казался им вечностью. История Первенца, Эмилиана, представлялась преданием глубокой старины, с момента которой сменились десятки поколений. Так что если смотреть изнутри, глазами Наследия, то это была древняя раса, богатая историями и сказаниями. И эти сказания пугали и сводили с ума. И что самое странное, быстротечность их жизни заставляла и жизнь внутри Наследия вращаться быстрее. С момента похищения Накамуры не прошло и нескольких месяцев, а ему уже казалось, что прошел не один год. Особенно если вспоминать прежнюю жизнь — такую простую, такую нереально невинную.

— Твое прошлое становится темным, далеким, — сказала однажды Клео Вудворт, заглядывая в мысли Накамуры. — Раньше мне нравилось видеть твои воспоминания, а сейчас... Сейчас они стали какими-то мрачными, словно ты пытаешься заново воспринимать это... Не делай так.

Доктор не особенно понимал, о чем говорит его новый друг. Или не новый? Кажется, с момента их встречи прошло уже много лет.

— Это все из-за того, что мы открыли друг другу свои воспоминания, — сказала Клео, но доктор считал, что причина в другом.

— Думаю, во всем виновато Наследие. Их старость, их тени... Их мысли... Иногда мне кажется, что они изучают мои воспоминания помимо моей воли. Забираются в голову и настраивают мое восприятие...

— Со мной было так же, когда я только начинала жить с Мэтоксом, — попыталась успокоить его Клео Вудворт. — Мой муж обладал силой, которая была мне недоступна. Мои дети. Мои друзья... И неважно, сколько крови древнего я приняла, — моя сила всегда оставалась тенью, призраком в сравнении с силой моей семьи... И первые годы... Когда они старались приобщить меня к своему восприятию мира... Это было словно прокрустово ложе для меня... Думаю, сейчас с тобой происходит нечто подобное.

Обычно все эти разговоры происходили во время ежедневных обследований. Накамура пытался, изучая показания сложной аппаратуры, а Клео говорила и говорила... Говорила вслух, говорила в голове доктора. Она давно не принимала кровь вендари, но теперь ее питал ребенок Илира. Мальчик. И мальчик этот общался с матерью, разговаривал, показывал мысли людей, в головы которых Клео сама и не думала забираться.

— Ты знал, что Габриэла была беременна от Эмилиана? — спросила как-то раз она Накамуру. — Никто не любил этого ребенка. Никто не хотел, чтобы он появился на свет. Эмилиан боялся его, а Габриэла ненавидела, считая еще большим злом, чем все древние.

Незадолго до рождения ребенка Клео Вудворт вообще стала очень часто говорить доктору странные вещи, словно ребенок в ней воздействовал не только на ее тело, но и на ее разум, побуждая свою мать говорить то, что нужно ему, показывать, забираясь в головы других, то, что он хочет. Слабый, беспомощный ребенок. Клео Вудворт не спрашивала разрешения Накамуры показать ему воспоминания Габриэлы о беременности от Эмилиана. Она просто забралась в голову доктора и вывалила туда часть чужой жизни, а потом сказала, что ее ребенок отличается от монстра, развивавшегося в теле молодой Габриэлы.

— Вирус убивает голод, — сказала Клео, заглядывая Накамуре в глаза. — А если нет голода, то нет и безумия. Нужно лишь немного помочь этому мальчику. Нужно обмануть природу, которая видит в нем монстра, заставляя убить при рождении мать. Ты ведь сможешь ему обмануть природу? — Клео говорила все это томно, с придыханием. Вернее, не Клео. Нет. Это был уже кто-то другой. Та Клео, которую Накамура считал другом, не вела себя так. Она нравилась ему, а эта... Эта была распутной, дерзкой, насквозь пропитавшейся пороком и моральным разложением.

Она забиралась доктору в голову и показывала странные, дикие картины своей прошлой жизни. Она подменяла ему его собственные воспоминания.

— Прекратите это, иначе я не смогу нормально работать, — сказал Накамура Габриэле.

С того дня в палату Клео Вудворт вместе с ним приходили старые наставники Наследия. Странно, но ребенок, подчинивший себе волю матери, не пытался противостоять им. Он затихал, ослаблял свою власть, позволяя Клео стать собой. Доктору не нужно было слышать ее слов, чтобы понять это, — достаточно заглянуть в ее глаза, где не было ни порока, ни вожделения. Просто женщина. Просто друг.

— Не извиняйся, — останавливал он Клео, когда она, краснея, вспоминала свое недавнее поведение. — Считай это побочным эффектом. Кто-то становится раздражительным во время беременности, кто-то остро реагирует на запахи, вкусы... Ты же странно ведешь себя... Скоро все это закончится.

Доктор брал ее за руку и смотрел в глаза, надеясь, что его взгляд успокоит лучше сотен неуклюжих слов.

— Спасибо, — говорила Клео и заставляла себя улыбаться. — Надеюсь, безумие прошло, и я смогу себя контролировать...

Но безумие возвращалось. Не явно, нет. Оно словно играло с доктором. Не являя себя в присутствии старых детей Наследия, нечто мрачное и порочное приходило к Накамуре во снах, рисуя картины диких дионисийских ночей Клео и сверхлюдей.

— Может быть, проблема не в ребенке Клео, а в вас, доктор? — скептически предположила Габриэла, когда Накамура попросил приставить детей Наследия к нему во время сна.

— Что значит «проблема во мне»? — растерялся доктор.

— Никогда не слышала, чтобы слуги, вендари или дети Наследия забирались в человеческие сны.

— Но я не хочу видеть все это! Клео стала для меня почти сестрой...

— Клео всегда будет просто женщиной.

— Но... — Накамура замолчал, не в силах пересказать все то, что видел во снах. — Они не могут принадлежать мне, — покачал он головой. — Я никогда не думал о подобном...

— Ну, на то они и сны, чтобы не поддаваться контролю.

— Они не могут принадлежать мне! — разозлился Накамура.

В принципе, Габриэла и не спорила с ним.

— Если доктор хочет, чтобы его сон охраняли дети Наследия, то они будут охранять, — сказала она прежде, чем Накамура потерял самообладание.

— Спасибо, — сказал доктор, глотая кипящий гнев.

— Не за что, — сказала Габриэла. — Главное — не забывайте, что когда меняется наше восприятие, то меняемся и мы сами, — напомнила она перед тем, как уйти.

— Глупость, — сказал Накамура, но дверь за Габриэлой уже закрылась.

В эту ночь, перед тем как лечь спать, Накамура выглянул в коридор и убедился, что седовласые дети Наследия наблюдают за ним. Он не знал их имен, да и не хотел знать. Главное, что эти искусственно созданные монстры будут присматривать за его сном, оберегать его. Доктор лег в кровать, надеясь, что ему приснится дочь или детство: доброе, полное надежд и веры в лучшее. Кто-то забрался к нему в голову — Накамура уже давно научился узнавать, когда чье-то сознание начинает изучать его. «Ну, если так они смогут оградить меня от дурных снов...» — подумал доктор, смирившись с посторонним в своей голове, закрыл глаза, но еще долго не мог заснуть, беспокойно ворочаясь, думая о предстоящих родах Клео Вудворт... Этой странной Клео Вудворт... Такой молодой внешне, но с таким старым, усталым взглядом. Когда же умерла в ней беспечность? Что стало причиной? Кровь древнего? Затянувшаяся молодость? Ночи бесчинств с Мэтоксом и его друзьями? Рождение детей или знания об изнанке мира, его мрачной, неприглядной ночной мгле, где живут тени и безумные слуги древних? Или же причина во всем сразу, включая странное детство, особенности работы и череду неудачных отношений? Как много мужчин предало ее, отказалось, заставив чувствовать себя неполноценной, ущербной? Возможно, именно поэтому она и осталась с Мэтоксом? С этим странным сверхчеловеком, использовавшим ее, чтобы отомстить за свою возлюбленную по имени Крина.

— Он бесподобный любовник, — услышал Накамура женский голос, но так и не понял, сон это или часть воспоминаний, которыми некогда поделилась с ним Клео.

Две женщины — Клео и Фэй — сидели в гостиной и обсуждали хозяина дома, в то время как он занимался любовью в спальне с третьей женщиной. Его мысли были открыты, чувства обнажены. Можно заглянуть ему в голову, увидеть мир его глазами, почувствовать то, что чувствует он. Или заглянуть в мысли женщины, находившейся сейчас с ним. В мысли еще одного сверхчеловека в этом доме.

— Он рассказывал тебе, что до того, как стать любовницей, Крина хотела просто осушить его для своего хозяина? — спросила Фэй.

— Крина давно мертва, — сказала Клео.

— Но он все еще любит ее.

— Сомневаюсь, что он вообще может кого-то любить.

— Он любит своих детей...

— Дети — это другое...

Женщины смолкли, прислушиваясь к мыслям Эндрю Мэтокса и его любовницы, которую привезла в этот дом Фэй. Накамура видел их лица. Фэй взволнованна, возбуждена. Клео... Клео выглядела какой-то безразличной, безучастной.

— В следующий раз я привезу мужчину для тебя, — сказала неожиданно Фэй.

— Не хочу, — монотонно отчеканила Клео.

— Хочешь, — так же монотонно сказала Фэй. — Вижу, что хочешь. Так же, как хотела завести детей. Никогда не делала на этом акцент, но когда забеременела, ни разу не задумалась о том, чтобы избавиться от них.

— Не понимаю, что плохого в детях.

— Я разве сказала, что это плохо? Нет. Дети — это хорошо... Особенно когда их отцом был сверхчеловек... Может быть, когда-нибудь я тоже захочу детей... Не близнецов, конечно. Боже упаси. Одного. Девочку. Как твоя Ясмин... Согласись, она очень сильно похожа на своего отца?

— Не знаю, мне сложно представить Мэтокса ребенком.

— Загляни к нему в мысли и все увидишь сама. Он ничего не скрывает.

— И что я увижу? Мир глазами ребенка? Это совсем не то, что наблюдать за ребенком со стороны...

Накамура подумал, что и сам сказал бы так же. Зачем изучать мир глазами ребенка, если можно смотреть, как ребенок взаимодействует с этим миром? Или же восприятие сверхлюдей устроено как-то неправильно? Почему они так любят забираться в чужие головы, изучать чужие мысли, словно пытаясь заполнить этим свою собственную внутреннюю пустоту? Накамура долго смотрел на Фэй. Нужны ли этому миру сверхлюди? Нужен ли сверхлюдям этот мир? Накамура вдруг понял, что в реальности Фэй уже мертва. Эндрю Мэтокс мертв. Даже этот дом — и тот сторел. Жизнь обещала сверхлюдям вечность, но жизнь рухнула, посмеялась над ними. «Можно ли что-то изменить, предупредив их сейчас?» — думал Накамура, не чувствуя, не понимая во сне линейность времени, его необратимый бег.

— Наследие найдет вас и убьет, — сказал Накамура, вглядываясь Фэй в глаза. Сейчас она была для него всего лишь пациентом, которого можно спасти. О том, что перед ним женщина, Накамура не думал. Просто человек. Просто жизнь. Ни больше ни меньше. — Беги отсюда, — сказал Накамура Фэй. — Беги... — он оборвался на полуслове, увидев, что разговаривает со своей дочерью.

Девочка была напугана. Сколько же он не видел ее? Пару недель? Пару месяцев? Пару лет? Дом Мэтоксов, некогда охваченный огнем, покосился. Сквозь частично обвалившуюся крышу было видно небо, с которого падал редкий мокрый снег.

— Как ты оказалась здесь? — спросил Накамура свою дочь, но лишь только сильнее напугал ее.

Девочка вздрогнула, вскочила на ноги и побежала прочь, наверх по обвалившейся лестнице.

— Пстой! — Накамура неловко перепрыгивал через сгнившие ступени. Обгоревшие стены опасно нависали по бокам. Часть сломанной балки висела на проводах, раскачиваемая ветром. Накамура с трудом увернулся от этого препятствия. — Юмико! — закричал он, потеряв дочь из виду. — Юмико!

Тишина. Лишь мокрый снег падает с неба сквозь обвалившуюся крышу. Снег, который больше напоминает пепел. Пол коридора впереди ветхий, ненадежный. Накамура осторожно сделал шаг. Доски жалобно закричали под ногами. Голоса. Далекие, приглушенные. Словно звуковой маяк в этом застывшем мире безмолвия. Накамура шел на него, продолжая звать свою дочь. Звать тише и тише, чувствуя неуместность своего голоса в этой обители тишины. Да и не было здесь его дочери. Не могло быть. Накамура остановился возле закрытой двери. Теперь повернуть ручку, переступить через порог. Спальня Мэтоксов. Огромная кровать. Десяток серых, почти бесцветных подушек. Бесцветные простыни. Бесцветные стены. Бесцветные люди — две пары. Одежда на полу. Пальцы Клео Вудворт путаются в густых волосах любовника. Еще немного... Еще чуть-чуть...

— Тебе понравилось? — спрашивает мужчина, отрываясь от ее гениталий.

Клео заставляет себя улыбаться. Мэтокс и Фэй лежат рядом — обнаженные, увлеченные разговором.

— Сколько можно разговаривать? — спрашивает их Клео.

Мэтокс и Фэй оборачиваются.

— Может, займетесь делом? — злится Клео.

Любовники улыбаются.

— Ну и черт с вами. — Клео смотрит на своего партнера. — Спасибо тебе, — говорит она.

Мужчина улыбается.

— Хочешь, чтобы теперь я приласкала тебя? — спрашивает Клео.

Накамура отворачивается. Нет, он не хочет видеть это, не хочет слушать, не хочет знать, что все это было.

— Это ты сделал ее такой! — хочет сказать Накамура Эндрю Мэтоксу, оборачивается, но кровать уже пуста. Старая, обгоревшая кровать...

— Простите, доктор, но эти сны принадлежат только вам, — сказала утром Габриэла.

Накамура покраснел, пытался какое-то время спорить, затем сдался, сник.

— Может быть, вам просто нужна женщина?

— Что?

— Вы не стесняйтесь, если это поможет вам успокоиться, то мы все организуем...

— Я человек, а не животное, — сказал Накамура, надеясь сохранить остатки гордости.

Габриэла пожала плечами, ретировалась, оставив доктора наедине с его пациентками. Наедине с безумием, хаосом, смертью... «Как только все закончится, сразу уеду из этой страны, — сказал себе Накамура. — Заберу дочь и вернусь на родину. Хватит с меня...» Доктор лелеял и оберегал решение несколько дней. Это была его маленькая тайна, его способ сохранить самообладание.

— Почему ты избегаешь меня? — спросила Клео Вудворт неделю спустя, отыскав среди других сознание Накамуры.

Доктор вздрогнул, огляделся, не сразу сообразив, что голос друга звучит у него в голове.

— Как ты? — спросил Накамура про себя, не зная, сможет ли Клео услышать его.

Клео слышала. Сказала, что устала.

— Я тоже устал, — признался доктор.

— Но мы все еще друзья?

— Конечно.

Спустя четверть часа Накамура пришел в палату Клео Вудворт. Они обменялись парой сухих шуток, парой смущенных взглядов.

— Ведем себя, словно бывшие любовники, — подметила Клео.

Накамура кивнул, хотел рассказать о своих странных снах, но так и не решился.

— Я все еще могу читать твои мысли, — напомнила ему Клео.

Накамура покраснел.

— Ничего. Не бойся. Ты не смутишь меня. Я уже слишком стара, чтобы смущаться.

Доктор кивнул, покосился на необъятный живот Клео Вудворт и подумал о своей дочери, попытался представить, как вернется к ней, когда все закончится... Если закончится...

— Все будет хорошо, — пообещала ему Клео Вудворт. — Ты еще увидишь свою дочь. Обязательно увидишь...

Что касается собственной дочери, Ясмин, то о ней Клео даже не вспоминала. Знала, что она где-то есть, но вот где — все как-то стерлось, смазалось. Осталось лишь понимание, что Ясмин сбежала, когда Илир пришел в их дом. Ничего больше. Пара старых наставников Наследия уничтожила знания о беременности Ясмин от Гэврила. Уничтожили по приказу Габриэлы. «Если ребенок Клео появится на свет, то ничто не должно беспокоить его в первые моменты жизни», — думала она, отдавая распоряжение стереть воспоминания всем, кто знал о беременности Ясмин. Также она удалила из центра Наследия почти всех людей, которые могут стать потенциальной пищей, переселив их в пыльный

город за стенами комплекса. Только дети Наследия. Никаких больше ошибок. Новый Первенец не испытает искушения, как это случилось с его предшественником — Эмилианом...

Когда Габриэла вызвала к себе Эрбэнуса, чтобы наставники стерли его воспоминания о той части допроса Илира, где старый друг рассказал о Ясмин, Эрбэнус решил, что этот день станет последним в его жизни. Наставники заберутся ему в голову и узнают о Лане Зутерман, о ребенке, которого она носит под сердцем, о плененном вендари...

— Если я не вернусь в течение следующего часа, то собирай вещи, садись в мою машину и беги отсюда как можно дальше, — сказал Эрбэнус матери своего еще не рожденного ребенка.

Но наставники Наследия ничего не заметили. Они закончили процедуру, оставив Габриэлу напоследок. Старые и мудрые. Им надлежало покинуть Наследие, скрыться, затеряться и ждать, оберегая тайну, пока не настанет время явить ее Матери или новому Первенцу. Странно, но тяжелее всех процедуру удаления воспоминаний перенес Накамура, убедивший себя, что ему хотят удалить не только воспоминания о дочери Клео, но и о его собственном ребенке, чтобы он навсегда остался в Наследии. Поэтому доктор сопротивлялся до последнего, боролся за свое прошлое, словно самурай, который, вступая в бой, готов умереть. Боролся, пока не отключился в своей комнате, упав на пол, заливая дорогой ковер хлынувшей из носа и ушей кровью...

Он очнулся час спустя, долго лежал, проверяя воспоминания о дочери, затем о друзьях, первом браке, работе, детстве, своих родителях. Вроде все было как и прежде, но... Все как-то накопилось, переполнило чашу терпения. Отчаяние, беспомощность. Накамура повернулся набок, поджал колени к груди и тихо заплакал, надеясь, что эта минутная слабость останется навсегда с ним и никто не узнает о ней, не увидит и не подслушает, — такие глупые человеческие надежды в мире, где спрятать мысли и чувства почти невозможно. Если только удалить их, стереть, выжечь из памяти...

— Все будет хорошо, — пообещала доктору Клео Вудворт за неделю до операции — жестокой, кровавой, целью которой было извлечь ребенка из матери до того, как начнется кормежка...

Габриэла стояла рядом и готовилась принять новорожденного.

— Я назову его Фонсо, — ворковала она, и в глазах у нее вспыхивал нездоровый блеск.

Накамура молчал — кромсал плоть Клео Вудворт, пробираясь к плоду, и старался ни о чем не думать. Клео кричала так сильно, что через пару минут сорвала связи, стихла, продолжая безмолвно открывать рот. Ее держали дети Наследия, не позволяя двигаться, в то время как нерожденный ребенок не позволял ей потерять сознание. Казалось, что эта связь

сохранилась и после того, как Накамура извлек мальчика, передав Габриэле. Клео лежала на операционном столе и жадно хватала ртом воздух. Ее брюшная полость была распорота, почти вывернута наизнанку.

— Прости меня, — шептал ей Накамура, а Габриэла уже уносила ребенка — крепкого, сильного, голубоглазого. — Все будет хорошо, — пообещал Накамура его биологической матери.

Клео встретила с ним взглядом и только тогда отключилась. Дети Наследия отпустили ее, ушли следом за Габриэлой. Роженица умирала, угасала. Накамура собирал ее внутренности, зашивал брюшную полость, понимая, что шансов на спасение нет. В операционной впервые за долгие месяцы наступила тишина. Дети Наследия уничтожили перед рождением Фонсо всех женщин, оплодотворенных дикой порослью. Эксперименты закончились. Накамура закрыл глаза...

— Если хочешь выжить в Наследии, то нужно принять его правила, — прозвучал в голове чей-то голос, заставив Накамуру вздрогнуть. — Наследие не живет по законам людей. Мы другие, и у нас другие порядки.

Накамура открыл глаза, увидел Эрбэнуса и послал его к черту.

— Я не служу твоим богам, человек, — сказал Эрбэнус.

Он не хотел приходить сюда, предлагая помощь. Идея дать доктору кровь вендари, чтобы спасти Клео Вудворт, принадлежала Лане Зутерман.

— Иначе как мы узнаем, спасет это меня после родов или нет? — спросила она, когда Эрбэнус попытался объяснить, что это слишком рискованно. — К тому же ты сотрешь доктору воспоминания. Никто ничего не узнает...

— Вот — надеюсь, это поможет, — сказал Эрбэнус, протянув доктору шприц с кровью Оллрика.

— Что это? — насторожился Накамура.

На объяснения не было времени, поэтому Эрбэнус просто показал ему плененного вендари в своем доме. Показал Лану Зутерман. Показал не ради того, чтобы доктор поверил, а чтобы он позволил стереть часть своих воспоминаний, не оказывал сопротивления.

— Если Наследие узнает, то Лану убьют, — сказал Эрбэнус.

Накамура кивнул, хотел сказать, что должен осмотреть эту женщину, но понимал, что его услуги потребуются только когда настанет время появиться ребенку на свет. Затем Эрбэнус ушел, стерев из головы Накамуры воспоминания о своем визите, оставив лишь понимание, что спасение Клео Вудворт — не более чем удача, божественное стечение обстоятельств...

— Прости, что причинил тебе вред, — сказал Накамура, когда Клео Вудворт пришла в себя.

Это случилось на вторые сутки после операции.

— Как такое возможно? — задала она такой же вопрос, как и чуть ранее Габриэла.

— Я не знаю, — честно сказал доктор. — Возможно, кровь древнего, которую ты принимала прежде, спасла тебя, возможно, ребенок улучшил твою регенерацию... — он замолчал, ожидая, что Клео спросит о судьбе своего сына, но она не спросила.

Не могла она и заглянуть в голову доктора, чтобы узнать о происходящем, потому что силы, превращавшие в сверхчеловека прежде, оставили ее, ушли вместе с ребенком.

Фонсо. Накамура видел его уже дважды. Крепкий, здоровый младенец. Казалось, Габриэла не выпускает его из рук ни на мгновение.

— Он напоминает мне Эмилиана, — ворковала она. — Только на этот раз я не допущу прежних ошибок... Словно судьба дала мне второй шанс...

Фонсо рос быстро, спешно. Можно сказать, созрел на глазах, распускался опасным плетоядным цветком, заставляя детей Наследия обходить покои Габриэлы стороной, правда, сама Габриэла не замечала этого.

— Чокнутая старуха! — ворчала на нее Клео, когда Накамура рассказывал о том, что происходит вне лазарета.

Кровь вендари, которую Эрбэнус еще трижды передавал доктору, исцелила тело Клео и вернула телепатические способности. Вот только отпустить Клео никто не собирался.

— А что если мальчик захочет познакомиться с матерью? — спросила Габриэла, когда Накамура пытался заговорить с ней о том, чтобы позволить Клео покинуть Наследие.

Чтобы уйти самому, доктор и не заикался. Да и не отпустила бы его Габриэла, ясно дав понять, что он нужен ей, чтобы наблюдать за Фонсо, изучать мальчика, его спешный рост, созревание. Каждый раз во время таких обследований Фонсо, как бы играясь, забирался доктору в голову и разглядывал доступные воспоминания. Вначале ребенок был наивен, доверчив, но Накамура чувствовал, как крепнут его мысли, как рождается его личность.

— Вы должны разработать альтернативный способ его кормления, — сказала Габриэла, которая настаивала на внутривенных инъекциях с рождения Фонсо. Но инъекции не помогали. Да и не нравились они мальчику, и чем взрослее он становился, тем отчетливее чувствовал Накамура его неприязнь. — Не нужно злить этого ребенка, доктор, — предупредила Габриэла, хотя Накамура и сам уже понял это, потому что каждый раз, как только Фонсо видел шприц, в темных углах появлялись тени, а в голове доктора что-то натягивалось, словно собираясь лопнуть, забрызгав стены кровью и ошметками мозга.

Природа мальчика брала свое. Неделя за неделей...

В день, когда Эрбэнус обратился к Накамуре за помощью, Фонсо укусил доктора. Укусил за руку, державшую шприц. Ребенок к тому времени уже подросток. На вид ему было года два-три. Накамура видел, как изменилось его лицо. Видел тонкие, искрящиеся зубы-иглы. Они вспороли кожу на запястье доктора, проткнули вены. Кровь заполнила Фонсо рот, а когда дети Наследия оттащили его от Накамуры, мальчик запрокинул голову и проглотил добытую пищу. Габриэла ахнула, схватила салфетку и метнулась с несвойственной для старухи проворностью к ребенку, чтобы вытереть ему лицо.

— Вам лучше уйти, доктор, — сказала она, не оборачиваясь, Накамуре, словно это он был виновен в случившемся.

Дети Наследия открыли доктору дверь, готовые вышвырнуть его, если он мгновенно не исполнит распоряжение их Матери. Накамура не возражал. Уйти из покоев Габриэлы. Уйти из Наследия... Вот только в то, что его когда-нибудь отпустят, он уже давно перестал верить. Да и было что-то еще. Что-то держало его здесь — долг, о котором он не помнил, а лишь чувствовал его подсознательно. Еще один ребенок. Еще один кошмарный сон в роли мясника.

— Вы не забыли о Лане Зутерман, доктор? — спросил Эрбэнус, когда Накамура шел в комнату Клео Вудворт, собираясь рассказать ей о происшествии с Фонсо. Голос прозвучал в голове доктора, заставив остановиться. — Пришло время вспомнить, — сказал Эрбэнус, показывая Накамуре, как он сможет выбраться из комплекса.

Дом на краю крохотного города и беременная женщина ждали его. Накамура увидел их мельком, но этого катализатора было достаточно, чтобы вспомнить, кому Клео Вудворт обязана жизнью.

Теперь спуститься в подвал. Охраны нет, но путь преграждает железная дверь с электронным замком. Ввести показанную Эрбэнусом комбинацию. Пара ящериц пробегает по каменному полу. Когда в последний раз пользовались этим старым тоннелем?

— Давно, доктор, очень давно, — сказал Эрбэнус, продолжая читать мысли Накамуры, и тут же показал ему Лану Зутерман — бледную, покрытую крупными каплями пота. Она лежала на кровати и едва дышала, готовясь явить миру еще одно странное дитя. Накамура ускорил шаг.

Когда он пришел в дом Эрбэнуса, ребенок Ланы уже начал самостоятельно прокладывать себе путь в новый мир. Он проснулся и робко пытался вкусить плоть матери. Лана не кричала — извивалась, корчилась, скрипела зубами, но не издавала ни звука, боясь привлечь внимание соседей. Эрбэнус нервничал, напоминая Накамуре обычного мужчину, который готовится стать отцом — суетится, предлагает помощь, заглядывает через плечо.

— Что мне делать, доктор? Я приготовил все, что у вас было при операции Клео Вудворт. Что-то нужно еще? Кровь вендари? Может быть, вколоть ее сейчас? Может...

— Заткнись и не путайся под рукой, — сказал доктор, решив общаться с Эрбэнусом как с обычным взволнованным отцом.

Действовать нужно было быстро. Накамура не знал, права Габриэла или нет, уверяя, что ребенок сохранит человечность, только если не вкусит плоть матери, но судя по тому, что он видел за последние месяцы, смысл в этом был.

— Будет очень больно, — предупредил Накамура Лану.

Девушка посмотрела ему в глаза, но ничего не сказала, не смогла разжать зубы, лишь что-то прохрипела, прорычала, словно животное.

— Держи ее, — велел доктор Эрбэнусу и взялся за скальпель.

Кровь брызнула на стены. Кровь, зараженная вирусом двадцать четвертой хромосомы. Попад Эрбэнусу на лицо, она забрала его силу. Дитя Наследия упал на колени, пытался еще какое-то время держать Лану за плечи, затем повалился на спину, захрипел. Накамура не знал, выживет он или нет, но это сейчас беспокоило его меньше всего. Он спасал другую жизнь... Другие жизни... Почувствовав свободу, Лана начала извиваться в кровати. Накамура не мог оперировать и держать ее одновременно. Пытался, но не мог, снова и снова нанося неверные разрезы, грозящие забрать жизнь роженицы. «Может быть, потеряв много крови, она все-таки ослабнет?» — надеялся доктор, но вместо этого Лана начала извиваться сильнее, свалилась с кровати. Внутренности из вспоротого живота вывалились на пол. Накамура упал вместе с ней, поднялся, надавил коленом на грудь, пытаясь зафиксировать ее в одном положении, вернулся к ребенку, который и сам уже пытался выбраться. Как только его связь с матерью прервалась, Лана Зутерман потеряла сознание.

Накамура уложил ребенка на кровать и вколол Лане приготовленную кровь древнего. Это была первая инъекция. Теперь собрать внутренности, упаковать их на место — по-другому эту процедуру назвать было нельзя. Наложить швы. Установить скобы. Вколоть еще одну порцию крови древнего... Поднимать Лану, чтобы снова уложить на кровать, Накамура не решился, ограничившись лишь тем, что укрыл ее одеялом, и только после этого позволил себе отдышаться, обдумать, что случилось. Ребенок, которому он дал жизнь, лежал на кровати и механически, словно кукла, хватался крошечными пальцами за воздух. Эрбэнус молчал. Смотрел то на ребенка, то на Лану Зутерман и думал о том, что нужно взять у древнего еще крови.

— Куда ты? — спросил Накамура, когда Эрбэнус вышел из комнаты.

— За кровью, — монотонно и устало сказал дитя Наследия.

В комнате, где находился Оллрик, было холодно. Древний лежал, прикованный к железной кровати. Глаза его были открыты.

— Она ведь умрет, — сказал он, когда Эрбэнус вогнал ему в вену иглу и начал высасывать кровь. — Я чувствую, как смерть идет за твоей женщиной.

— Заткнись.

— И за твоим ребенком.

— Я сказал, заткнись! — если бы Эрбэнус не был ослаблен вирусом, то тени, рожденные его гневом, сожрали бы Оллрика. Впрочем, именно этого, казалось, и добивается древний.

Накамура не знал, зачем вошел в эту комнату. Оллрик взглянул на доктора лишь мельком. Эрбэнус вытащил из его вены иглу. Тонкая струйка крови скатилась по бледной коже древнего, упала сквозь прутья железной кровати на пыльный пол. Эрбэнус прошел мимо доктора, сделал Лане еще один укол.

— Проклятое место, вы согласны со мной, доктор? — спросил Оллрик. Накамура не ответил.

— И вы здесь такой же пленник, как и я, — древний повернул голову, глядя доктору в глаза. — Но вам здесь не место. Нам здесь не место... Но знаете что, доктор? Мы не выберемся отсюда. Ни вы, ни я. Женщина, которую вы только что оперировали, умрет, и Эрбэнус убьет вас... Но если вы освободите меня сейчас... Если позволите восстановить силы, пожертвовав часть своей крови, то даю вам слово, что заберу вас с собой...

— И превратишь в слугу? — спросил Накамура.

— В слугу? Нет. Я просто...

— Он просто убьет тебя, а затем разделается со мной, с Ланой и ребенком, — закончил за древнего Эрбэнус, заглядывая в комнату, сжал слабой рукой плечо доктора и сказал, что Лана очнулась.

Накамура осмотрел ее, удивляясь, как вообще после подобного можно еще жить. Да, в глазах Ланы определенно была жизнь. Она смотрела на доктора и окровавленными губами говорила «спасибо».

— Теперь ты сотрешь мне воспоминания и вернешь в Наследие? — спросил Эрбэнуса доктор, начиная задыхаться от металлического запаха крови, которым пропитался, казалось, весь дом.

— Если я этого не сделаю, то выдам себя, — сказал Эрбэнус.

— Тогда давай сбежим вместе. Ты, я, Клео, твой ребенок и твоя женщина... — Накамура посмотрел на Лану, на свежие швы. Кровь еще сочилась из ран. Переживет ли она дальнюю поездку? Сможет ли выкарабкаться без крови древнего? Накамура убедил себя, что да. К тому же можно будет взять с собой немного крови Оллрика... Доктор даже пообещал, что приютит Эрбэнуса и его семью в своем доме... И план был неплох на первый взгляд. Неплох и осуществим. Вот только...

Фонсо. Новый Первенец Габриэлы. Мальчику не было еще и месяца, но выглядел он уже как школьник. Фонсо почувствовал Претендента. Почувствовал ребенка Ланы и Эрбэнуса, который появился на свет.

— Нет! — приказала ему Габриэла, когда он показал ей рождение Претендента. — Ты выше этого!

Фонсо гневно топнул ногой.

— Нет! — Габриэла преградила выход из комнаты.

Мысли Фонсо лились, словно река. Яркие и кристально чистые в своем гневе. Мог ли он их контролировать? Хотел ли он их контролировать? Голубые глаза налились кровью. Фонсо зарычал, и Претендент услышал его, почувствовал. Претендент, у которого еще не было даже имени. Хотя в этот момент каждый в Наследии чувствовал этот гнев, эту ярость Первенца. Чувствовали это и простые люди.

— Вы должны бежать прямо сейчас, — сказал Эрбэнус доктору Накамура, поднял с залитого кровью дивана ребенка. Это было первое и последнее прикосновение отца к сыну. Несколько секунд Эрбэнус смотрел сыну в глаза, затем передал его доктору.

Накамура вышел на улицу. До утра оставалось меньше часа. А что потом? Будет ли солнце так же губительно для младенца, как и для детей Наследия?

— Когда взойдет солнце, укрой ребенка в задней части моей машины, — сказал Эрбэнус. — А я... Я попытаюсь задержать погоню.

Накамура подумал, что было бы неплохо дать ребенку имя, хотел сказать об этом Эрбэнусу, но тот уже ушел. Оставалось бежать, позволить страху проникнуть в сознание и мчаться прочь так, словно по пятам гонится сам ад. Впрочем, Наследие, возможно, было хуже ада. По крайней мере, оно было реальностью, в отличие от всей этой религиозной ерунды, в которую перестаешь верить сразу, как только на небе появляется солнце.

Накамура уложил ребенка на пассажирское сиденье, сел за руль и дал по газам, надеясь, что Клео простит ему это предательство, согласится, что жизнь младенца важнее жизни старого, успевшего пожить взрослого.

— Он убегает! — заверещал Фонсо, почувствовав, как слабеет связь с Претендентом.

Хищник вышел из-под контроля. Габриэла кричала, стояла у него на пути, но мальчик оттолкнул ее, выбежал к воротам. Охранники Наследия, не рискуя остановить его, склонили головы. Фонсо не заметил их, промчался мимо — за ворота комплекса, в крошечный город, в дом, где родился Претендент. Следом за Первенцем стелился по земле шлейф черных голодных теней. Это была река — бурная, горная. Река, проглотившая охранников, имевших глупость не броситься прочь. Река, не знавшая жалости. Эрбэнус не надеялся, что ему удастся уцелеть. Он

лишь верил, что сможет задержать этого маленького монстра. Задержать и спасти своего ребенка, который, возможно, вырастет и станет хуже, чем Фонсо, но...

— Ничего не бойся, — сказал Эрбэнус Лане, вышел из дома и стал ждать свою смерть.

Фонсо прибежал к дому на окраине и завыл, чувствуя, что опоздал. Река теней за его спиной рушила дома, глотала жизни. Потом Фонсо увидел Эрбэнуса — отца Претендента. Заглянуть в его мысли. Узнать его слабости. Две армии теней замерли. Но силы были неравны. Фонсо остановился, уставившись на дом, где родился Претендент, на дом, где все еще теплилась жизнь его матери и... Первенец вздрогнул, впервые почувствовав древнего. Чувства были странными, волнительными.

— Не трогай ее! — крикнул Эрбэнус, переживая за Лану. — Борис со мной!

Фонсо уделил ему лишь пару мгновений — заглянул в мысли, в воспоминания, узнал все что нужно о рождении Претендента, о пленении древнего и отмахнулся, словно Эрбэнус был назойливой мухой. Река теней вспенилась, проглотила армию теней Эрбэнуса, а затем превратила в прах и самого Эрбэнуса. Теперь дом. Мать Претендента. Потратить пару мгновений на ее воспоминания. Узнать о болезни, узнать о резервах. Мозг Ланы Зутерман взорвался, забрызгав потолок лопнувшими глазными яблоками.

— Решил оставить меня на десерт? — спросил Оллрик, когда мальчик вошел в его комнату.

Фонсо молчал, изучая противника. Или же не противника? Пищу? Что-то в этом древнем монстре манило его, притягивало. Лицо Фонсо вспыхнуло метаморфозами. Тонкие зубы-иглы пронзили шею вендари. Кровь заполнила рот, принося знания, утоляя голод и... Фонсо не отрывался от древнего сосуда с кровью, пока не осушил его весь. Дети Наследия стягивались к дому на окраине поселения, чтобы поклониться Первенцу. Но разве одним из этих детей не был когда-то Эрбэнус — враг? Фонсо вышел из дома, смотрел какое-то время на преклонивших колени детей Наследия, затем обрушил на них свою армию голодных теней.

— Больше ни одного претендента, — прошептал новый Первенец.

Кровь древнего пьянила, умножала силы, побуждая чувствовать себя богом. Это был уже не хищник, пугливо поджимавший хвост при виде кнута. Фонсо стал маленьким демоном смерти, который направляет своих сотканых из темноты слуг искать детей Наследия, забирая их жизни... И маленький демон не собирался больше никому подчиняться...

Когда он вернулся к Габриэле, небо прорезали первые лучи рассвета. Хищник вернулся к дрессировщику. Но не было больше кнута, способного подчинить этого маленького демона....

— Мать Наследия! — Фонсо смотрел на старую женщину. — Почему они поклонялись тебе? Ты ведь простой человек.

Он заглянул в ее мысли. Нет, в ней не было и доли любви, которую Фонсо видел в голове Ланы Зутерман. Любви к своему сыну. Если Габриэла кого-то и любила, то этот ребенок давно состарился и превратился в прах — истинный Первенец, Эмилиан. Как часто она ходила на его могилу! Как часто приводила туда Фонсо, заставляя уважать, преклонять колени. Но никакой любви. Ничего и близко похожего на чувства Ланы Зутерман. Фонсо хотел убить Габриэлу, но воспоминания древнего, Оллрика, почерпнутые вместе с его выпитой кровью, показывали, что иногда жизнь может причинять больше страданий, чем смерть. А Фонсо хотел, чтобы Габриэла страдала. Страдала за то, что никогда не любила его. Страдала, видя, что весь ее мир превратился в прах.

— Я найду каждого из Наследия и уничтожу, — пообещал Фонсо Габриэле перед тем как уйти. — Можешь помолиться Эмилиану. Хотя ему плевать. Он уже давно превратился в пепел.

Фонсо забрался Габриэле в голову и показал, как умирает каждый из детей Наследия. Старуха дрожала, но слез не было.

— Ты такая же холодная и безразличная, как каменная статуя на могиле Эмилиана, — сказал Фонсо, покинув ее.

Он все еще чувствовал Претендента, все еще хотел броситься за ним в погоню, но в Наследии оставалось одно дело. Еще одна жизнь.

— Мать? — позвал маленький демон смерти, проходя в комнату Клео Вудворт. — Покажи мне свои чувства, Мать!

Глава шестая

Старая лодка пошла ко дну раньше, чем Скендер успел добраться до берега, но аллигаторы пугали его меньше, чем то, что он увидел на болотах Мончак, в крошечном мире Моука Анакони. Зло. Чистое, концентрированное зло. Страх придавал сил, и Скендер плыл, барахтался, путаясь в водорослях, но не мог остановиться. Не чувствовал он и усталости. Плыл, пока не выбрался на деревянный причал. Затем бежал. Прочь, подальше от этого проклятого места. А когда ноги подогнулись, то Скендер пополз. Харкая кровью и читая сбивчивые молитвы... Таким его и привезли в неотложку Нового Орлеана. Накололи транквилизаторами, поставили капельницу, чтобы оживить обессиленный организм, и приставили санитаров...

Скендер очнулся днем. Долго лежал, глядя за окно, где раскаленное солнце щедро поливало землю своими лучами. Они согревали мир и прогоняли ужас. Дикий, первозданный ужас, заставивший Скендера бежать с болот Мончак. Теперь нужно было собраться и вспомнить, кто он такой. Вспомнить для себя. Вспомнить для врачей, которые не знали имени пациента, потому что не нашли при нем документов. Скендер назвал им адрес ближайших родственников, хотя и сам не особенно верил, что эта информация подтвердится. Ему стерли воспоминания, внушили новые и отправили в преисподнюю. Кто знает, что из его воспоминаний ложь, а что правда? Он помнил смерть родителей, помнил сестру по имени Анна. Помнил их дом недалеко от Нового Орлеана, где Анна жила с мужем и парой таких же золотоволосых, как Скендер, ребятешек. Но кто сказал, что все это окажется правдой? Скендер подумывал сбежать, пока врачи не выяснили правды о его личности. Кто знает, кем он окажется в действительности? Но правда оказалась не такой ужасной, как успел вообразить себе Скендер. У правды оказалось тревожное лицо старшей сестры и ее мужа, ожидавшего их в машине.

— Во что ты вляпался на этот раз? — ругалась Анна, подписывая счета за лечение брата.

Скендер надеялся отмолчаться. Нельзя рассказывать матери двоих детей, человеку, который живет самой обыкновенной жизнью, о том, что случилось с ним на болотах Мончак.

— Мы отправились на экскурсию, и я потерялся, — соврал Скендер.

Анна смерила его гневным взглядом и покачала головой — заботливая старшая сестра, переставшая быть сестрой сразу, как только они покинули больницу.

— Ну и что с тобой случилось на самом деле? — спросила она в машине. — Только не говори, что струсил и сбежал. Нам столько трудов стоило внедрить тебя на болота к Моуку Анакони...

— Моук Анакони мертв, — сказал Скендер, понимая, что воспоминания о сестре оказались такой же подделкой, как и все остальное. Анна была охотником. Еще одним странным, стертым из головы воспоминанием.

— И кто его убил? — спросила Анна.

— Скорее, что... — Скендер не знал, как рассказать о том, что увидел. Больше, он чувствовал, что не должен рассказывать об этом. Только не Анне. — Кто-то стер мне воспоминания... — Скендер замолчал, понимая, что не должен говорить и об этом. Да он бы и не сказал, если Ясмин не сломала в его голове некоторые блоки. Эта странная Ясмин. Принцесса Нового Мира.

— Говорят, болота кишат кровососами? — спросила Анна, приглядываясь к Скендеру.

— И не только кровососами, — Скендер передернул плечами, вспоминая древних, Ясмин, вудуистическую паству Анакони. Вот только... Опять же об этом было запрещено говорить. Скендер чувствовал этот запрет. Он должен был собрать информацию, вернуться к Анне, и уже ей предстояло переправить его к месту встречи... Встречи с кем? Скендер вдруг подумал, что, возможно, недавнее бегство было продиктовано не страхом, а заданной установкой покинуть болота и сообщить о том, что там происходит. И катализатором стала Ясмин. — Ты... — Скендер тщетно пытался заглянуть Анне в глаза. — Ты должна была отвести меня куда-то, верно?

— Верно, — сказала она, поджала губы. — Тебе правда стирали воспоминания?

— Немного.

— Кровососы?

— Да, — соврал Скендер.

— Это отвратительно... Думаешь, ты теперь опасен для нас?

— Откуда мне знать.

— Тогда откуда мне знать, что я должна вести тебя на место встречи?

— Я не знаю. У тебя нет никаких указаний на этот случай?

Анна не ответила, и Скендер решил, что будет лучше молчать.

Его привезли в загородный дом, хозяевами которого были Рон и Ора Нойман. Старики знали Скендера, но он, как ни пытался, так и не смог их вспомнить.

— Да что с тобой не так, черт возьми? — разозлилась Анна, запирая Скендера в комнате без окон. — Это для твоего же блага.

Он не возражал. Где-то на улице звенели детские голоса. Скендер знал, что это неплохое место, знал, что здесь ему ничто не грозит. Вот только вспомнить ничего не мог. Кем были для него старики Нойман? Почему здесь живут все эти дети? Чьи они? Анны? Других охотников? Скендер вспомнил Ясмин, вспомнил ее слова о блоках в его голове. Она не была кровососом. Но в ней была скрытая сила. Странно... Весь этот микромир на болотах был странным и противоестественным. Сложный и многогранный мир. И пусть Скендер не помнил себя прошлого, но что-то ему подсказывало — Анна и многие другие охотники знают лишь крупицу правды о болотах Мончак. Словно подтверждая эту догадку (или знание, внушенное кем-то?), старик Рон Нойман пришел навестить гостя. Он сел на жесткий стул и, не поднимая глаз, спросил о кровососах.

— Анна говорит, кто-то из них покопался в твоих воспоминаниях? — Рон смотрел себе под ноги. — Думаешь, они могли что-то внушить тебе? Могли сделать так, чтобы ты причинил нам вред?

— Нет, — сказал Скендер то, что хотел услышать от него старик. Сказал решительно, твердо.

— Но они кусали тебя?

— Да.

— Меня эти твари никогда не кусали, — задумчиво протянул Рон.

— Это не так страшно, как кажется, — сказал Скендер, вспоминая проведенные с Гедре ночи.

— Не так страшно? — опешил старик и впервые встретился с молодым другом взглядом.

Скендер заметил в его глазах страх — дикий, животный, инстинктивный. Страх, который казался естественным, вот только... «Почему же этого страха нет у меня?» — подумал Скендер. Почему когда Гедре пила его кровь, он был уверен, что не умрет? Почему кровосос позднее познакомила его с дочерью Моука Анакони, решив уступить принцессе свой миловидный голубоглазый сосуд с кровью?

— Я видел, как умер Моук Анакони, — сказал Скендер, вспоминая короля вуду, пытавшегося выбраться из дома, где разверзся сам ад, проглотив всех, кроме Ясмин. Вот только рассказывать об этом было нельзя. Скендер хотел бы рассказать, да язык отказывался подчиняться ему. Ни слова о Ясмин. Ни слова о слугах, которых охотники называют кровососами, не подозревая о том, что у этих тварей есть хозяева — древние и жуткие монстры, похожие на людей, но вот их взгляд...

Скендер видел лишь троих. Аламеа называла их вендари и сама честно говорила своему новому любовнику, что у нее мурашки бегут по коже от этих тварей. Кажется, это именно они привели с собой те странные тени, заполонившие болота Мончак. Хотя тогда это казалось частью антуража Анакони. Как костры и экстатические пляски чернокожей паствы вуду, большинству из которых семья Анакони доплачивала за хорошую игру и притворство.

— Тебе мне тоже придется доплачивать? — спросила как-то раз Аламеа.

— Нет, — заверил ее Скендер.

Последнее было правдой, потому что он действительно хотел эту девушку. Она сводила его с ума. Ее запах, взгляд, тело... И снова Скендер вспомнил Ясмин. Да, кажется, девочка была права, и все в его голове было подделкой... Хотя Аламеа была и не самым плохим из того, что случилось на болотах Мончак. Молодая пантера. Гибкая, порочная... Скендер заставил себя не думать, не вспоминать. «Все это не принадлежит мне. Все это кто-то просто вложил в мое сознание. В том числе страсть», — говорил он себе, силясь сосредоточиться на старике Роне, который выглядел обеспокоенным родителем, нашедшим у несовершеннолетнего сына пакет с травкой. Вот только беда была в том, что травку эту не выкинуть. Она в голове.

— Ты знаешь, кто отправил меня на болота? — спросил Скендер встревоженного старика.

Рон Нойман покачал головой, впрочем, Скендер и так знал, каким будет ответ.

— Анна переживает за тебя, — сказал старик перед тем, как уйти.

Скендер слышал, как щелкнул засов. Кажется, на болотах Мончак ему доверяли больше, чем здесь. Но обиды не было. Не было и тревоги. Скендер чувствовал, что все хорошо, что все так и должно быть. Теперь выключить свет. Лечь на кровать. Закрывать глаза и ждать. Снов нет, лишь обрывки воспоминаний, которые можно наблюдать со стороны и сомневаться в их реальности. И воспоминания становятся странной, нереальной пьесой, поставленной актерами, загримированными как реальные персонажи на сцене самого большого кабаре Моука Анакони. И можно лишь сидеть в зале да наблюдать за этой бездарной игрой, где все отвратительно и фальшиво, даже грим.

— Знаешь, — говорит Аламеа, потягивая из бокала не то кровь, не то вино, — а ведь в соседнем кабаре показывают твое прошлое, — она улыбається, — твое настоящее прошлое.

Скендер выскакивает на улицу. Тени сгущаются. Костры горят, вокруг них пляшут вудуистические паствы — полуобнаженные, разукрашенные. Старые слуги пьют кровь местных шлюх. Их хозяева, вендари,

стоят в стороне и потягивают с видом гурманов донорскую кровь из медицинских пакетов. Возле нужного кабаре длинная очередь. Все хотят войти. Все хотят увидеть прошлое Скендера. Над входом висит большой плакат с изображением главных героев предстоящего действия.

— Это я, — говорит Скендер зрителям, надеясь, что его пропустят без очереди. — Я главный герой.

Люди смотрят на него и не видят сходства, смеются, гонят прочь. Остается лишь прыгать, пытаюсь разглядеть в открытые двери сцену, где уже собрались герои. И свет от прожекторов слепит глаза...

Анна разбудила Скендера и сказала, что им пора уезжать. Он спешно поднялся с кровати, все еще чувствуя, как сон цепляется за веки.

— Куда мы едем? — спросил Скендер, забираясь в старую, пыльную машину.

— Ты мне не доверяешь? — Анна смерила его внимательным взглядом, включила зажигание и лихо сорвалась с места, не дожидаясь ответа.

Скендер смотрел, как удаляется большой загородный дом Нойманов. Машина мчалась в ночь, в неизвестность.

— Ты все еще думаешь о ней? — спросила Анна, когда они выехали на шоссе.

— Думаю о ком? — растерялся Скендер, вспомнил дочь Моука Анакони, но Анна назвала имя другой женщины. Незнакомое имя.

— Я не помню о ней, — честно сказал Скендер.

— Это хорошо, — кивнула Анна.

— В смысле — я вообще не помню о ней. Это просто имя... Просто... — Скендер замолчал, чувствуя, как напряглась Анна. Происходящее пугало и раздражало ее одновременно.

Какое-то время они ехали молча.

— У нас с тобой что-то было раньше? — решил спросить Скендер. — До болот Мончак?

— Что? — растерялась Анна.

— Я думал... Ты спрашивала о той женщине...

— Я спрашивала о кровососе, которому ты отрубил голову. О твоём первом кровососе... — Анна выругалась сквозь зубы. — И если бы у нас что-то было, то я бы никогда не отпустила тебя на болота Мончак...

Скендер извинился. Ближе к рассвету они остановились в дешевом отеле. Номер был уже оплачен.

— Жди здесь, — сказала Анна и уехала.

Ни денег, ни воспоминаний, ни восприятия реальности. Все смазано, разбито, раздроблено на обрывки, словно сон во сне. Скендер лег на пропахшую хлоркой кровать. Жирный таракан пробежал по подушке, остановился, заглядывая в голубые глаза светловолосого великана, пошевелил длинными усами и побежал дальше. За тонкой стенкой, в

соседнем номере, загудел пылесос. Было слышно, как за окном урчит тягач, выруливая со стоянки. Кто-то постучал в дверь.

— Открыто, — крикнул Скендер.

Вошла горничная и предложила обратиться в номере. Он пожал плечами. Женщина прошла по комнате, заглянула в ванную и поменяла полотенца. Ей было лет сорок, может, чуть больше — ничего из прошлого, ничего из настоящего, просто случайный персонаж на сцене жизни. Скендер закрыл глаза и попытался уснуть раньше, чем она ушла. Хлопнула дверь. Отель просыпался. Далекие голоса доносили обрывки непонятных фраз. Женщины, мужчины, дети... Ближе к обеду Скендер вышел из номера. Желудок урчал, но денег на еду не было. Он просто сидел на деревянных ступенях своего номера и смотрел, как мимо ходят люди. «Может быть, один из них сейчас подойдет и объяснит, что происходит?» — думал он, но все настырно проходили мимо, лишь иногда встречаясь с ним взглядом. Потом наступил вечер. Вернуться в номер, снова попытаться уснуть. Кровавый закат лился сквозь грязное окно, оттеняя белые простыни багровым румянцем. Чувство голода притупилось, стало едва уловимым зудом в центре живота. Сумерки. Мысли о болотах Мончак. Ночь. Стук в дверь.

— Открыто!

Скрип петель... За последние месяцы Скендер видел достаточно кровососов, чтобы сомневаться в своем госте. Вернее, гостях.

Дивья и Чандр. Старые. Почти безумные и почти мертвые слуги, если бы их не нашли век назад Нун и Амунет. Нашли в Центральной Азии, где безумный слуга Вайореля по имени Вимал тщетно пытался создать собственных слуг, питая их кровью своего хозяина. Тот самый Вимал, что некогда хотел поставить себя выше бога. Хотя в богов он и не верил. Верил в боль. Верил в страх. Верил в силу. Но не в богов. Он встретил брата и сестру по дороге в монастырь, когда выслеживал в Тибете по поручению Вайореля старого, выжившего из ума вендари. Паломники были молоды и невинны. Именно эта невинность и привлекла Вимала. Холдор хвастался своей выходкой в Лондоне, когда внедрил в закрытую организацию слуг, устроив кровавый пир на улицах старого города. Теперь Вимал хотел отыграться, перенять инициативу. Выходка Холдора, история «Убийцы из Уайтчепела», стала известна британской королеве и обещала стать легендой Лондона. Чтобы переплюнуть подобное, нужно было предпринять что-то поистине беспрецедентное.

Мысли об этом не давали Вималу покоя долгие годы, сжигали изнутри. В качестве сцены своего предстоящего кровавого представления он рассматривал сначала Лувр, затем венский сецессион, где планировал заставить художников нарисовать десятки картин своей кровью и внутренностями. План был почти готов, Вимал уже наметил крупных

издателей, способных осветить его выходку в прессе, когда Вайорель направил своего слугу в город Лхасу...

Наблюдать за вендари по имени Гампо было скучно, да и не спешил этот древний вырождаться и превращаться в безумца, хотя первые признаки и были. Задание оказалось каторгой. Вимал занимал себя тем, что время от времени осушал служителей монастыря Джоканг. «Но на монахах славу не сыскать», — сокрушался Вимал. Желая ускорить процесс вырождения Гампо, он лично выследил и убил его старых слуг. Правда, у древнего почти сразу появились слуги новые, предоставленные закрытой школой. Вималу так и не удалось вычислить, где она находится. Монахи этой школы считали Гампо не то древним богом, не то неизбежным злом, с которым нужно смириться. Их смирение и принятие судьбы раздражали Вимала так сильно, что ему противно было убивать их. Словно они были заражены каким-то мерзким религиозным вирусом, забиравшим у старого слуги все силы. И выпитая кровь не приносила удовлетворения.

— Чертовы фанатики! — ворчал Вимал, чувствуя, что сил нет даже для того, чтобы как следует разозлиться. — А как жить без гнева?! — негодовал он, стремясь вернуться в европейскую цивилизацию, где гнева хватало с лихвой....

Когда Вимал встретил молодых паломников по имени Дивья и Чандр, он как раз собирался вернуться к своему хозяину и заверить его, что вендари из Лхаса в ближайшие десятилетия не собираются выживать из ума, уничтожая город. «Хватит с Гампо и монахов», — думал Вимал, присматриваясь к брату и сестре, следовавшим в Джоканг. Старый садист изучал их мысли, упиваясь невинностью, и уже смаковал в воображении то, что сделает с ними. Он хотел не просто убить. Он хотел испытать их веру, проверить преданность друг другу. Как далеко сможет зайти брат, чтобы спасти сестру? Как далеко пойдет сестра, чтобы спасти брата? Сколько боли и страданий смогут вынести их тела, прежде чем дрогнет их вера? И спешить было некуда. Жертвы и предвкушение новой забавы захватили Вимала. Он хотел изучить их души, изучить их плоть. Познать все без остатка, а затем утопить в боли и отчаянии... Старый, выживающий из ума садист, бешеный цепной пес, которому жить оставалось не так много, как он думал. Настанет день, и сверхчеловек по имени Эндрю Мэтокс заберет его жизнь, отомстив за убийство своей возлюбленной. Заберет жизнь всех безумных слуг Вайореля — вынесет их на солнце и будет смотреть, как рассвет пожирает древнее зло. Это случится совсем скоро по меркам вендари, не так долго по меркам древних слуг, но для человека, человечества расплата заставит себя ждать еще не одно поколение.

В тот день, наблюдая за невинными братом и сестрой, Вимал не мог знать, что они переживут его. В тот день, в тот момент он вообще не думал, что они встретят следующий рассвет. Дьявол явится из преис-

подней, сотрет в прах их веру, выпьет их кровь и проглотит их души. «Или же дьявол превратит их в своих слуг?» — эта мысль появилась у Вимала, когда, позабавившись над жертвами, являя им чудовищные метаморфозы, уродовавшие его лицо, он думал о том, кого из них изнасиловать первым, заставив второго смотреть. Эта забава была не новой, но о слугах старый садист подумал впервые. Подумал, как Дивья предлагает себя взамен брата, а Чандр себя взамен сестры.

— Отпусти его, и я сделаю все, что ты захочешь, — сказала невинная девушка.

— Все, что захочу? — Вимал задумался. Нет, он не думал о плоти. Его волновала душа. Бессмертная и чистая душа этой девушки. Какой смысл причинять ей боль, превращая в святую мученицу, если можно поселить мрак в ее сердце? Темный, непроглядный ужас. — Я вижу, что ты готова пожертвовать собой ради брата. Но готова ли ты забрать жизнь другого человека, чтобы спасти того, кто дорог тебе? — Вимал не знал, похож ли на змея-искусителя, но представлять себя в этой роли ему определенно нравилось.

Заметив замешательство Дивьи, Вимал снова выпустил свои иглы-зубы и шагнул к ее брату.

— Тогда смотри, как умирает близкий тебе человек, — сказал он, притворяясь, что собирается разорвать Чандру горло.

— Стой! — крикнула Дивья, и крупные слезы покатались по ее щекам. Вимал замер, но зубы-иглы не убрал. — Что... Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила девушка.

— Нет! — крикнул ее брат.

Губы Вимала растянулись в улыбке. «Ох уж эти чистые и невинные дети солнца! Они готовы стать мучениками, готовы пожертвовать собой, но не могут допустить, чтобы страдал близкий им человек!» Что-то в этом подходе показалось Вималу порочным. Словно мазохизм или самобичевание. Или... Подчинение? Поклонение? Раболепие? Вимал блокировал мысли Чандра и позволил себе по-новому изучить его сестру. Изучить ее чувства и мысли. Изучить, как хозяин изучает слугу, как некогда Вайорель изучал его самого. Вот только Вимал уже в те дни не был чист и невинен в отличие от Дивьи. Его хозяину не нужно было очернять душу нового слуги, не нужно было выжигать в ней свет.

— Пойдем, я покажу тебе, что нужно сделать для спасения, — позвал Вимал свою новую игрушку, велел ее брату ждать их, не двигаясь с места, даже если ждать придется всю свою жизнь. Последнее сделать с невинным сознанием было просто. Оно не сопротивлялось, не выносило давления, а стоило лишь показать образ страдающей сестры, и воля тут же сдавалась, готовая исполнить любую прихоть. — О нет, твоей душой я займусь немного позднее, — пообещал Чандру Вимал.

Он вывел Дивью из монастыря на темные улица Лхасы. Полная желтая луна отъедала у ночи окружившие город горы. Круговая улица Баркхор была немногочисленна.

— Что мы делаем? — спросила Дивья, осторожно следуя рядом с мучителем.

— Совершаем ритуальный обход, — сказал Вимал. — Ты ведь ради этого пришла сюда со своим братом?

— Да, но...

— Никаких «но»... — Вимал прижал указательный палец к губам Дивьи.

Проходя мимо домов знати, старый слуга отметил группу голодных паломников, которые просили у охраны дома немного еды.

— Пообещай им пищу и кров, — велел он новой игрушке.

Девушка недоверчиво заглянула ему в глаза. Вимал не собирался ничего скрывать от нее. Кровь. Смерть.

— В эту ночь смерть уже решила забрать чьи-то жизни. Вот только не определила, чьи... И знаешь, в чем коварство, моя девочка? Решать, кто умрет, придется тебе.

— Я.. я не... не смогу... — последнее слово Дивья произнесла одними губами, потому что Вимал уже забрался в ее голову и показывал сцены мучительной смерти Чандра, смерти брата, жизнь которого значила для сестры больше, чем жизнь собственная... Но вот жизни других...

— Просто пообещай паломникам пищу и кров, — искушал Вимал. — Это ведь не убийство. В конце концов, я могу сделать это сам, и эти люди все равно умрут... Неужели жизнь Чандра не стоит пары слов?

Дивья еще сомневалась, но ноги уже несли ее вперед, а уста рождали слова, обращенные к паломникам. Голодным и оттого еще более доверчивым. Им хватило лишь одного взгляда на раздетого Вимала, чтобы поверить Дивье — да, она такая же, как и они, но каким-то чудесным образом, благодаря щедрому жесту богов, ей удалось повстречать доброго господина. Видел Вимал в их мыслях и менее благочестивые помыслы, но последние были блеклыми, выдавая усталость, но не сомнения в выбранном пути блаженства.

— Еда и кров, — сказал Вимал, решив подыграть паломникам.

Он отвел их в здание «Тромциканг», где убедил старика-привратника пустить их внутрь и кланяться, словно перед ним действительно был хозяин одного из помещений этого длинного исторического памятника, служившего некогда дворцом шестому Далай-Ламе. Последнего Вимал знал лично, вот только на планете давно уже не осталось в живых тех, кто мог подтвердить это.

— Здесь мы заберем их жизни, — сказал Вимал своей будущей слуге.

Дивья вздрогнула. Вздрогнули и паломники — три мужчины и две женщины, — но воля принимать решения была оставлена лишь Дивье. Остальных Вимал парализовал, заставил опуститься на колени и, запрокинув головы, устремляя взгляд к невысоким потолкам, ждать, застыв, словно увидели бога.

— Осталось сделать еще один шаг, — сказал Вимал, вкладывая в ослабевшую руку Дивьи ритуальный кинжал, рукоять которого была увенчана лошадиной головой местного божества.

— Нет, я не могу, — прошептала Дивья, боясь смотреть на паломников. Их запрокинутые головы обнажали шеи, где пульсировали набухшие яремные вены.

— Всего один удар, — искушал девушку Вимал. — Всего одна жизнь, и я позволю уйти остальным, пощажу тебя и твоего брата. Но если ты откажешься, то умрут все. Умрет твой брат. И не надейся, что твоя жизнь оборвется первой. Ты будешь смотреть. Ты будешь страдать... — Вимал крикнул, потому что Дивья вогнала ему в грудь трехгранное острие кинжала.

Тонкая струйка крови сбежала по рукояти и, извиваясь, поползла по запястью девушки. Дивья разжала пальцы, отпуская рукоять, и отступила назад. Вимал улыбался. Вытащив из груди кинжал, он бросил его к ногам несостоявшейся убийцы. Сталь звякнула о каменный пол. Дивья вздрогнула. Вимал достал припасенную на черный день крошечную пробирку с кровью Вайореля и поманил дрожащую девушку к себе.

— Только что ты лишилась своей невинности, совершив убийство, — прошептал он. — Ты убила меня. Теперь твоя душа темна, как ночь.

— Нет, — давясь слезами, Дивья покачала головой.

— Жизнь есть жизнь, — шептал Вимал.

— Но ты не умер!

— Ты желала моей смерти. Твоя рука пробила кинжалом мою грудь. Твое сердце не дрогнуло в тот момент... И теперь в твоём сердце больше нет света... — Вимал открыл пробирку с кровью Вайореля. — Теперь в твоём сердце только тьма... — Он заставил Дивью поднять голову и открыть рот. — Теперь ты принадлежишь тьме. — Кровь из пробирки вытекла, заполнила Дивье рот. — Глотай, — приказал Вимал.

Дивья сопротивлялась, но кровь древнего уже проникала в организм, пьянила лучше самого крепкого вина. Девушка плотно сомкнула губы и заглянула мутным взглядом в глаза Вималу.

— Глотай, — повторил он, и на этот раз Дивья подчинилась. — Вот и умница, — расплылся в улыбке чеширского кота старый безумный слуга. — Теперь подними кинжал и сделай то, что я хочу. Сделай то, что должна сделать. Еще один шаг. Еще одна смерть ради жизни...

Когда они покинули «Тромциканг», на руках Дивьи была кровь пяти паломников. Принятая кровь вендари прогоняла сомнения, тревоги.

— Скажи мне, кто твой господин? — снова и снова спрашивал Вимал.

— Ты, — снова и снова отвечала Дивья, позволяя ему упиваться своей изощренностью.

Но где был один слуга, там мог появиться и второй — Вимал не мог отказать себе в том, чтобы подчинить и волю Чандра. Брат и сестра. Святые, которые стали грешниками во славу его имени. «Ну, кто теперь король розыгрыша? — думал Вимал, представляя, как расскажет о своей выходке Холдору и Пачджо — друзьям по безумию... Вот только хозяин из старого слуги вышел неважный. Да и не нужны ему были новые слуги. Верные псы, готовые веселить по приказу гостей, — да, но слуги... Он слишком долго был слугой сам, чтобы не испытывать ненависть и презрение к тем, кто служит ему. Он не мог править ими, он мог лишь издеваться над ними. Поил кровью древнего и заставлял тонуть в крови и пороке на забаву себе и своим друзьям.

Когда приехали Холдор и Пачджо, Вимал заставил своих слуг называть его Вайорелем, а сам притворно кривлялся, бренча на старом пианино, пародируя древнего. Он лишил невинности их души и обагрил содомскими грехами их тела. Они убивали монахов, чтобы позабавить Вимала и его друзей, ползали на коленях, слизывая с пола пролитую кровь, а потом отдавались друг другу и безумным слугам Вайореля, пока не надоели им, пока старые истинные слуги не пресытились слугами фиктивными. Потом Вимал, Холдор и Пачджо покинули Тибет, бросив брата и сестру. Поезд уносил безумных слуг Вайореля, а Чандр и Дивья шли по железнодорожным путям и рыдали, как дети, которых бросили родители... Потерянные, отчаявшиеся, заблудшие в дебрях своего изрезанного в клочья восприятия — такими нашли их Нун и Амунет.

Древние слуги египетского бога Птаха напоили брата и сестру кровью вендари и указали новый путь. Нет, Чандр и Дивья не могли все исправить, не могли смыть со своих рук кровь, с тел бесчестье, а с душ тьму, но старая пара из Египта дала им потерянный смысл, согласилась стать их наставниками. Тем более что после выходки Холдора в Лондоне слуг, преданных организации охотников, осталось не так много, да и те ограничивались в основном лишь поставками для Нун и Амунет крови своих хозяев, древних, не желая принимать участие в охоте на безумных слуг. Так что встречаться с охотниками долго приходилось лично. Встречаться с людьми. Конечно, можно было всегда стереть охотникам воспоминания о встрече, но пара из Египта срочно искала себе пособников. Поэтому они и приютили Чандра и Дивью, дали им кров, пищу, кровь древних и новые цели. Теперь за большинство связей с охотниками-людьми отвечали брат и сестра. Они же впоследствии на-

шли и Гедре — старую слугу, которая, после того как Наследие убило ее хозяина, мечтала лишь о смерти. Ни смысла, ни желания жить.

— Все это неправильно, — сказала она, встретившись позднее с Нун и Амунет. — Весь этот мир неправилен.

— Хочешь умереть — умри на болотах Мончак, — сказала ей пара из Египта. Сказала грубо, резко, но именно подобного обращения и хотела от них Гедре. Доверяли ли они ей? Нет. Но отчаянное время требовало отчаянных мер.

Долгие века, тысячелетия Нун и Амунет наблюдали за вендари, подчищали за ними, ликвидировали свихнувшихся и просто старых слуг, не позволяя им набраться сил. Узнав о древнем по имени Вайорель, который проводил чистки среди сородичей, они долго приглядывались к нему, взвешивали его поступки, надеясь в будущем найти в нем союзника. Поэтому не трогали они его безумных слуг — Вимала, Холдора, Пачджо. Древние и мудрые. Нун и Амунет держали вдали от дел Вайореля своих союзников, охраняя его почти так же, как охраняли Птаха — своего первого хозяина, свою слабость. Правда, Птах давно уже сменил имя.

Когда пара из Египта только встретила Дивью и Чандра, то, чтобы завоевать их доверие, они показали им свою собственную историю. Историю своего хозяина, бога, друга. Историю своего предательства. Брат и сестра из Тибета изучали эти воспоминания самых древних слуг на земле долго, тщательно, бережно, словно это было самым важным откровением в их жизни. Хотя, возможно, так оно и было — невинные и чистые души спустились в ад, и, вернувшись, обрели свой свет, которым стали для них Нун и Амунет. Свет, превратившийся в спасительный маяк. И впервые за последние столетия пара из Египта нашла тех, кому могла доверять. Доверять всецело, если не считать истории Вайореля. Истории скрытой, завуалированной, чтобы не бередить старые раны брата и сестры, которых безумные слуги этого древнего превратили в дрессированных псов, а затем выбросили на улицу. Но скрывать пришлось недолго. Появился Эмилиан и уничтожил Вайореля, а заодно и его свихнувшихся слуг, оказав тем самым услугу сверхчеловеку по имени Эндрю Мэтокс. Потом Эмилиан вернулся к создавшей его женщине-генетику и организовал Наследие. И мир завертелся. Настали отчаянные времена. Жизнь преподносила сюрприз за сюрпризом. Дикая поросль, война вендари и Наследия, сверхлюди, вирус двадцать четвертой хромосомы...

И вот когда казалось, что хуже и быть не может, появились дети. Дети самого древнего вида и самого молодого на этой планете. Нун и Амунет приняли решение мгновенно — хватит с них перемен. Правда, прожитые тысячелетия научили, что если и вмешиваться в планы природы, то делать это нужно грамотно, выверенно, не нарушая установленный баланс. Наследие размножается клонированием. Кто знает, что ждет этот мир, если

оно найдет способ естественного размножения? А вендари? Птах показывал прошлое древних. Показывал войну самцов этого вида с кровожадными, ненасытными самками. Это был ад... И ад повторится, если на свет появится самка вендари... Так что нет сомнений, что делать. Природу нужно лечить. Вот только... операция должна быть комплексной. Нельзя удалить одну опухоль и оставить другую. Потому что пока существует баланс, они локализуют друг друга, сдерживают, но как только баланс нарушится...

Так что Нун и Амунет затаились, выжидая момент, когда одним ударом можно будет отсечь две опухоли сразу. Не раньше. Поэтому они и связались с Лорой Оливер, следившей за Сашей Вайнер, не подозревая о буйстве природы, и велели ей предупредить кровососов, с которыми находилась Ясмин. Предупредить о Наследии. Внедренный в «Зеленый мир» охотник едва не расстался с жизнью, передавая паре из Египта информацию о том, что Наследие вышло на след ребенка вендари.

О том, что вместе с Ясмин они спасают и своего бывшего хозяина — Птаха, древнего, носившего теперь имя Клодиу, — Нун и Амунет старались не думать. Если бы у них была возможность одновременно с убийством ребенка вендари уничтожить и женщину, вынашивавшую ребенка Илира, то решение было бы другим. Но возможности не было. Даже если собрать всех охотников, верных слуг древних, и, возглавив эту армию лично, повести ее на штурм Наследия, шанс на успех был ничтожно мал. Так что оставалось спасать Ясмин, а заодно и Клодиу. Нун связался с Лорой Оливер лично и отдал приказ. Это был риск выдать себя, оставить след. Но риск казался оправданным, потому что времени вызывать Чандра и Дивью уже не было. Знал ли Нун, что Лора Оливер пренебрегла приказом? Нет. Знал ли, что вместо того, чтобы спасти Ясмин и продолжать слежку за Сашей Вайнер и Клодиу, она отправилась в Балтимор следить за своими руководителями? Нет. Да и не было времени, чтобы думать об этом. Не было причин, потому что Ясмин спаслась. Спаслась благодаря своему ребенку, но пара из Египта списала это на предупреждение Лоры Оливер. Может быть, позднее, когда все закончится, древние египтяне встретятся с Лорой и сотрут воспоминания о своем приказе — так думали они... Думали в то время, как Лора Оливер выследила их, связалась с другими, верными ей, охотниками и сообщила, что во главе организации охотников за кровососами стоят кровососы... И весь этот древний клубок начал распутываться...

Когда внедренный благодаря Гедре охотник по имени Скендер сбежал с болот Мончак, другие охотники организовали за ним слежку. Знали ли они, на чьей он стороне? Нет. Но он не скрывал, что многого не помнит, а этого во время «охоты на ведьм» достаточно, чтобы вынести приговор. За ним следил охотник по имени Прек — старый добрый друг Лоры Оливер, которая и начала первой мутить всю эту застоявшуюся воду. Но

ехать в Луизиану к Скендеру она отказалась, предпочтя продолжить наблюдение за Нун и Амунет. Отказалась, потому что Скендер находился в доме Рона и Оры Нойман — месте, где росла ее дочь. А встречаться с дочерью она была не готова. Не сейчас. Нет. Сначала она должна разобраться с тем, что происходит, а потом... Потом, возможно, она попытается вернуть Ричардса, вернуть себе мужа, а своей дочери отца, вырвав его из объятий внушенных Клодиу чувств к Джатте Ахенбах...

Слежка держалась в строжайшей тайне. Никто не знал, кому можно доверять, а кому нет. Никто не знал, кто убивает кровососов, а кто им служит. И уж конечно никто из охотников не знал о Наследии, вендари, сверхлюдях, детях нового вида... Скендер не в счет. Он перестал быть охотником в тот день, когда согласился отправиться на болота Мончак, позволив стереть себе часть личности. Так что теперь он считался врагом. А вся эта конспирация, устроенная древними слугами... Прек не выходил на связь с Нойманами, не выходил на связь с Анной. Он следил, не доверяя никому, кто вступал в контакт с вернувшимся с болот бывшим охотником. Решение было верным, потому что в головах стариков Нойман, Анны стояли такие же блоки и предустановки, как и в голове Скендера. Попытайся Прек надавить на них, и контакт в старом отеле никогда не состоялся бы. Но Прек лишь следил.

Анна привезла Скендера в отель и оставила одного. Верный Преку охотник был отправлен за ней следом. Другие остались, продолжив слежку за Скендером. Опытные, искушенные. У каждого из них на счету был уже не один кровосос, так что скрываться и выжидать они умели. Утро. День. Вечер. Ночь. На встречу с бывшим охотником приехали Дивья и Чандр. Скендер открыл им дверь, впустил в свой номер.

— Рад снова видеть тебя, — сказал ему Чандр.

Голос его был знаком Скендеру. Блоки еще не позволяли вспомнить, но он определенно слышал этот голос. По телефону. Еще до болот Мончак. Когда кто-то связывался с ним и давал наводку на очередного кровососа.

— Рада, что ты жив, — сказала Дивья, забираясь охотнику в голову, изучая его воспоминания о болотах Мончак.

Смуглая, свежая и холодная, как смерть. Она должна была умереть уже очень давно. Умереть в тот день, когда они с братом встретили Вимала. Но вместо этого их жизнь превратилась в вечность. Сейчас, заглядывая в голову Скендера, она видела все, что видел он на болотах Мончак. Теперь вернуться к наставникам, к древней паре из Египта и поведать им историю Ясмин, историю Клодиу.

— Думаю, им будет интересно узнать, что случилось с их старым другом, — сказала Дивья своему брату.

— С их бывшим хозяином, — поправил сестру Чандр.

— С полукровкой, — примирительно улыбнулась она.

Ее воля освободила сознание Скендера, который думал лишь о том, чтобы ему вернули стертые воспоминания.

— Ты действительно хочешь этого? — спросила Дивья.

— Что значит, хочу ли я этого? Это моя жизнь, — сказал он.

— Но жизнь меняется. Прямо сейчас. Ты не можешь этого видеть, но... — Дивья снова забралась ему в голову и показала то, что происходит в Наследии. Показала глазами еще одного охотника, который был так же внедрен на территорию врага, как и сам Скендер. Охотником была девушка. Скендер увидел ее — напуганную, залитую кровью после устроенной Фонсо резни. — Когда она вернулась, то пожелала забыть обо всем. Ничего. Полное неведение. Дивья заглянула в голубые глаза охотника: — Хорошим людям не стоит видеть то, что скрывает ночь.

— Сильно сомневаюсь, что я хороший человек, — осторожно сказал Скендер.

— Поверь мне на слово.

— Я не могу.

Он услышал тяжелый, усталый вздох Дивьи, и этот вздох напугал его почему-то больше, чем все, что довелось увидеть в последнее время. Вздох словно говорил ему, что прошлое — незримое, стертое, заблокированное — навсегда останется недостижимым прошлым. Установленные в его голове блоки слишком сильны, чтобы их мог разрушить даже тот, кто их создал. И соглашаясь на это... Когда-то давно соглашаясь... Будучи еще другим человеком, с другими воспоминаниями... Он знал, что так будет... Знал и был готов к этому...

— Но... — Скендер почувствовал, что начинает задыхаться.

— Успокойся, — сказала Дивья. — Когда мы уйдем, ты забудешь и эту встречу. Забудешь нас. Забудешь то, что случилось с тобой на болотах Мончак... — она улыбнулась. — Ты станешь простым человеком, для которого ночь — это время молитвы и сна. Ни больше ни меньше...

Она все еще улыбалась, но улыбка эта скорее напоминала Скендеру оскал смерти, чем расположение друга. Хотел ли он вспомнить свое прошлое? Да. Хотел ли сохранить настоящее? Да. Готов ли был снова умереть и родиться заново, другим человеком? Нет. Дивья показала ему, как это случилось в первый раз, но тогда ведь были иные обстоятельства и цели. Невозможно проникнуть в логово кровососов, оставаясь охотником, но почему нужно удалять воспоминания сейчас? Его личность... его крохотная, молодая личность, сформировавшаяся на болотах Мончак, цеплялась за жизнь, боясь утратить то, что успела приобрести. И желание было только одно — бежать так быстро, как только можно. Бежать куда угодно, потому что в этой комнате его не ждет ничего, кроме смерти личности. Скендер метнулся к выходу, рас-

пахнул дверь и провалился в ночь. Чандр и Дивья переглянулись. Они видели мысли охотника, видели его желания и могли остановить, но...

— Я думала, ты остановишь его, — сказала сестра.

— А я думал, что ты, — сказал брат.

Они снова переглянулись.

— Ты понимаешь, что мы не можем оставить ему эти воспоминания? — спросил Чандр.

— Хочешь, чтобы я догнала его?

— Нет, — Чандр не спешил, зная, что кровь вендари, которую он принимает больше века, дает ему преимущество над любым человеком, каким бы атлетом тот ни был.

— Только не забирай его жизнь, брат, — попросила Дивья. — Он слишком красив и слишком молод, чтобы умереть так рано.

Чандр не ответил. Он распахнул дверь, собираясь пуститься в погоню. В глаза ударил яркий ультрафиолетовый свет. Холодная сталь пронзила грудь, задев сердце. Выпущенные из пневматических ружей дротики, заполненные вместо снотворного зараженной вирусом двадцать четвертой хромосомы кровью, устремились к Дивье.

— Чертовы кровососы, — сказал Прек, проходя в номер.

Пара охотников с заряженными отравленной кровью пневматическими ружьями прикрывали его, оставаясь на пороге. Еще один держал вырвавшегося, обезумевшего от страха Скендера. Долгая для него будет эта ночь. Долгая и не менее безумная, чем ночи на болотах Мончак.

Зараженная кровь убивала Дивью медленно, мучительно. Кто-то заткнул ей рот, и она могла лишь извиваться и стонать, сгорая изнутри. От стоявшей вони слезились глаза. Чандр тоже был еще жив. Прек занимался им лично — резал и жег, пытаясь вытянуть правду о том, что происходит. Чандр молчал. Страдания, казалось, лишь закаляют его.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда я вытащу тебя на солнце, — прошипел ему на ухо Прек, на что Чандр смиренно закрыл глаза. Закрыл после того, как засвидетельствовал смерть своей сестры. Смерть, которая в силу мучений, причиняемых ей вирусом, стала спасением, а не наказанием. — Это была твоя любовница? — спросил Прек.

— Сестра.

— Сестра? — Мысли о любовной связи прочно засели в голове охотника. — Мерзость! — скривился он, представляя отвратительный кровосмесительный акт. — Чертовы кровососы! Ничего святого. — Прек плюнул Чандру в лицо и переключился на Скендера. — Ну что, голубоглазый, расскажешь, как связался с кровососами?

— Только то, что смогу вспомнить, — сказал Скендер, неловко пытаясь объяснить свою историю — ту часть истории, которую он смог понять, сложить из обрывков.

Прек слушал, кривя губы, не пытаясь поверить бывшему коллеге.

— Может, пустить ему кровь? — предложил кто-то из охотников.

От пыток Скендера спас рассвет. Охотники оживились и потащили Чандра во двор. Скендер не видел, как сгорел старый слуга, лишь почувствовал запах горелой плоти, который проник в номер вместе с утренней свежестью и прохладой.

— Ну, что ты там говорил о болотах и Наследии? — спросил Прек вернувшись. — Что показали тебе кровососы?

— Наследие мертво, — сказал Скендер, не сводя глаз с ножа, который Прек держал в руках. — Охотнику, внедренному в эту организацию, стерли воспоминания.

— А ты, значит, наблюдал за болотами Мончак?

— Верно.

— Почему же тогда ты пытался сбежать? Заметил нас или что?

— Я не хотел, чтобы мне снова стирали воспоминания.

— Почему?

— Потому что это почти смерть. Смерть личности.

— А может, ты просто надеялся, что кровососы сделают тебя одним из них?

— Кровососы? — Скендер нервно, истерично рассмеялся, напугав не только Прека и других охотников, но и самого себя, потому что не только устал бояться, но и устал от тупости этих людей, от тупости самого себя — себя в прошлом.

— Ты что, спятил? — растерянно спросил Прек.

— Нет, — Скендер отчаянно пытался успокоиться, но не мог. — Просто... ты... ты знаешь так много, а все еще продолжаешь называть древних слуг кровососами, отказываясь верить в их хозяев, куда более страшных и кровожадных, отказываясь верить в Наследие, в детей, которые скоро появятся на свет... Может быть, ты зря убил Чандра? Не лучше ли было сначала попросить его стереть твои воспоминания, позволив снова стать тупоголовым охотником, который уничтожает одних кровососов, получающих приказы от других? — Скендер замолчал, потому что Прек ударил его в лицо. Кровь из разбитых губ заструилась по подбородку. — Верно, — похвалил старого охотника Скендер. — Продолжай в том же духе... А лучше просто перережь мне глотку и притворись, что не слышал моей истории.

Скендер получил еще один удар, но семя раздора уже было посеяно. Охотники за спиной Прека переглядывались, шепчась, что было бы неплохо съездить в Дакоту и проверить историю о Наследии.

— А если это ловушка? — спросил Прек.

— А если нет? — спросил один из охотников. Семя сомнения проросло, распустилось пытливым любопытством, волнительным открове-

нием. А если история Скендера не подтвердится, то всегда ведь можно пустить ему кровь — так решили охотники.

Спустя четверть часа они покинули отель. Шесть человек на двух машинах. Скендера они вырубил и засунули в багажник.

— Если ты не соврал, то извинимся потом, — услышал он за мгновение до оглушающего удара.

День обещал быть жарким. Прек смотрел на чистое небо и надеялся, что им удастся добраться до комплекса «Зеленый мир» прежде, чем начнет темнеть. Что они знали об этом странном месте? Ничего особенного. Большинство исследовательских комплексов оставляли рано или поздно следы запрещенных экспериментов, а «Зеленый мир» был идеален, невинен, чист. Прек не хотел соглашаться с историей Скендера, но что-то здесь определенно было не так. Ближе к обеду, когда жара стала невыносимой, Прек велел вытащить Скендера из багажника и накормить его. Дакота ждала их, манила своей тайной. Наследие ждало — мертвое, залитое кровью. И Габриэла — старая, седая, сгорбившаяся у могилы Эмилиана, но не сломленная.

— Какого черта тут случилось? — спросил Прек, осторожно приближаясь к ней.

Солнце еще не зашло, щедро поливая землю алыми лучами заката. Значит, женщина у могилы не могла быть кровососом. «Или кто там жил в этом месте?» — нервно подумал Прек, вспоминая историю Скендера о девушке-охотнике. Историю, которую поведала ему Дивья незадолго до своей смерти. Девушку звали Гюнай, и она была запрограммирована древними слугами Нун и Амунет бежать сразу, как только появится настоящая опасность, смертельная, способная помешать ей продолжить слежку за родившимся ребенком. За Фонсо. За хищником, которого пыталась дрессировать Габриэла, — пустые надежды. Теперь она и сама поняла это. Дежавю.

История сделала петлю и вернулась к началу. Ошибки повторились. Ошибки молодости, долетевшие эхом до глубокой старости. Глупость! Как можно было верить, что Фонсо станет другим? Как можно было верить, что ребенок построит новый мир, переняв все лучшее от старого? Пару веков назад один философ сказал: «Чтобы построить святыню, нужно разрушить святыню». Что ж, теперь Габриэла понимала это как нельзя лучше. Да и всегда, наверное, понимала, просто боялась признаться себе в этом. Так много самообмана. Даже сейчас. Стоять у могилы Первенца, Эмилиана, вспоминать, как он родился, вырос, предал ее, надругался над ней, избрав собственный путь, а затем вернуться с покаянием и предложением создать Наследие... Теперь свой путь выбирал Фонсо — кровавый, жестокий. А Габриэла смотрела на него и говорила себе, что настанет день, и этот мальчик-монстр вернется к ней, как когда-то давно вернулся Эмилиан.

— Эй ты, ведьма! — Прек тронул ее за плечо, готовый в любой момент выхватить нож и пробить грудь этой странной женщине. — Я с тобой разговариваю. Слышишь?

Габриэла не обернулась. «Мать» — так называли ее дети Наследия. «Мать» — так она хотела, чтобы называл ее Фонсо. Но мальчик вырос и предпочел ей Клео Вудворт, женщину, которая дала ему жизнь, но никогда не любила его, никогда не гордилась им. Он подчинил ее, сломав волю, и теперь она везла его на восток, куда бежал доктор Накамура с ребенком Эрбэнуса. Ребенком, который, как и Фонсо, вырастет и окрепнет за один месяц, чтобы через год превратиться в дряхлого старца. Но маленькому монстру хватит и года. Двум монстрам, если считать Претендента, сына Эрбэнуса. Правда, в этом крошечном земном мире тесно и одному из них. Поэтому Претендент должен умереть. Таков закон их природы...

— Что ты сделаешь после того, как избавишься от Претендента? — спрашивает Клео Вудворт своего сына, в то время как Прек допрашивает Габриэлу.

Мальчик долго молчит, затем смотрит на свою мать так, как Тутанхамон смотрел на своих подданных, и говорит, что ее не должны заботить его планы. Клео пытается возражать, но он уже забрался к ней в голову и парализовал язык. Можно лишь беспомощно открывать рот, как рыбе, которая плавает в аквариуме и смотрит на своего хозяина, пытаясь ему что-то сказать. Но хозяину плевать. Главное — догнать беглецов. Главное — уничтожить Претендента. А потом... потом можно будет отыскать уцелевших детей Наследия и уничтожить их, чтобы не появилось новых претендентов. Найти и уничтожить зараженных вирусом двадцать четвертой хромосомы женщин...

Все эти мысли сына Клео Вудворт видела, потому что они лились из него, словно прорвавшая плотину река, сметая все на своем пути. Наверное, могли видеть это все люди, находившиеся в достаточной близости, чтобы попасть под этот ментальный поток. Несколько водителей, мимо которых проехала Клео Вудворт, будучи накрытыми этим потоком, не справились с управлением и, потеряв над своими машинами контроль, вылетели с дороги. Один из автомобилей взорвался, и Клео еще долго видела черный столб дыма, поднимавшийся к небу, в зеркалах заднего вида.

— Не переживай за них, переживай за себя, — посоветовал Фонсо.

— Боюсь, я уже слишком стара, чтобы вообще о ком-то переживать, — сказала Клео Вудворт.

— Тогда попроси меня. Попроси, чтобы я забрал твою жизнь.

— И ты это сделаешь?

— Нет, — губы Фонсо были плотно сжаты, но Клео могла поклясться, что он улыбается.

— Скоро начнет светать, — сказала она, осознанно указывая ему на уязвимость, на главного врага, которому он не мог противостоять — солнце. — Хочешь, чтобы я нашла отель, или бросишь вызов светилу?

Мальчик не ответил, не придал значения. Мальчик, подросток за последние дни еще на пару лет. Клео увидела вывеску отеля, свернула на стоянку. Теперь снять номер, занавесить окна, попытаться заснуть.

— Не надейся, — сказал Фонсо, читая ее мысли. — Твой доктор не сможет бежать вечно. Я вижу Претендента и вижу его спасителя. Доктор мечтает встретиться со своей дочерью. Он устал и сломлен... Всего лишь человек...

Примерно так же думал и доктор Накамура: «Всего лишь человек. Я всего лишь человек». Ребенок Эрбэнуса и Ланы Зутерман плакал на заднем сиденье и просил есть. Просил крови. Голод этого маленького существа был таким сильным, что Накамура чувствовал его. «Какого черта я делаю? Куда бегу?» — спрашивал он себя, пока не увидел старую церковь — деревянную, с белой облупившейся краской и деревянным крестом, тянущимся к молочному утреннему небу. Накамура остановился, заметив в окнах церкви свет. Он вышел из машины, постучал в незапертые двери и, когда ему открыли, спросил священника, есть ли в их маленьком городе больница.

— Больница? — растерялся священник, окинув Накамуру внимательным взглядом. — Вы не похожи на человека, которому нужна помощь.

— Не мне, святой отец, — Накамура подвел его к своей машине и передал ребенка Эрбэнуса.

— Вы хотите отказаться от него? — спросил священник, словно доктор был у него на исповеди.

— Это не мой ребенок, — Накамура нервно поглядывал на небо, где зарождался рассвет. — Его родители мертвы. Они были... У матери был вирус двадцать четвертой хромосомы, а отец... Отец его не был человеком, — доктор выдержал тяжелый взгляд священника. — Этот ребенок боится солнца. Унесите его в церковь... — Накамура решил, что объяснить все равно не получится. — И еще он питается кровью. Не забудьте об этом, — добавил доктор, садясь за руль.

Священник смотрел на него, как на сумасшедшего, но возможно, именно благодаря этому и не предлагал доктору одуматься, забрать ребенка. Не спросил он и его имени. Лишь вернулся в церковь и, продолжая держать ребенка на руках, попытался связаться с другом из службы опеки. Младенец заурчал и уткнулся ему в шею. Священник не видел, как проявились тонкие зубы-иглы. Не почувствовал он и боли, потому что голодное сознание маленького монстра парализовало разум...

— О, кажется, Претендент сожрал твоего доктора, — сказал Фонсо, продолжая следить за беглецами.

Клео Вудворт проснулась и растерянно захлопала глазами.

— Что случилось?

— Я говорю... — ехидная улыбка сползла с губ ее сына. — Нет. Претендент сожрал кого-то другого. Не доктора... А жаль...

— Сожрал? — Клео заставила себя окончательно проснуться. — Что значит «сожрал»? Он ведь еще младенец.

— Уже нет, — Фонсо нервно поднялся с кровати.

День только начинался. Теплый, солнечный день. Но если дать Претенденту окрепнуть. Если позволить ему набраться сил...

— Мы должны убить его прежде, чем он вкусит кровь вендари или детей Наследия, — сказал Фонсо.

Клео хотела послать его к черту, хотела сказать, что нет никаких «мы», но он уже забрался к ней в голову и отдал очередной приказ. Ноги сами понесли ее к выходу, к припаркованной машине. Теперь включить зажигание, подъехать как можно ближе к номеру, открыть багажник, где спрячется Фонсо, и гнать в Висконсин, в крошечный город, где стоит старая католическая церковь. Гнать так быстро, как только можно. И не останавливаться, не думать, потому что Фонсо видит каждую мысль. Ближе к обеду Клео попыталась объяснить ему, что ей нужно в туалет, но он лишь приказал ее мочевому пузырю опорожниться и сказал, что проблема решена. Спустя час от вони Клео начала задыхаться. Фонсо разгневался и предупредил, что если она не возьмет себя в руки, то прикажет ей откусить себе пару пальцев.

— Ты ведь сможешь управлять машиной и одной рукой, верно? — спросил он, но, несмотря на угрозу и гнев, Клео чувствовала, как в нем разрастается тревога.

Он боялся Претендента. Боялся, потому что не был уверен в своих силах. Уничтожить Наследие, выпить кровь Оллрика, мечтать превратить весь мир в свое пастбище, но бояться младенца. Все казалось Клео какой-то безумно несуразной иронией, из которой невозможно высосать и каплю смеха.

— Ну, с этим я могу тебе помочь, — услышала Клео голос сына в своей голове, и спустя мгновение он заставил мышцы ее лица растянуться в уродливой широкой улыбке, остававшейся всю дорогу до Висконсина.

Когда они добрались до старой католической церкви, был уже поздний вечер. Десяток прихожан толпился возле машины коронеров, забиравших тело старого священника. Фотограф местной газеты в потертом пиджаке делал фотографии, поглядывая на церковь, вход в которую преграждал помощник шерифа.

— Теперь открой багажник и выпусти меня, — велел Фонсо Клео Вудворт. — И не думай, что, если ты не сделаешь этого, я не смогу выбраться.

Клео и не думала. Она остановилась на обочине и вышла из машины. Помощник шерифа смерил ее недовольным взглядом, затем увидел застывшую, словно маска, широкую улыбку, спросил, все ли у нее в порядке. Клео не ответила, открыла багажник и помогла выбраться Фонсо.

— Эй! — окрикнул ее помощник шерифа, но Клео и сама шла к нему. Клео и Фонсо. — Какого черта вы себе позволяете? — уставился на нее помощник шерифа, затем наклонился к ребенку, собираясь спросить, в порядке ли он, но замолчал, потому что Фонсо забрался к нему в голову и сдавил мозг.

Полицейский вскрикнул и упал на колени. Мать и дитя прошли мимо.

— Можешь не надеяться, кресты не действуют на меня, — сказал Фонсо матери, когда они оказались в церкви, где шериф в полумраке пытался поймать ребенка, ускользавшего от него между выстроенных рядами скамеек.

Претендент. Он почувствовал Фонсо и зашипел. Реки теней вспенились. Реки Претендента. Всего лишь реки, в то время как у Фонсо были уже моря. Шериф оказался зажатым между двух стихий. Сыпля проклятиями, он попытался увернуться, но тьма накрыла его, превратила в прах и зловонную жижу. Затем тьма накрыла Претендента. Воздух задрожал. Затрещали доски старой церкви. Люди на улице ахнули, попятиться. Мозаичный витраж лопнул, окатив их брызгами разноцветных осколков. Зеваки закричали и бросились врассыпную. Правда, никто не собирался их преследовать. Запрокинув голову, Фонсо ликовал. Ликовал недолго, потому что уловил мысли Клео Вудворт о других детях Наследия и возможности появления на свет других претендентов.

— Почему ты хочешь моей смерти? — спросил он. — Ты моя мать. Мать должна радоваться за своего ребенка.

— А я и радуюсь, — Клео указала ему на свою застывшую по его воле улыбку. — Разве не видно.

Фонсо нахмурился, смотрел на нее какое-то время, затем кивнул, решив что-то про себя, и Клео почувствовала, как ноги ее пустились в пляс, а руки начали аплодировать.

— Вот так мне нравится больше, — сказал Фонсо, решив, что отправится в резервацию и уничтожит всех зараженных вирусом женщин, чтобы уцелевшие дети Наследия не смогли создать еще одного претендента. — И не волнуйся, тебя я убью последней, — пообещал он матери, показывая свой план.

Когда они выходили из церкви, Клео Вудворт продолжала танцевать, хлопать в ладоши и глупо улыбаться до ушей. Фонсо позволил ей успокоиться лишь в машине, оставив только дурацкую улыбку, к которой успела привыкнуть Клео.

— Давай, развесели меня, покажи мне что-нибудь забавное из своего прошлого, — приставал Фонсо всю дорогу до резервации. — Ты ведь живешь уже так долго! Неужели нет ничего интересного?

Клео молчала, стараясь ни о чем не думать и тупо продолжая скалиться улыбкой Гумплена.

— Что, совсем ничего? — продолжал цепляться к ней Фонсо, копаясь в ее воспоминаниях, словно хирург в аппендиците. Копаясь до тех пор, пока Клео не вырвало — желчь заполнила рот и забрызгала приборную панель. Только желчь, потому что ничего другого в желудке не было. Клео и не помнила, когда ела в последний раз. Фонсо весело рассмеялся. — Здорово было, правда? — спросил он мать. — Хочешь, я сделаю это еще раз? — И, не дожидаясь ответа, он снова заставил ее желудок сжаться, но на этот раз не было и желчи, лишь рвотный позыв и покрасневшее лицо. — Ты что, не хочешь постараться для меня? — начал злиться Фонсо, затем понял, что для трюка нужно сначала накормить мать, и начал выглядывать придорожную закусочную.

— Ах ты маленький паршивец! — только и успела процедить сквозь зубы Клео, после чего Фонсо парализовал ее язык.

— Еще раз попытаешься оскорбить меня, и я накормлю тебя твоим собственным языком, — пообещал он.

Но после этого, по крайней мере, забыл о закусочной и своих трюках с желудком биологической матери. Забыл до первой ночевки, и уже утром, в номере, где окна были наглухо занавешены, перед тем, как заснуть, хохотал до слез, заказав в номер столько еды, что Клео продолжала есть даже после того, как маленький мучитель заснул, потому что так велел Фонсо. Живот вздулся и болел. Сна не было. Но не было и слез — Клео уже и не помнила, когда плакала в последний раз. Очень робко, боясь, как бы это не заметил сын, она позволила себе вспомнить Накамуру и порадоваться тому, что он сумел вырваться из этого замкнутого безумного круга.

— Я слышу, как ты думаешь! — сказал сквозь сон Фонсо, но угрожать на этот раз не стал.

Они покинули отель на закате, оставив после себя троих мертвецов: горничную, которая имела неосторожность зайти, и пару молодоженов на стоянке. Фонсо выпил их кровь, кривясь и вспоминая, как лакомился кровью вендари.

— После того, как покончим с резервацией, устроим настоящий пир из древних, — пообещал он матери.

Клео не ответила. Ей было плевать. Что ж, если это несовершеннолетнее чудовище хочет уничтожить вендари, пусть будет так.

— Тебе ведь тоже нравилась их кровь, верно? — прицепился к ней Фонсо, отыскивая в воспоминаниях, как они с Мэтоксом принимали кровь

Гэврила. — Получается, во мне от тебя больше, чем я думал, — неожиданно серьезно произнес Фонсо и позволил матери перестать улыбаться. Ненадолго. Потому что, как только их остановили за превышение скорости, он снова велел Клео превратиться в Гумплена.

— Будь приветлива со служителями закона, — нравоучительно сказал Фонсо матери.

— Зачем? Ты ведь все равно убьешь их.

— И что?

Клео перестала считать мертвецов, которых они оставили за собой, после того, как их число перевалило за дюжину. Как-то раз, минуя густонаселенный город, Фонсо почувствовал близость древнего. Клео видела, как вспыхнули голод и азарт в глазах мальчика-монстра.

— Ты должна накормить меня! Должна! Должна! Должна! — шептал он, пока они колесили по широким улицам и путались в похожих на муравейники жилых кварталах.

Но древний, сохранив бдительность, сумел почувствовать угрозу и сбежать. Знал ли он, кто охотится на него, или просто думал, что на его след вышло Наследие? Да и был ли Фонсо похож на детей Наследия? Или на дикую поросль? Или на самих вендари? Насчет дикой поросли Клео знала слишком мало, чтобы делать выводы, но вот от вендари и Наследия ее нежеланный сын точно отличался. Что-то в нем было... Человеческого? Особенно эта капризность? Эта алчность? Желание развлекаться? Он был словно маленьким злым божеством, о которых люди рассказывали в легендах на протяжении тысяч лет. «Может быть, — думала Клео, — подобные дети уже рождались когда-то раньше? Вернее, не дети, а существа, потому что растут они слишком быстро, чтобы можно было привить им ценности родителей или наставников. Природа наделила их генетической памятью и странной, извращенной мудростью, забрав детство и неведение».

— Хватит думать о всякой ерунде! — орал на мать Фонсо, чувствуя, что останется без обеда, что не сможет найти вендари. — Помоги мне найти его! Помоги! Помоги! — требовал мальчик-монстр, словно Клео действительно могла найти древнего, но не хотела этого делать.

Чтобы досадить ей, он осушил молодую пару подростков, повстречавшуюся им в центральном парке.

— Я так голоден, что готов осушить весь этот город! — капризно сказал Фонсо, но заглянув в мысли матери, понял, что ей плевать. Плевать на его голод. Плевать на этот город. — Ты жестокая! — сдался Фонсо и велел продолжить путь к резервации...

Охотники. Фонсо не видел их, не чувствовал, не знал о том, что они уже находятся в резервации, закончив допрос Габриэлы, Матери погибшего Наследия. Сколько осталось в живых ее детей? Сколько еще ошибок поз-

волит допустить ей судьба? Сначала Эмилиан, затем Фонсо... И между ними дикая поросль, которой Габриэла дала жизнь, надеясь исправить свои ошибки... Теперь она снова пыталась все исправить — думала об уцелевших детях Наследия, находившихся вне комплекса «Зеленый мир», когда Фонсо устроил резню, думала о резервации, о зараженных женщинах, способных выносить подобного Фонсо ребенка, который сможет бросить вызов Фонсо, уничтожить его... Да, когда-то именно так думала Габриэла, создавая дикую поросль, только вместо Фонсо был ее Первенец — Эмилиан. И тогда это было ошибкой. Определенно было ошибкой... Вот только ошибкам свойственно повторяться. Вернее, людям свойственно повторять ошибки, убеждая себя, что в прошлый раз неудача случилась по воле случая. Как-то так думала и Габриэла, надеясь, что сможет все исправить, вернуться к прежнему — избавиться от Фонсо и возродить Наследие. Возродить спешно, потому что у нее осталось не так много лет в этом мире. Старость подбирается к изголовью кровати, дышит в затылок, хватает за пятки... Но прежде нужно избавиться от маленького монстра...

Охотники во главе с Преком слушали историю о Фонсо и критично качали головами до тех пор, пока в Наследие не вернулись два сына — Гектор и Аттиус, которые так и не смогли добраться до Ясмин и ее ребенка прежде, чем она достигла болот Мончак, получив там защиту и покровительство. Могли ли охотники противостоять паре этих существ? Нет, да они и не были готовы к подобной встрече. Мир ночи вспыхивал, расцветая, являя свои тайны, и поспеть за этим разоблачением не мог ни один охотник.

Преке выхватил нож, но дети Наследия разоружили его раньше, чем он успел нанести удар. Разоружили всех охотников, ломая конечности и вывихивая суставы.

— Хочешь, чтобы мы убили их? — спросил Аттиус Габриэлу, Мать Наследия, готовый разорвать горло стоявшего перед ним на коленях Прека.

— Нет, — сказала Габриэла после недолгих раздумий. — Думаю, они еще пригодятся нам. Союзники... Глупые и наивные, но союзники... Будь добр, покажи им изнанку ночи. Расскажи о Наследии, о дикой поросли, вендари и старых безумных слугах, которых они называют кровососами. Хватит неведения.

Преке вздрогнул, почувствовав, как посторонние образы и восприятия хлынули в мозг — яркие, живые, искрящиеся. Рождение Наследия, жизнь Наследия, смерть Наследия — последнее Аттиус почерпнул из воспоминаний Габриэлы. Образы Фонсо. История Клео Вудворт, уходящая корнями к Первенцу Наследия, Эмилиану. История древних слуг — Вимала, Холдора, Пачджо. История их хозяина — вендари по имени Вайорель. Если бы Преке и другие охотники не встретили Скенера, если бы его рассказ о том, что происходит на болотах Мончак, не пошатнул их убеждения, то мозг просто бы закрылся и лопнул от

обилия информации, но так... Так Прек был уже подготовлен, открыт. И знания не наваливались на двери его восприятия, не пытались сорвать их с петель, а проходили, получив приглашение, заполняя расставленные за столом стулья для гостей. Нечто подобное происходило и с другими охотниками. Знания — тяжелые, монолитные и шокирующие. Не в каждой голове, пусть и готовой к переменам, найдется место миру, в который ты не верил прежде. У одного из охотников случился припадок. Он упал на спину, искусал свой язык и едва не захлебнулся пеной и кровью, заполнившими его рот. Еще у одного охотника лопнули барабанные перепонки. Проще всех оказалось Скендеру. Его сознание давно эволюционировало на болотах Мончак, стало пластичным, способным не только вместить в себя всю жизнь Наследия, но и поделиться с Аттиусом своими собственными знаниями, восприятиями и откровениями.

— Думаю, будет лучше, если охотников возглавит голубоглазый Аполлон, — сказала Габриэла, когда дети Наследия освободили сознания охотников.

Скендер смог подняться на ноги первым, огляделся, протянул руку застывшему на коленях Преку.

Старый охотник закричал, распрямился, вглядываясь в голубые глаза бывшего охотника, которому днем ранее едва не выпустил кишки, считая прислужником кровососов. Скендер говорил правду, а он едва не убил его. Прек сплюнул себе под ноги и выругался сквозь зубы. От новых знаний кружилась голова и начинало тошнить. Они ехали сюда за ответами, но тяжесть знаний оказалась невыносимой, перемолов прошлые цели и стремления.

— И что теперь? — спросил Прек, глядя Габриэле в глаза. — Раньше мы служили кровососам, которые играли в богов своего вида, а теперь, выходит, должны служить тебе?

— На кой черт мне ты и твоя служба? — устало спросила Габриэла. — Если хочешь кому-то служить, то служи людям.

— Людям?

— Своему виду. Или ты уже передумал быть охотником?

— Нет, но... — Мысли клубились в голове, мешая собраться и все обдумать. Мысли, расписавшие, спланировавшие, казалось, уже всю его жизнь. Встретиться с Лорой Оливер. Рассказать о Фонсо, об опасности для резервации, а затем отправиться к матери Лоры Оливер и объяснить все это ей, чтобы организовать эвакуацию зараженных людей...

— Думаю, одному из детей Наследия придется поехать с нами, — сказал Скендер Габриэле. — Без вашей помощи будет не так просто убедить власти переселить резервацию.

Габриэла кивнула, велела Аттиусу следовать за охотниками. Были ли для нее важны резервация и те, кто там жил? Нет. Но если ребенок Яс-

мин не сможет остановить Фонсо, то зараженные вирусом женщины пригодятся, чтобы создать новых претендентов, вскормить их, обучить и отправить на бой с новым правителем мира, с блудным сыном, который предпочел Наследию свой собственный путь...

— Все будет хорошо, — пообещала Габриэла Гектору, когда уехали охотники. — Мы восстановим Наследие и создадим новых детей. У нас еще есть время. У нас еще есть наши жизни...

Гектор не спорил. Не спорил, когда Мать говорила о возрождении Наследия, строя планы, на которые у Гектора не хватило бы и нескольких жизней. Не спорил, когда Мать отправила его на поиски других детей Наследия, за которыми может начать охотиться Фонсо. Они спрячутся, переждут смутное время, а потом все вернется на круги своя... Гектор хотел верить, что вернется. Каждый уцелевший из Наследия хотел...

Аттиус ехал с охотниками в резервацию, вспоминал, как появился на свет Фонсо, и надеялся, что ему самому никогда не придется сблизиться с зараженной человеческой самкой, чтобы родился еще один претендент. Илир поступил так и умер. Эрбэнус поступил так и повторил судьбу Илира, своего друга. Это безумие, ошибка, едва не погубившая Наследие... И виной всему был не только Фонсо. Впервые за свою недолгую жизнь Аттиус усомнился в мудрости Матери. «Может быть, виной всему ее человечность? — подумал он. — Человечность, которой пропитана вся эта планета. Человечность, способная свести с ума и сделать сильных слабыми. Взять хотя бы детей Наследия. Генетическая память позволяет им рождаться идеальными сосудами истины. Но что происходит потом? Потом человечность пробирается к ним в сознание и сводит с ума. Иначе как объяснить поступки Илира и Эрбэнуса?»

— О чем думаешь? — спросил Прек, заставляя себя смотреть в глаза новому союзнику.

— Об ошибках, — ответил Аттиус первое, что пришло в голову, являвшееся отчасти правдой.

— О своих ошибках?

— Нет.

— Значит... о наших?

— Ты говоришь об охотниках или о человечестве в целом?

— Я говорю... — Прек вздрогнул, потому что Аттиус, не дожидаясь ответа, забрался к нему в голову и узнал все, что хотел.

Старый охотник крякнул и спешно поджал губы, словно это могло скрыть его мысли.

— Нет, думаю, ты не сможешь понять меня, — сказал Аттиус.

Прек кивнул и больше не пытался заговорить с ним. Никто не пытался. Охотники не разговаривали даже между собой. «Вот так уже луч-

ше, — думал Аттиус. — Пусть держат при себе свою человечность и свои ошибки. Временные союзники. И временные правители...» Последние мысли относились к Габриэле, к Матери Наследия. Аттиус вспоминал свое поколение, погибших друзей, и гнев закипал в его груди. Гнев на Габриэлу. Если бы она уничтожила Фонсо, если бы не пыталась вырастить нового Первенца, то трагедии не случилось бы, а так... Нет, Аттиус не думал о революции, скорее, напоминал ребенка, усомнившегося в абсолютной мудрости родителей.

Лора Оливер. Когда Аттиус увидел ее, то она напомнила ему Клео Вудворт, но только в первое мгновение знакомства. Стоило ему заглянуть в ее голову — и мнение изменилось. Лора была другой — гневной, пылкой, чуть более живой и чуть более человеческой. И еще Лора была охотником. Таким же охотником, как и Аттиус. Только он истреблял вендари, а она их слуг. Но база была одной. И это роднило их — так чувствовал Аттиус и пытался передать эти чувства Лоре, когда показывал ей историю Наследия.

— Вот только не надо искать во мне друга, — сухо сказала она, но позднее, по дороге в резервацию, неожиданно оттаяла, подобрела. Спрашивала о тонкостях охоты на вендари, а сама думала о Брэде Ричардсе и балерине, с которой он живет, потому что Клодиу внушил ему это, принудил к этому.

— Хочешь, чтобы я вернул воспоминания отцу твоего ребенка? — спросил ее напрямую Аттиус.

— А ты можешь? — так же напрямую спросила Лора.

— Я могу попробовать.

— Значит, попробуем.

Они замолчали на какое-то время, затем вернулись к деталям охоты на вендари. Аттиус смотрел на Лору и думал, что с Габриэлой, с Матерью, никогда, наверное, не сможет разговаривать вот так — смело, открыто. Да и не станет Габриэла спрашивать его о деталях охоты. Для нее это лишь ненужные мелочи жизни. «Интересно, а какая мать у Лоры?» — подумал Аттиус, пытаясь представить старую женщину, возглавлявшую резервацию так же, как Габриэла возглавляла Наследие. Он мог попытаться вытащить образ матери у Лоры из головы, но предпочел дожидаться момента, когда увидит ее своими глазами. Что удивило его, когда состоялась эта встреча? Мать держалась с Лорой холодно, отстраненно. Плюс она обвиняла дочь за то, что она повторяла судьбу своего отца. Аттиус наблюдал за их общением и говорил себе, что Габриэла никогда не указывала детям Наследия на то, кем был их отец, никогда не упрекала и уж точно никогда не проводила параллелей. А ведь отцом детей Наследия был древний — что может быть хуже?

— Вы должны гордиться своей дочерью, а не ругать ее, — тихо сказал Аттиус старой женщине, перед тем как показать, почему нужно эвакуировать резервацию.

Мать Лоры не ответила. Аттиус забрался к ней в голову, в мысли... Хотел бы он сказать Лоре, что мать любит ее, переживает за нее, но... Нет, любовь и переживания были, если заглядывать в воспоминания, но все они остались где-то в прошлом. «Наверное, виной всему, что они живут слишком долго», — решил для себя Аттиус...

Чуть позже, когда эвакуация будет почти закончена, зараженные отправлены в приюты и к родственникам, а в резервацию приедет Клео Вудворт со своим сыном, Фонсо, заглянув в мысли своего противника — Аттиуса, — назовет его глупцом. Глупцом за размышления о жизни Лоры, глупцом за анализ человечности и, уж конечно, за любовь к Габриэле.

— Старуха никогда не любила вас, — рассмеется Фонсо в лицо охотнику Наследия, а Клео Вудворт будет стоять за спиной сына и тупо скалиться подаренной им улыбкой Гумплена.

Узнает ли она Лору Оливер? Нет. Узнает ли ее Лора? Да. Узнает, вспомнив, как видела ее в доме своего отца. Видела когда-то в далеком прошлом...

— Слишком долгие жизни! — сокрушенно подметит Фонсо, перехватив эти мысли, но затем... затем он увидит воспоминания Скендера о болотах Мончак.

Сначала его заинтересуют собравшиеся там древние — славная трапеза, но потом он увидит Ясмин, увидит ребенка, которого она вынашивает, увидит еще одного претендента на свой титул короля мира и забудет обо всем остальном.

— Мы должны убить ее, — скажет он матери.

— Ее? — растеряется Клео Вудворт.

— Девочку. Самку вендари... Твою чертову еще не рожденную внучку...

Глава седьмая

Болота Мончак. Ясмин. Вендари. Черная месса в честь похорон старого короля вуду — Моука Анакони. Но тела короля нет. Оно превратилось в прах. Поэтому вместо короля хоронят куклу. Днем. Процессия вышагивает по главному острову, где находился дом короля. Люди разодеты, как на параде фриков. Слез нет. Сигареты с марихуаной. Играет бодрый джаз — четыре трубача и два барабанщика. Процессия пританцовывает. На головах — цилиндры и котелки, в отвороты которых вставлена фотография Моука Анакони. Дочь короля Аламеа идет впереди. На ней одето белое платье, а на голове черная дамская шляпка — новая королева вуду, новая избранница духов лоа, которая не верит ни в духов, ни в вуду, только в деньги и власть. И две эти субстанции еще более эфемерны и капризны, нежели благосклонность богов и духов. Принять участие в похоронах — уважить паству. Вернуться в офис покойного отца, проверить сейф. Деньги. Деньги и власть. Но на этих болотах власть — это вендари. Древние, замкнутые, молчаливые и вечно голодные. Аламеа их боялась и не доверяла им. Они приезжали на болота Мончак не ради веселья, как их слуги, и не ради крови. Их привлекала Ясмин. Их привлекал ее ребенок. Первая самка древних за последние тысячелетия. И этот еще не рожденный ребенок путал все планы.

Если раньше вендари со своими слугами бежали на болота Мончак от Наследия, о котором ни Аламеа, ни ее покойный отец так и не смогли узнать ничего конкретного, то теперь древние стягивались сюда, потому что на болотах была Ясмин. Они селились возле ее нового дома, держались обособленно. И если вначале их присутствие было не столь очевидным — один-два древних за несколько месяцев, — то после того, как ребенок Ясмин продемонстрировал свою силу, уничтожив дом, четверых слуг и Моука Анакони, а слухи об инциденте разлетелись по миру, не прошло и недели, как на болотах Мончак поселилась еще дюжина вендари. Аламеа чувствовала, как власть, которую даровала ей смерть отца, ускользает у нее из рук. Последней надеждой были похороны короля

вуду, обещавшие, что его паства признает дочь своей королевой. Так что, шествуя во главе похоронной процессии, Аламеа занималась лишь тем, что заглядывала в глаза людей и пыталась отыскать в них поддержку.

Как же в этот момент ей не хватало Скендера! Не хватало не советчика и друга, а просто хорошего любовника, в объятьях которого можно забыться и сбросить с плеч груз ответственности. Слухи о его судьбе ходили разные. Одни говорили, что видели, как рожденная самкой вендари сила уничтожила дом, проглотив Скендера, когда он попытался войти внутрь, беспокоясь о судьбе Ясмин. Другие уверяли, что видели, как Скендер бежит с болот на старой лодке, но на причалах Нового Орлеана никто не видел его. Были и те, кто свидетельствовал, как Скендера разрывают на части аллигаторы, выбравшиеся на берег, когда черный вихрь разрушал дом Ясмин. А некоторые клялись, что Скендера осушили и закопали старые слуги. Еще Аламеа слышала дикую байку о вендари, который был тронут красотой голубоглазого Аполлона и, пленив его, бежал с болот. Аламеа слушала все эти истории и сожалела лишь об одном — теперь придется искать нового любовника. Сожалела, пока на болота Мончак не потянулись вендари. Новая сила. Новая власть.

В день похорон своего отца Аламеа не могла думать ни о чем другом, кроме борьбы за власть. И борьбу эту она проигрывала. Не нужно ждать, чтобы понять это, — достаточно заглянуть в глаза людей, населявших остров. Страх и сомнения. Даже ночная черная месса, на которую рассчитывала Аламеа, не получила ожидаемого размаха. В доме, где обычно не продохнуть от набившегося в него народа, было просторно и гулял сквозняк. На черную мессу пришли лишь самые верные и преданные, да несколько молодых и алчных, надеявшихся подобным образом ускорить свое продвижение в иерархии болот Мончак. Аламеа смотрела на них и хотела послать все к черту.

— Мне нести петуха? — осторожно спросила у новой королевы старая мамбо, державшаяся рядом с ее отцом долгие годы. — Думаю, будет не лишним, если ты принесешь его в жертву в эту ночь. Люди увидят в тебе продолжение твоего отца...

— Ты видишь здесь людей? — скривилась Аламеа. — Три десятка преданных стариков да дюжина молодых, желторотых глупцов.

Старая мамбо зашептала молитвы, прося у духов прощения за неуважительное отношение новой королевы в их святилище, в хунфоре.

— К черту хунфор! — приняла решение Аламеа. — Пусть все видят нашу службу!

Она вывела скромную паству на улицу и велела развести пару костров. Старой мамбо не нравилась эта затея, но она привыкла подчиняться Моуку Анакони, редко принимавшему неверные решения. Так может быть, дочь пойдет по его стопам?

— Наркотики, алкоголь и афродизиак за мой счет, — распорядилась Аламеа. — А если к нам решат присоединиться свободные слуги, то я плачу и за кровь, которую они выпьют. — Она схватила за руку молодого парня — новичка на болотах — и велела ему обойти каждый дом, каждое кабаре и каждый бар, оповестив всех о великой и щедрой панихиде в честь усопшего Короля. — Если потребуется, то набери себе помощников. Завтра я компенсирую все твои затраты, — сказала Аламеа. — И не забудь привести сюда пару черных джаз-бэндов. Нам нужна музыка, — и уже помощникам мамбо, — запалите больше костров. Пусть ночь проснется!

И мир закрутился вокруг. Сначала хаотично, сумбурно, но затем обретая стройность, пускаясь в экстатический пляс под удары барабанов. Ром из лучших запасов, кокаин высшей пробы, марихуана и психоделики — сначала гости налегали лишь на это, расхватывали, словно стервятники в первую четверть часа, пока Аламеа не начала подмешивать в алкоголь и наркотики афродизиак.

— И хватит бить в барабаны! — прикрикнула она на группу чернокожих джазменов. — Играйте! Устройте шоу! Взорвите эту ночь!

Музыка и горячая смесь запрещенных препаратов оживила алчную толпу, которая вначале думала лишь о том, как поплотнее набить карманы бесплатным угощением. Мало кто вспоминал Моука Анакони, но ритм веселья начинал захватывать всех.

— Не стойте как истуканы, пляшите! — велела Аламеа своим верным вуду-последователям и, подавая пример, первой организовала дикий хоровод из полуобнаженных тел возле лизавшего брюхо ночи костра. — Больше страсти! — кричала она. — Больше рома! Больше кокса и секса! — И толпа в каком-то внезапном оживлении подхватила этот клич и начала тянуть нараспев, словно молитву.

В этом сумбуре никто и не заметил, как появились первые слуги, хозяев которых убило Наследие. Робко, чувствуя себя ненужными на этом карнавале страстей, они держались в стороне, пока на них не обратила внимания новая королева вуду.

— Кто-нибудь, накормите наших новых друзей, — велела она.

Увлеченные карнавалом люди не услышали призыв. Тогда Аламеа остановила музыку.

— В чем проблема? — всплеснула она руками. — Я плачу за все. Что, никто не хочет заработать?

Нетрезвая месса растерянно переглядывалась. Старая мамбо отправила унси в ближайшее кабаре за парой девушек, готовых продать свою кровь. Помощник жрицы бросился исполнять поручение, но старые слуги уже потянулись прочь, чувствуя себя лишними. «А ведь из них могут получиться ценные союзники», — подумала Аламеа и стала умолять их вернуться.

— Я хочу видеть у костров всех! Всех в эту ночь. Всех в ночи следующие! — кричала она, едва не срывая голос. — Хочу видеть тебя! Тебя! И тебя! Каждого! Потому что, пока мы вместе, ночь веселья не закончится. Солнце будет вставать и садиться вновь, позволяя нам запалить новые костры. И ром никогда не закончится. От раскуренной нами марихуаны болота затянет туман. На рождество пойдет снегопад из кокаина. Афродизиак в нашей крови заставит ад покраснеть от стонов любви. И каждый слуга сможет выпить столько крови, сколько захочет. Все это я обещаю. Но если случится так, что веселье остановится, если кончится ром, кокс или кровь, то... — Аламеа поманила к себе одного из старых голодных слуг. — То я решу любую проблему! — Она запрокинула голову и показала кровососу, что он может укусить ее, выпить часть ее крови. — Пока мы вместе, мы сила! — прокричала Аламеа, перед тем как появившиеся у старого кровососа иглы вместо зубов проткнули ей артерию. Кровь хлынула ему в рот. Мысли затуманились, но Аламеа уже не впервые кормила старых слуг. Особенно в те дни, когда Анакони еще не знал, что она его дочь. — Играйте, черт возьми! Играйте! — велела она черным музыкантам, слыша, как где-то далеко начинают бить барабаны и дудеть трубы. — Играйте, — прошептала Аламеа, надеясь, что помощник старой мамбо приведет желающих продать свою кровь прежде, чем окружившие ее кровососы дождутся своей очереди. — Играйте... — она почувствовала слабость и обняла кровососа, чтобы не упасть, повисла на его шее и закрыла глаза.

Старуха мамбо, неловко варьируя между хороводов, словно ожиревшая напуганная курица, продвигалась к дочери бывшего короля, чтобы спасти ее, всучив кровососу другую девушку.

— Какого черта? — зашипела на нее Аламеа. — Думаешь, я делаю это впервые? — она заметила новую девушку, которой начал кормиться ее кровосос, и, неожиданно просияв, похвалила жрицу за оперативность, затем долго наблюдала за ходом поминок, грозивших превратиться в дикую оргию и наконец одобрительно кивнула. Не хватало лишь трона для новой королевы болот Мончак. Но потом наступило утро...

Аламеа проснулась ближе к обеду — дома, в своей кровати, с двумя еще совсем юными подростками. Они лежали по бокам кровати и тихо посапывали во сне. Аламеа растолкала их и прогнала прочь. Все еще нетрезвые и немного под кайфом, они, шатаясь, собрали свою разбросанную по комнате одежду и спешно убрались с глаз королевы вуду. В приемной их встретила старая мамбо. Аламеа слышала ее голос, слышала, как она рассчитывается с молодыми любовниками за проведенную с королевой ночь.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила мамбо, заглядывая в комнату.

— Не помню, мы убили вчера петуха или нет? — сказала Аламеа, поднимаясь на ноги. Прокушенная шея ныла и чесалась. — Надеюсь, кровосос не наградил меня никакой заразой, — проворчала она, снова вспомнила петуха, увидела свою окровавленную одежду, брошенную у кровати. — О, черт. Я отрубила ему голову, да?

— Толпе понравилось, и ты успокоилась только после того, как у нас закончились петухи.

— Ну, если толпе понравилось...

Аламеа оделась, спросила, во сколько им обошлась прошлая ночь, услышала примерную сумму, присвистнула, вышла на улицу и долго смотрела на безлюдный берег, где уборщики, нанятые покойным Моуком Анакони, уже успели прибрать следы минувшей вакхической ночи. Остались лишь дымящиеся костры да собранные в груды пустые ящики из-под выпитого рома. Аламеа сосчитала их и выругалась. Оставалось надеяться, что вложенные деньги окупятся. Новой королеве нужна свита и нужны новые истории, которые привлекут на болота приток туристов, старых, богатых слуг и... вендари...

Аламеа покосилась на далекий дом, где жила Ясмин. С одной стороны, эта девочка убила Моука Анакони, а с другой... С другой, она сделала его дочь новой королевой. Если отбросить нежелательных на болотах древних, то Аламеа готова была счесть этот размен равноценным. На подъеме удавшихся в прошлую ночь поминок она подумала, что было бы неплохо навестить Ясмин, спросить, почему ее не было вчера на берегу на поминальной службе...

— Ты называешь это службой? — скривилась Ясмин, впуская новую вудуистическую королеву болот в свой дом.

Аламеа пропустила колкость мимо ушей, прошла в гостиную, огляделась, спросила, нравится ли Ясмин новый дом.

— Я не хотела убивать твоего отца, — сказала Ясмин.

— Я не обижаюсь, — отмахнулась Аламеа. — Знаешь, как говорят: король мертв, да здравствует королева.

— Ну, если тебе от этого легче... — Ясмин нагло разглядывала следы укуса на шее своей гостью.

«Да, друзьями мы с ней точно не станем», — подумала Аламеа, не подозревая, что эта девочка способна читать ее мысли. Они обменялись парой ничего не значащих фраз, а затем, совершенно неожиданно, Ясмин сказала, что бывший парень Аламеа, голубоглазый Аполлон, был охотником.

— Его привела сюда старая слуга по имени Гедре. Твой отец задержал ее и хотел допросить, когда... — Ясмин сложила руки на своем внушительном животе. — Когда сила, заключенная в моем ребенке, уничтожила дом и всех, кто находился в нем.

— Скендер был охотником? — недоверчиво спросила Аламеа, не в силах оторвать взгляд от живота Ясмин. — И как... как, черт возьми, ты это узнала? Я жила с ним не один месяц, а ты увидела лишь однажды и...

— Я могу читать мысли, — сказала Ясмин. — Как старые слуги, знаешь? Только лучше, чем большинство из них.

— Вот как... — Аламеа недоверчиво заглянула ей в глаза.

— Я могла читать мысли и до того, как забеременела от вендари, — сказала Ясмин, прочитав ее мысли.

— Вот как... — снова протянула Аламеа, начиная чувствовать себя крайне неудобно в этом доме с этой беременной девочкой.

Во что она верит? На что надеется? Чему радуется? Ее могут хоть сто раз назвать королевой вуду — это не будет ничего значить. Иллюзорный титул. Иллюзорная вера. Всего лишь мишура и декорации для заработка. Ни один дух лоа не появится, хоть молись Папе Легбе всю жизнь. Глупая вера для недалеких и забава для туристов. Ничего больше. Шоу, где реален лишь петух, который носится среди трясущихся в экстатической пляске людей с отрубленной головой, заливая белые платья необразованных чернокожих женщин своей кровью. И кому нужна корона этой африканской диаспоры в Луизиане, когда рядом есть настоящие чудеса и реальные кошмары? Вендари, древние слуги, сверхлюди, нерожденные дети, способные уничтожить дом, а возможно, и целый остров...

— Не забывай еще охотников, — напомнила Ясмин. — От них твой бизнес может пострадать куда сильнее, чем от кровососов.

Аламеа кивнула, пробормотала, что ей пора уходить. Величие и радость удавшейся панихиды в минувшую ночь рухнули, звякнули разбитым стеклом пустых бутылок, в которых когда-то был хороший ром. Нужно было взять паузу, подумать, собраться.

— Что-то случилось? — спросила старая мамбо, когда Аламеа вернулась к себе. — Новая королева болот Мончак чем-то опечалена?

— Не сейчас, — отмахнулась от нее Аламеа, закрылась в кабинете отца и долго пересчитывала находившиеся в сейфе сбережения.

Деньги успокаивали и помогали отвлечься. В них была сила, а сила обещала власть. Особенно здесь, на болотах Мончак, где весь мир вращался вокруг легкого заработка. Обескровьте денежную систему этого мира, и он умрет, превратится в дикие земли, где за жизнь и власть борются лишь аллигаторы. Моук Анакони создавал славу этих болот не одно десятилетие. Сначала робко, тайно, маскируя этот микромир, оберегая от ненужных слухов. И микромир рос, мужал. Луизианское вуду служило отличным прикрытием. А после того, как появилось Наследие, начав охоту на вендари, Анакони стал нанимать беспризорных слуг, чтобы они улаживали, благодаря своим способностям забираться в головы других, проблемы с властями и законом. Это был уже новый

уровень, новая высота. Слава о болотах Мончак распространилась среди слуг. Многие приезжали сюда не просто отдохнуть, потратить деньги, а оставались на неопределенный срок. Им нравились безумные вакхические ночи и тихие, райские дни этого места. Их пленили охоты на людей, которые устраивал им король луизианского вуду. Посетителей было так много, что пришлось построить два новых каба и десяток баров вкупе с отдельными коттеджами на крошечных островах, где смогут жить гости и обслуживающий персонал.

Аламеа застала эту маленькую империю на пике ее расцвета. Казалось, еще немного, и здесь появится свой собственный миниатюрный Гринвич-Виллидж или Бродвей. Первые вендари, появившиеся на болотах Мончак, прячась от Наследия, предпочитали держать свое присутствие в тайне. Для них Анакони строил дома на удаленных от центра микромира островах. Древние селились там, и о них можно было забыть, вспоминая лишь когда появлялся новый вендари и нужно было выбрать для него остров подальше от соплеменника. Конечно, с годами свободных удаленных друг от друга островов становилось все меньше, но вендари, преследуемые Наследием, к тому времени готовы были потесниться. Некоторые появлялись в кабае, чтобы посмотреть устраиваемые там представления, но потом на болота прибыла Ясмин, и весь этот мир рухнул за пару дней.

«Одно дело позволять гордым древним верить, что они хозяева и боги этого места, — думала Аламеа, — и совсем другое — преклонять колени, когда они приходят, чтобы заявить о своих правах». И бороться невозможно. Да и нечем бороться. Нет в этом мире таких сил и уловок, чтобы заставить власть ночи склониться. Лишь солнце разгоняет тени по пыльным углам. Но солнце неечно. Капризное светило не может висеть на небе круглый год. А ночью... «Ночью самое время начать верить в вуду», — нервно рассмеялась Аламеа, прикидывая, насколько еще благотворительных мистерий хватит отложенных отцом на черный день сбережений. «Две недели? Месяц? Нет, так мы далеко не уедем», — думала Аламеа, наблюдая, как к берегу начинают стягиваться люди. Их не было здесь минувшей ночью, но слух принес запах халявы, и вот они тянулись к потухшим кострам, словно стервятники в надежде подобрать оставшиеся крошки пиршества. Чуть позже, когда начало темнеть, к берегу стали стекаться участники минувшей вакханалии. Пришли и два тощих миловидных подростка, с которыми Аламеа проснулась в это утро. Они остановились возле ее окна и приветственно помахали. Аламеа скривилась и показала им средний палец. Вернее, нет, не им — показала всем этим болотам в целом.

— Не все так плохо, — сказала ей старая мамбо.

— Ты тоже научилась читать мысли? — зашипела на нее Аламеа.

Толстая чернокожая жрица прикусила язык.

— Иди лучше сделай пару амулетов и помолись loa, — посоветовала ей молодая королева вуду. — А мне еще нужно занять свой трон в эту ночь.

Последнее не было преувеличением или игрой слов. Моук Анакони, как только дела на болотах Мончак пошли в гору, действительно обзавелся старым, тяжелым тронном, который привезли не то с Гавайев, не то из Европы — ныне покойному королю вуду никогда не было до этого дела. Он просто выносил трон время от времени на берег и закатывал экстатические пляски, восседая на троне и глумливо улыбаясь, словно действительно говорил с духами, зная судьбу каждого из тех, кто сейчас плясал у костра.

— Еще одна ночь, — сказала Аламеа старой мамбо. — Вчера поминки. Сегодня коронация.

Толстая жрица не возражала. Моук Анакони не был ангелом, и никто не говорил, что ангелом должна быть его дочь. Поэтому проще проверить трон, смахнуть с него пыль, отмыть от крови жертвенных петухов и принять вещи такими, какие они есть.

Аламеа не суетилась, не нервничала и не переигрывала. Она сидела на троне и наблюдала за ночной мистерией так же, как когда-то это делал отец. Вот только контроль и самообладание были видимыми, напускными. Особенно после того, как к ней подошел один из слуг древнего, что жил последние дни рядом с домом Ясмин, и сказал, что его хозяина беспокоит шум.

— На кой черт тогда твой хозяин перебрался на главный остров, если он не любит шум? — спросила Ясмин. — Для вендари мы строим дома в отдалении.

— Просто покиньте берег и закройтесь в кабаре, — сказал слуга перед тем, как уйти.

— Как бы не так, — процедила сквозь зубы Аламеа и велела принести еще рома и психоделиков.

Толпа оживилась, загудела, требуя марихуаны и кокаина.

— И как сильно вы этого хотите? — раззадоривала их Аламеа, заставляя кричать все громче и громче, надеясь, что заносчивые вендари не смогут уснуть в эту ночь.

Они и не уснули — появились на берегу и начали убивать веселившуюся толпу. Одного за другим. Плановмерно, прагматично. Просто шли от костра к костру, разрывая глотки, вспарывая животы и отрывая конечности. Опьяненные наркотиками и алкоголем люди не сразу поняли, что происходит, а когда поняли, заметались по острову, словно напуганные тараканы в комнате, где неожиданно включили свет. Вудуистическая паства разбежалась. Рядом с Аламеа осталась лишь старая мамбо, которая не то решила, что с ее комплекцией нет смысла пы-

таться сбежать, не то была напугана так сильно, что ноги приросли к земле. Вендари ходили по пляжу, заливая землю кровью накачанных наркотиками людей, и не замечали королеву вуду. Она так и просидела на своем троне до утра. Вендари ушли. На берег выползли аллигаторы. Одни хищники сменили других. Аламеа заставила себя подняться. То ли по воле случая, то ли кто-то счел это хорошей шуткой, но дорога от трона до дома, где она жила, была усеяна внутренностями и оторванными конечностями.

— Наверное, это сделал кто-то из чокнутых слуг древних, — сказала Аламеа.

Старая мамбо кивнула, крепче сжала мешочек-амулет на своей шее.

— Это нам не поможет, — заверила ее новоиспеченная королева вуду. Она прошла в кабинет отца, открыла сейф, собрала в чемодан деньги.

— Хочешь уехать? — спросила старая мамбо.

— А ты хочешь остаться?

Толстая жрица думала пару секунд, затем качнула головой. Они вышли из дома вместе. Причал был пуст, все лодки затоплены. Аламеа выругалась.

— Кажется, новая власть диктует новые правила, — услышала она голос Ямин, обернулась, долго мерила беременную девочку гневным взглядом.

— Это ты что ли новая власть? — прошипела Аламеа.

— На кой черт мне эти болота? — скривилась Ямин.

— Тогда скажи своим древним цепным псам...

— Не знаю, поняла ты это или нет, но вендари никому не служат. Я здесь такая же пленница, как и ты, — Ямин забралась в голову королевы вуду и показала, как родители держали в подвале плененного древнего, ставшего отцом ее ребенка. — Он всегда хотел убить нас. Освободиться и убить. И когда Наследие пришло к нам и я освободила Гэврила, он сражался не за меня. Он сражался за своего ребенка под моим сердцем. Сейчас вендари охраняют этого ребенка. До моей беременности я была для них животным, сосудом, который можно осушить, и буду им, скорее всего, после родов. Так что...

— Только не пытайся сказать, что мы на одной стороне, — фыркнула Аламеа, покидая причал.

Никто не вышел на работу в тот день, чтобы убрать растерзанные тела. Даже аллигаторы — и те насытились, оставив окровавленную плоть гнить на берегу. Несколько молодых жигало попытались сбежать на самодельном плоту, надеясь, что днем никто не попытается остановить их. Аламеа видела, как подростков утащили на дно аллигаторы.

— Думаешь, их заставили это сделать древние? — спросила она Ямин.

— Не знаю.

— Ну, так загляни аллигаторам в головы и скажи.

— Никогда не любила забираться в головы животных и уж точно не собираюсь этого делать сейчас, — сказала Ясмин.

Аламеа кивнула, молчала какое-то время, затем честно призналась, что впервые в жизни боится заката.

— Как думаешь, что будет, когда зайдет солнце?

— Ничего хорошего, — проворчала старая мамбо, которая ни на шаг не отходила от своей молодой королевы.

Несколько слуг, не настолько древних, чтобы солнце могло причинить им вред, вышли на улицу обойти владения своего нового мира. Чуть позже, когда наступила ночь, они подошли к Аламеа и велели возобновить представления в кабаре и барах.

— Жизнь продолжается, — сказал один из них и, подмигнув, потискал королеву вуду за груди.

Аламеа не двигалась, смотрела молодому слуге в глаза и думала, что хуже быть не может. Мир родился на болотах Мончак, окреп, возмужал, повысил численность и получил революцию. И нет шанса сбежать. Теперь ты либо веселишь древних слуг и вендари, либо становишься их пищей. И никакого бизнеса. Аламеа не пыталась возражать, когда кровососы реквизируют ее запасы алкоголя и наркотиков. Не возражала она и когда кто-то из старых слуг, бывавших на болотах раньше, вспомнил, что нынешняя королева, которой удаются такие замечательные представления в кабаре, выступала и сама когда-то на сцене. Этот слуга пожелал снова увидеть ее в деле.

— Хуже уже не будет, — сказала она старой мамбо, готовясь к своему первому за последние годы выступлению.

С того дня старый трон отца стал всего лишь декорацией в очередной эротической постановке на сцене главного кабаре. Ночи стали невыносимо долгими, а дни безнадежно короткими. Аллигаторы выбирались на берег, чтобы забрать обескровленные тела. Убивали обычно самых трусливых. Никто не хотел видеть слезы и страх в новом мире. Так что если ты хотел жить, то нужно было улыбаться и уметь развеселить старых слуг вендари, которые, возможно, замолвят за тебя слово, когда настанет время кормить их хозяев. Никто не чувствовал себя в безопасности. Даже новая власть, особенно после того, как узнала о гибели Наследия.

Весть о ребенке по имени Фонсо разнеслась по болотам Мончак, накалив и без того беспокойную обстановку. Аламеа была вынуждена оставить дом, где теперь поселились новоприбывшие вендари. Королева вуду перебралась вместе со старой мамбо в крошечную комнату на окраине острова, где ютилась большая часть работников кабаре. Им приходилось выступать ночи напролет, потому что если ты не был на

сцене, значит, старые слуги забирали тебя в зрительный зал в качестве пищи. Люди умирали от потери крови, истощения, наркотиков, которыми многие слуги любили накачивать своих жертв во время кормежки... И еще людей убивали вендари, продолжавшие прибывать на болота Мончак вместе со своими слугами, требуя пищи. Много пищи, чтобы набраться сил перед решающим боем с Фонсо, который, если верить слухам, искал ребенка Ясмин. Вообще казалось, что весь мир вращается возле этого ребенка. Аламеа слышала, что ушедшая в подполье паства вуду планировала не то наложить проклятье на молодую мать, не то совершить покушение. Слышала она и о том, что вендари напуганы появлением новой силы и планируют ускорить роды Ясмин или вырезать ребенка из ее чрева прежде, чем Фонсо прибудет на болота Мончак. Слухи подтвердились, когда кровососы начали ходить по баракам, где на тот момент селились бывшие хозяева островов, и узнавать, нет ли среди них врача-акушера.

— Не признавайся, — приказала Аламеа старой мамбо, боясь потерять последнего друга в этом безумном мире, но слуги могли заглянуть в мысли и узнать все без слов.

Толстую жрицу забрали из бараков и увели в дом, где был установлен примитивный операционный стол. Старая мамбо отказалась использовать скальпель, заверив слуг, что сможет ускорить роды отваром из трав.

— Это будет безопаснее для ребенка, — сказала старая мамбо.

Кровососы так долго изучали ее мысли, что у нее пошла носом кровь. Заглянула в мысли толстой чернокожей жрицы и Ясмин. Заглянула просто так, надеясь лишь на то, что когда отвар будет готов, ее ребенок снова взбунтуется и уничтожит тех, кто хочет причинить ему вред. «А лучше и все эти проклятые болота», — подумала Ясмин. Она не была пленником, но и не чувствовала свободы. Старые слуги каждый день водили ее встретиться с их хозяевами, продолжавшими прибывать на остров. Дикие, древние, напуганные рождением Фонсо. Они принимали Ясмин, питаясь на ее глазах, осушая очередного человека, отбрасывая бездыханное тело как тряпичную куклу. Глядя им в глаза, Ясмин всегда вспоминала Клодиу, полукровку, и никогда Гэврила — отца ребенка в своем чреве. Но Клодиу сбежал, спятил. А Гэврил был уже мертв. Все, кто окружал Ясмин, либо сбежали, либо были мертвы. Саша Вайнер, Либена, Киан. Рада бы не сбежала, но она погибла, когда Клодиу пытался убить себя, а заодно и всех, кто был рядом, разбудив ребенка Ясмин... Так что теперь она была одна — мрачная, подавленная, потерявшая надежду, с грузом чужих воспоминаний на плечах, потому что только так можно было скоротать долгие бессонные ночи. Она искала мысли живых людей, коих с каждым новым днем становилось на болотах Мончак все меньше и меньше, забиралась в их головы и пыталась

забыться, просматривая, словно фильм, воспоминания о детстве, юности, отрочестве... Довольно часто Ясмин забиралась в сознание местной королевы вуду, делая это лишь потому, что Аламеа оставалась последним живым человеком, которого она знала.

— Если хотите, чтобы я приняла зелье старой ведьмы, — сказала Ясмин, когда мамбо приготовила отвар из трав, — тогда приведите местную королеву вуду. Пусть будет рядом во время родов.

Древние не возражали. Они вообще не относились к Ясмин как к пленнице. Скорее, как к животному, как люди бы относились к шимпанзе, носившей в своем чреве человеческого ребенка, — сам факт зачатия богохульство и мерзость, но дитя чист и невинен.

Когда древние послали своих слуг за королевой вуду, Аламеа решила, что это конец — ее отведут к одному из вендари и выпьют всю кровь. «Впрочем, могло быть и хуже», — думала она по дороге, вспоминая все те мерзости, что проделывали безумные кровососы с некоторыми девушками.

— Не радуйся, никто не убьет тебя сегодня, — сказала Ясмин, когда они встретились.

Аламеа увидела старую мамбо и честно призналась, что уже давно похоронила ее в своих мыслях. Старуха оживилась и заворковала о духах лоа, оберегавших ее.

— К черту твое вуду, — сказала Аламеа.

Старая мамбо не обиделась. Да и некогда было обижаться. Принятый Ясмин отвар из трав начинал действовать.

— Если ребенку это не понравится и она снова начнет уничтожать все вокруг, уходи сразу, — сказала она Аламеа. — Беги так далеко, как только сможешь.

Аламеа вспомнила, как умер ее отец, и как-то неловко пошутила о том, что он бегал быстрее нее, но все равно не смог спастись.

— В тот день погиб не только он, — сказала Ясмин, показывая королеве вуду историю Рады, с которой успела подружиться. — Можешь обижаться, но она была лучше твоего отца.

— Она была кровососом, — отрезала Аламеа, хотя некоторые из увиденных фрагментов и вызвали зависть. Особенно путешествия.

— Почему ты никогда не покидала Луизиану? — спросила Ясмин, читая мысли королевы вуду.

Аламеа хотела послать ее к черту, открыла рот, чтобы сказать это, но затем передумала, пожала плечами. Из множества воспоминаний старой слуги ей больше всего нравились те, где Рада жила в Бразилии. Жила без своего хозяина. Жила как обычный человек. Кровь вендари для слуг была как наркотик, который не только приносит удовольствие, но и обещает вечную жизнь. «Сколько же мужества надо иметь, чтобы

отказаться от этого?» — подумала Аламеа и тут же покосилась на Ясмин, понимая, что девочка, скорее всего, снова увидела ее мысли. Ясмин не увидела. В животе что-то кольнуло, боль распространилась по всему телу, раскатилась от эпицентра, завязнув где-то в голове и ступнях. Ясмин вздрогнула, покосилась на старую мамбо. Толстая жрица широко улыбнулась в ответ. Боль была разовой, но, заглянув в мысли мамбо, Ясмин увидела, что скоро спазмы повторятся, обретут систему. Старая мамбо подошла и осторожно прижала ладонь к ее большому животу.

— Все будет хорошо, — пообещала она.

Древние слуги наблюдали за ними. Ясмин чувствовала, что в дом начинают стягиваться вендари. Они не хотели видеть муки роженицы, но предпочитали находиться рядом, когда появится ребенок их вида. Самка.

— Ненавижу быть рядом, когда это происходит, — проворчала Аламеа, злясь, что старая мамбо заставила ее помогать. Вернее, не заставила — уговорила. Аламеа злилась на себя, потому что не смогла отказать.

— Как так вышло, — спросила Ясмин, — что, будучи шлюхой, ты ни разу не прошла через это? Не сделала ни одного аборта?

— Я была прагматиком и эгоистом. И прежде, чем мне стало плевать на все, встретила отца, — Аламеа помолчала, решив, что Ясмин и сама все увидит, заглянув в ее воспоминания, но ей сейчас было не до этого. — Если бы ты жила там, где я, видела то, что видела я, то навряд ли оказалась бы на болотах Мончак с ребенком древнего в животе... — Аламеа собиралась упрекнуть роженицу за то, что она выросла в благополучной семье, но крик Ясмин заставил ее замолчать.

— Все хорошо, — спешно сказала старая мамбо. — Все хорошо.

В последующие несколько часов она будет говорить эти слова так часто, что Аламеа начнет тошнить от них, от криков Ясмин, от напряжения, повисшего в воздухе, от кровососов, которые наблюдали за процессом с видом каменных статуй...

Ребенок родился на экваторе ночи. Девочка. Крупная, голубоглазая. Старая мамбо держала младенца на руках, а по комнате разносился пронзительный плач. Разносился по всему дому. Ясмин лежала на кровати — бледная, усталая, и смотрела не на ребенка, а куда-то за окно, в ночь. Аламеа подумала, что юная роженица просто находится на грани сознания и забытья и взгляд этот ничего не значит. Разве не должна мать смотреть на своего ребенка? Разве не должна тянуться к нему? Или же... Аламеа недоверчиво выглянула в окно. Ночь — абсолютная, темная, непроглядная. Ни звезд на небе, ни теней на болотах. Только густая тьма. Аламеа недоверчиво протянула руку, пытаясь прикоснуться к пульсирующей субстанции.

— Не надо, — услышала она хриплый голос Ясмин, уставшей от затянувшихся родов. — Не трогай это.

— Это? — Аламеа вздрогнула, вспомнив смерть своего отца.

Собравшиеся в доме вендари поднялись по лестнице на второй этаж и начали по одному заходить в комнату роженицы, чтобы засвидетельствовать свое почтение появившемуся на свет ребенку — самке, которая ничем не отличалась от обычного младенца, если не считать зловещей, черной, как бездна, субстанции, окутавшей дом. Древние смотрели на девочку, затем на Ясмин, на старую мамбо, на Аламеа и снова на ребенка.

— Почему? — спросил наконец вендари из второй или третьей дюжины вошедших взглянуть на самку древних. — Почему я не вижу ее мыслей? — древний уставился на старую мамбо, словно она могла поменять младенца. — Что вы сделали с самкой?

Толстая жрица нервно качнула головой. Вендари по имени Закир шагнул к ней, готовый разорвать на части и отыскать в ошметках плоти и крови ответ.

— Эй! — крикнула Аламеа и, когда Закир обернулся, указала на окно. — Это случаем не то, что ты ищешь?

— Это? — вендари долго смотрел на черную субстанцию за стенами дома. — Это... — он подошел к окну и осторожно протянул руку, чтобы прикоснуться к манившей тайне.

Это было прошлое. Это была история. История вендари. История мира. Она хлынула в сознание Закира, а затем и в сознания остальных вендари. Аламеа вздрогнула, почувствовав, что сила, окружившая дом, пробирается и в ее голову. Детство вендари и планеты. Все, кто был в доме, видели, как зарождается жизнь. Биологическая жизнь. Ее колыбелью были гейзеры и горячие источники, моря и водоемы с пресной водой. Жизнь в своем примитивном виде была многообразной в зависимости от среды обитания. И жизнь эта привлекала другую жизнь — мрачную, темную, холодную, как бесконечный космос. Жизнь, чуждую миру материи. Жизнь, сотканную из энергии, бесконечности. Жизнь, которая зародилась прежде, чем сформировались планеты, построила свой собственный мир, достигла пика и теперь стремилась к развитию, переходу на новый уровень. Вселенная развивалась, и древняя жизнь стремилась развиваться вместе с ней, приспосабливаясь, отвоевывать себе место в новом мире материи, тепла, света... Так они стали отражением нового мира, тенью, взаимодействуя с энергией звезд, щедро поливавших молодые планеты теплыми лучами, прокладывая тернистые тропы для химической эволюции и зарождения первых органических веществ, позволяя развиться новой жизни, распуститься дивным цветком. И тени — древние осколки пережившей себя цивилизации, канувшей в глубинах эволюционировавшей вселенной, — становились частью этой новой

жизни. Робкой, но древней в своей мудрости частью, стремившейся к симбиозу с новым миром. Членистоногие, рыбы, наземные растения, насекомые, первые земноводные, млекопитающие, птицы, цветковые растения, динозавры... и где-то там, среди всего этого буйства жизни, вид, которому надлежало стать человеком. Стать после того, как вирус изменил часть божественной, древней субстанции, сумевший вступить в симбиоз с этими хрупкими телами, подарив им силу и бессмертие канувших в небытие времен бесконечно развивающейся Вселенной.

Вирус был частью развития, крошечной крупницей в песках времени, но важной для человечества. Вирус вторгся в симбиоз пришедшей из глубин Вселенной энергии и молодого мира. Новый вид, новая поросль молодых тел с древней душой отступала под натиском перемен. Древние. Одного за другим они теряли сородичей, которых природа делала уязвимыми, слабыми, сохраняя лишь крупницы былой силы, жалкие крохи, капли населявшей эти тела энергии космоса, стертой под натиском эволюционировавшего бытия цивилизации. Но вирус не мог уничтожить древнюю жизнь, выкосив ее новые ростки под корень. Но кое-кому из этого вида удалось уцелеть. Вида, который питался друг другом, охотился друг на друга, насыщаясь энергией собратьев. Но после того как вирус изменил большую часть их популяции, с каннибализмом пришлось проститься, устремив свой взор на новую поросль — людей, в крови которых сохранилась часть энергии древней расы. Незначительная часть, но если древние хотели выжить, приспособиться, то с этим нужно было смириться. Так появился вечный голод. Нужно было осушить десяток, сотню человек, прежде чем удастся взять безумие под контроль. Но людей было еще немного. Настоящих людей. Какое-то время древние предпочитали охотиться за полукровками — еще не людьми, но уже и не бессмертными. Этот вид утолял голод лучше, чем люди. Так что природа в своем эволюционном развитии не оставила ему шанса на спасение.

Древние преследовали полукровок, охотились на них, пытались выращивать, как домашних животных. Но для последнего полукровки были слишком сильны, поэтому древние в основном ограничивались загонами с людьми, плодившимися и размножавшимися так быстро, что вскоре в искусственном поддержании популяции отпала нужда. Люди сами вызывались служить древним, приводить к ним жертв для кормежки. Древние стали первыми богами, первым кошмаром и первой силой, которой поклонялись люди. Потом новый вид расплодился так сильно, что многие поколения, сбежавшие с пастбищ в леса и свободные территории, забыли о своих хозяевах. Древние превратились в легенды, слухи, страхи перед темнотой, а затем и вовсе забылись, уступив место новым тотемам. Древние не возражали — какое им было дело до того, во что верит их пища? Главное, что где-то есть поселения,

способные утолить голод. Главное, что после вспышки изменившего их вируса, они приспособились к новой жизни. Каннибализм остался в далеком прошлом, превратился в тень, призрак истории. Природа дала древним второй шанс. Самки снова готовы были приносить потомство. Вот только теперь, когда голод стал частью жизни, никто уже не думал о росте популяции. Никто из самцов. Потому что самки были ненасытны в своем голоде и желании накормить потомство.

Они совершали набеги на поселения, уничтожая всех, кто попадался на глаза. Пройдет еще пара лет, и молодой вид под названием человечество вымрет, и тогда голод останется неутоленным. Этот вечный, главенствующий в сознании голод, что доносится из глубин бытия, Вселенной, где некогда жила часть сознания древних. Поэтому древние решили уничтожить своих самок. Не ради людей, а ради себя. Ради своего голода и своей жадности, не позволявшей терять так много пищи на вскармливание потомства. Долгой была эта война и кошмарной, от которой, казалось, содрогнулась вся планета... И сейчас, десятки, сотни тысячелетий спустя, при упоминании той войны содрогался дом, где появилась на свет первая самка после истребления, содрогался весь остров, все болота Мончак. Сила, энергия, тьма прошлого из глубин Вселенной, пришедшая в этот современный мир вместе с младенцем, негодовала.

Вендари. Самцы... Звякнули разбившиеся стекла в доме. Море тьмы хлынуло в образовавшиеся бреши. Гнев. Это уже не был вихрь, забравший жизни Моука Анакони и многих других слуг. Это было цунами, ураган, стихийное бедствие, разверзшееся жерло вулкана, решившее любой ценой устранить угрозу — самцов древнего вида, которые однажды уничтожили своих самок в угоду своему голоду, страху за людские пастбища. И сила эта не интересовалась людьми или древними слугами. Только вендари. Только самцы.

Аламеа видела, как тьма потянулась к Закиру — вендари, находившемуся в комнате роженицы. Тьма защищала ребенка. И тьма пылала, бурлила гневом. Закир метнулся в сторону, пытаясь увернуться от цепких лап безудержной силы, прикрылся старой мамбо, надеясь, что тьма успокоится этой жертвой. Но в эту ночь гнев был разборчив. Он не считал все на своем пути. Пока не считал. Он жалил — точно, расчетливо. И невозможно было скрыться от кары за содеянное тысячи лет назад. Старая мамбо вскрикнула, когда тьма отшвырнула ее в сторону, лишив Закира живого щита, затем нависла над забившимся в угол самцом, смакуя это блюдо несколько долгих секунд, и наконец обрушилась, проглотив древнего. Ничего не осталось. Лишь тьма, которая отступала, словно недовольная морская волна, оставляя песчаный берег.

Младенец. Девочка. Самка. Она лежала в приготовленной колыбели и завороченно смотрела, как возвращаются висевшие над ней игрушки. Абсо-

лютная тьма покидала дом. Проглотила всех вендари, что были внутри, и теперь шла за теми, кто еще остался на островах. Древние. Сила чувствовала их. На болотах Мончак, в Луизиане, в Новом Свете и старой, как мир, Европе, среди льдов и в жарких африканских пустынях. Где-то далеко от Ясмин и ее дочери абсолютная тьма нашла и Клодиу, полукровку. Он не сопротивлялся. Смерть была у него в сердце, но... Но тьме не нужна была человечность. Поэтому черные волны хлынули дальше...

— Нужно убираться отсюда к черту! — сказала Аламеа, помогая старой мамбо подняться на ноги.

За разбитыми окнами дома было слышно, как кричат люди и древние слуги. Все смешалось: страх, отчаяние, благоговейный трепет перед непостижимым. Аламеа выглянула в окно, на причал. Лодки, на которых прибыли последние вендари, все еще качались на беспокойных, затянутых зеленой трясинной водах древних болот Мончак. Но паника уже стихала, позволяя людям и кровососам собраться, обдумать все и принять решение — бежать. И все эти тела, все эти испуганные мешки крови бросились к причалу, давя друг друга, ломая кости, разрывая ночь дикими криками. Люди прыгали в лодки, бежали с острова, как крысы с тонущего корабля. Десятки людей. Они толкали друг друга, били, резали, кололи, кусали... Потом переполненные лодки перевернулись и пошли ко дну. Люди оказались в воде, где на них набросились аллигаторы. Те, кто был еще на причале, отхлынули к берегу. Покинуть остров удалось лишь нескольким старым слугам, да и то лишь потому, что они воспользовались парой лодок, пришвартованных с другой стороны берега. Сейчас, услышав рев моторов, люди и кровососы у причала стихли и смотрели, как две лодки уплывают в ночь. Сбежавшие слуги молчали. Прожитые годы научили их не тратить силы на надежды. Если судьбе будет угодно, то они выберутся с болот Мончак, затеряются в людской толчее; ежели нет... Ночные птицы тревожно взмыли в черное небо, громко хлопая крыльями. Абсолютная тьма прокатилась по миру, собрала урожай из древних и теперь возвращалась назад к новорожденной самке этого вида, к младенцу. Возвращалась волнами. Беглецы сумели избежать встречи с первыми тремя, но четвертая накрыла одну из двух лодок, перевернула ее, дав пищу аллигаторам. Уцелевшие слуги не стали останавливаться. Бежать. Бежать прочь...

Правда, на причале их встретило еще одно зло — Фонсо. Сын Наследия подросток. Теперь ему было лет двенадцать-четырнадцать на вид. Клео стояла рядом. Машина оставлена. Нужна лодка, чтобы добраться к сердцу проклятых болот Мончак. Старые слуги пришвартовались, выбрались на причал. Надежда. Шанс на спасение перестал быть зыбким, обрел плоть, но затем слуги увидели Фонсо. Позволив сбежать от одной тьмы, судьба привела их к другой. Фонсо ни о чем не спрашивал слуг.

Он забрался к ним в головы, увидел, от чего они бегут, и велел вырвать себе трусливые сердца.

— Нужно было остаться и умереть со своими хозяевами, — тихо сказал Фонсо под звуки рвущейся плоти и ломающихся костей. Когда кровососы добрались до своих сердец, вырвали из груди — жизнь оставила их. Фонсо повернулся к матери. — Ты тоже сбежишь от меня, как только почувствуешь опасность? — спросил он.

Клео не ответила.

— Тогда... — Фонсо хмуро посмотрел на лодку. — Тогда дальше я пойду один. Не хочу презирать тебя за предательство.

Он переступил через окровавленные тела кровососов, забрался в лодку. Черные воды вспенились ожившими тенями. Следовавшая за Фонсо сила сожрала часть причала. Клео упала в воду. Фонсо знал, что она выживет, выберется на берег, но чувствовал, что должен, обязан причинить ей вред за предательство. Причинить сейчас, дав надежду, что все закончилось, а затем отыскать и заставить улыбаться до конца своих дней. Улыбаться и плакать...

Когда Фонсо добрался до острова, где находился Претендент, древние слуги и люди успели уже успокоиться. Паника стихла. Лишь в воздухе все еще весело напряжение, предчувствие новой бури, да стонали те, кто пострадал в давке при попытке бегства. Люди с переломанными конечностями и ребрами сидели у причала, и их жалобы раздражали Фонсо еще сильнее, чем трусость встреченных чуть раньше беглецов, мысли которых показали ему дорогу сюда. Гигантская волна теней поднялась за спиной мальчика и обрушилась на берег, забирая страдальцев и тех, кто пытался им помочь. Затем волна отступила, оставила голый берег, забрав не только людей, но и части построенных сооружений. Фонсо выбрался из лодки. Поврежденный тенями причал трещал и разваливался под его ногами. Фонсо не падал в болото только лишь потому, что служившие ему тени заделывали бреши своей плотью. Мальчик шел по живой, извивающейся темноте к дому, где находились Ясмин и ее ребенок. На острове снова поднялась паника. Некоторые из самых отважных метнулись по разрушенному причалу к единственной лодке, обещавшей спасение. Строение затрещало, зашаталось под их весом и рухнуло в воду, где еще клубились голодные тени. Крики утонули в бездне вечности. Несколько кровососов, имевших неосторожность встать на пути Фонсо, мальчик-монстр разорвал собственными руками, остальные бросились врассыпную: к другой части острова, в болота, куда угодно, лишь бы удовлетворить свой панический инстинкт самосохранения...

Теперь дом, где лежит в колыбели претендент. Самка. Окна разбиты. Двери сорваны с петель. Крыша местами обвалилась. Но внутри есть люди. Люди рядом с претендентом. Аламеа вскрикнула и упала на коле-

ни, когда Фонсо забрался к ней в голову, изучая воспоминания. Из носа и ушей хлынула кровь... Нет, это не претендент и не ее мать... Что-то злое коснулось сознания старой мамбо, затем проникло в мысли Ясмин и уже от нее попыталось дотянуться до младенца. Тьма, пришедшая в этот мир вместе с самкой вендари, оживилась, укрыла дом своим непроницаемым саваном. Тьма дочери Ясмин и тени Фонсо — две силы, единые в своей природе. Две армии, которым суждено было испытать друг друга на прочность в эту ночь. Фонсо еще раз попробовал добраться до сознания дочери Ясмин, понял, что для этого ему придется сначала разделаться с охранявшей самку вендари тьмой, и обрушил на дом подчинявшееся ему море теней. Гигантская волна поднялась над островом, сметая на своем пути случайные постройки, глотая людей, древних слуг, аллигаторов, но дом, где находился претендент, где находилась новорожденная девочка, устоял. Фонсо раздраженно затопал ногами. За его спиной поднялась еще одна волна. Но бастион претендента снова устоял. Это был вызов могуществу Фонсо.

— Я проглочу тебя! — заорал он лежавшему в колыбели ребенку. — Проглочу целиком!

Третья волна теней обрушилась на дом, но теперь на штурм бросился и сам Фонсо. Гнев заставил его повзрослеть. Мальчик превратился в юношу. И юноша этот, искрясь метаморфозами, прорывался в неприступный бастион, прокладывая себе дорогу клыками и когтями. Он разрывал вставшую на его пути тьму, глотал, бросал обрывки к своим ногам, где их уничтожали голодные тени, которым было все равно, что жрать. Голод вечности невозможно утолить. Жажду власти невозможно компенсировать менее значимыми свершениями. И две силы сталкиваются, захлебываются друг в друге.словно ночь, стараясь стать еще темнее, глотает саму себя, отрывает и снова глотает, с каждым кругом оставляя миру все меньше и меньше света. Фонсо пробился в дом, взвыл ликуя. Ребенок, подросток, юноша... Зрелым мужчиной он добрался до лестницы на второй этаж. Тело было крепким. Тьма, проглоченная им, прибавляла сил, могущества. И лестница, по которой он поднимался, прокладывая себе путь сквозь густой, как смоль, мрак, вела его к небу, к вершине власти. Ради этого стоило жить. Ради этого стоило умереть. Волосы Фонсо начали седеть, но он уже не мог остановиться. Новый властелин мира уничтожал армию претендента, выжигая себя своим собственным могуществом. Но претендент все еще был жив. Этот странный ребенок. Самка. Вендари. Тьма, защищавшая ребенка Ясмин, хлынула в комнату, где еще недавно звучали крики роженицы. Густая тьма, абсолютная.

Старая мамбо вскрикнула, когда ночь окутала ее, проникла в легкие, в кровь. Аламеа и Ясмин замерли, потому что в этой густоте невозможно было двигаться, дышать. Нетронутой оставалась лишь колыбель с ново-

рожденным ребенком, к которой прокладывал себе путь Фонсо. Фонсо-старик. Седой, сморщенный, сгорбленный. Понимал ли он, что происходит? Да. Мог ли остановиться? Нет. Да и невозможно остановиться, когда цель уже так близка — колыбель. Едва Фонсо пробрался в комнату, едва увидел младенца, и колыбель стала центром мира, тронм верховного правителя, до которого оставалось лишь несколько шагов. Еще чуть-чуть. Совсем немного. Фонсо сорвал с себя рубашку, позволяя тьме просачиваться сквозь поры морщинистой, старческой кожи. Теперь открыть рот. Глотать мрак, пить ночь. Первенец Наследия по имени Эмилиан родился, вырос и превратился в старика, ставя перед собой целью встретиться с Отцом, убить Отца и забрать его пастбища. Таким был центр его мира. Такими были его цели. И уже древним старцем он вернулся к Матери, к Габриэле, дав жизнь Наследию. «Какие мелочные мысли и цели, — думал Фонсо. — Какое ограниченное восприятие. И какой долгий, утомительный путь!» Он сделал еще один шаг в направлении колыбели, в направлении центра мира, центра жизни и всех надежд, ожиданий, потребностей. Претендент. Смерть претендента. Абсолютная власть...

Слабые, разбитые артритом колени Фонсо задрожали... Еще один шаг. Зубы выпали, седые волосы слезли с покрытого старческими пятнами черепа. Ни метаморфоз, ни сияния. Фонсо упал на колени, пополз к колыбели, продолжая впитывать в себя тьму. Трон мира был прямо перед ним. Нужно лишь протянуть руку. Нужно... Скрюченные, с выпавшими ногтями пальцы вцепились в колыбель. В руках не было силы, но высохшее тело стало легким, воздушным. Фонсо подтянулся, заглянул в колыбель. Девочка. Самка. Голубые глаза ребенка доверчиво воззрились на убийцу, тирана. Трон мира... «Она не понимает, — подумал Фонсо. — Она не борется за власть. Ни за что не борется. Это ребенок. Просто ребенок».

— Я уничтожил твою силу, — проскрипел старческим голосом Фонсо, все еще надеясь на финальную схватку, но девочка в колыбели лишь улыбнулась ему беззубым ртом младенца.

Остатки тьмы пробрались под кожу Фонсо. Абсолютная власть. Абсолютная сила. Он стал древней мумией. Плоть — пергаментом. Холодный, гнилостный ветер с болот Мончак ворвался в разбитое окно, смахнул превратившуюся в пепел кожу Фонсо, обнажая серую, отслаивающуюся плоть, под которой были полые, хрупкие кости. Фонсо разваливался, распадался, заполняя комнату прахом своего тела. Пепел кружился под потолком, оседал на мгновение на полу, шкафах, а затем, подхваченный ветром, уносился прочь, за окно, в гнилостные болотные топи...

— Твою мать! — не сдержалась Аламеа, когда все закончилось.

Тьма отступила. Тени ушли — не было их даже у предметов, освещенных яркой желтой луной. В тишине было слышно, как жалобно поскрипывает дом, словно вот-вот развалится. Этот последний бастион. Этот

мимолетный центр мира. Да еще где-то далеко, словно в другой реальности, улюлюкает ребенок в колыбели. Девочка. Вендари. Самка. Три женщины смотрели на нее как-то заворуженно, загипнотизировано.

— Что ты делаешь? — спросила Аламеа, когда Ясмин поднялась с кровати, держа в руках подушку.

— Эта девочка вырастет и станет монстром, — на нетвердых ногах Ясмин подошла к колыбели. — Настоящим монстром. Абсолютным злом.

— А если нет? — спросила Аламеа.

— Ты не видела то, что случилось здесь минуту назад?

— Я видела лишь мальчика-монстра, который стал стариком и рассыпался на части. Видела тьму и теней... Но теперь ничего этого нет. Только ребенок.

— Она — самка древних.

— Ну, если ты уверена в этом... — Аламеа заставила себя думать о сейфе отца и сохранившихся там сбережениях. — Она ведь твоя дочь, не моя... У меня вообще, может, никогда не будет детей... — королева вуду шагнула к выходу, остановилась, обернулась, пытаясь заглянуть Ясмин в глаза. — Я сейчас заберу из сейфа деньги и, пока уцелевшие кровососы не выбрались из своих нор, уберусь ко всем чертям с этих болот... У берега стоит лодка мальчика-монстра, так что... — Она покосилась на старую мамбо. — Если кто-то тоже хочет убраться отсюда, то...

Молчание начало напрягать. Молчание, треск неспешно заваливавшегося на бок дома да невинное, почти ангельское улюлюкание младенца. Аламеа вышла из комнаты, спустилась по шаткой лестнице. Дверь на улицу была сорвана с петель. Весь остров казался вымершим, изувеченным, словно человек, которого переехал грузовик. И нарушать тишину здесь казалось святотатством, проклятием. «Думать о деньгах. Думать о сейфе отца», — велела себе Аламеа, осторожно продвигаясь вперед. Все чувства обострились. Страх заставил поднять с земли увесистый обломок доски перед тем, как войти в покосившийся дом, где находился сейф короля вуду. Битые стекла скрипнули под ногами. Аламеа замерла, сделала еще один шаг, огляделась. Тишина. Темнота. Генераторы сгорели. Ни света, ни жизни. Еще один шаг. Дверь в кабинет отца. Сейф. Нужная комбинация заучена наизусть. Открыть тяжелую створку. Собрать деньги. «Куда, черт возьми, делись все тени?» — нервно подумала Аламеа, сдерживаясь, чтобы не выскочить из дома сломя голову. Сдерживаясь, потому что кто-то был рядом, кто-то наблюдал из темноты. Аламеа вскрикнула, вонзив обломок доски в грудь бросившегося к ней кровососа. Один удар, затем еще и еще. Неважно, чего хотел древний слуга: выпить ее кровь или попросить помощи. Сейчас все были врагами. Аламеа перешагнула через распластавшееся на полу

тело. Колени дрожали, дыхание сбито, сердце бешено колотится в груди, но рука тверда, как и желание выжить, уцелеть, сбежать.

Аламеа вышла на улицу. Темный дверной проем остался за спиной, словно пасть голодной твари, все еще мечтавшей проглотить ее. Теперь вернуться к разрушенному причалу. Лодку Фонсо прибило к берегу. Ждать Ясмин. Ждать старую мамбо... Или послать всех к черту... Каждый сам по себе. Сейчас... Всегда... Аламеа увидела мертвого аллигатора, который лежал на берегу кверху пузом. «Именно такими, наверное, и стали болота Мончак — опасными, но мертвыми», — подумала молодая королева вуду, затем увидела лодку, старую мамбо, Ясмин и... младенца на ее руках. Они ждали королеву вуду, понимая, что если бы она добралась до лодки первой, то ждать не стала бы. Или же стала? Потому что в эту ночь... в эту странную ночь... никто не хочет оставаться один.

Эпилог

Тихий океан. Острова Микронезии. Колония.

Ясмин не знала, почему выбрала этот крохотный, затерявшийся среди штормов и коралловых рифов город. Не знала она и почему бывшая королева вуду последовала за ней, открыв крошечный бар недалеко от местного аэропорта. Бар для обычных людей, с обычной выпивкой и пищей. Никаких больше кровососов, наркотиков и афродизиака. И никакого больше вуду. Хотя старая мамбо со своими оберегами, молитвами и последовала за королевой, став кухаркой в новом баре своей дочери, которая никогда не называла ее матерью, никогда не относилась, как к матери.

— Иногда проще оставить все как есть, чем пытаться что-то изменить, — сказала Аламеа лишь однажды и больше никогда не возвращалась к этому разговору.

Ясмин не возражала. Да и не нужны ей были слова, чтобы увидеть мысли бывшей королевы вуду. Мысли каждого, кто был рядом. Она не принимала кровь вендари уже несколько лет, но сверхспособности не спешили угаснуть, скорее, наоборот...

Старые слуги, вендари, Наследие, сверхлюди, дикая поросль. В первый год жизни в Микронезии Ясмин исходила остров Понпеи вдоль и поперек, чтобы убедиться в отсутствии опасности. Ничего. Никого. Только люди. Аламеа не признавалась, но Ясмин видела в ее мыслях, что бывшая королева вуду устала от мира ночи, предпочитает жить среди людей на богом забытом острове, нежели снова встречаться с необъяснимым в центрах цивилизации. Пусть все будет просто и понятно. А что касается Ясмин и ее дочери, то их Аламеа считала наименьшим злом из возможного. К тому же девочка росла и развивалась как обычный ребенок. Охранявшая ее сила ушла... или затаилась. Аламеа верила в первое. Ясмин — во второе. Ничто не рождается из пустоты и ничто не уходит в пустоту. Жизнь — это замкнутый круг. Так что прошлое может вернуться, догнать тебя и схватить за горло своей мертвой хваткой.

Всегда нужно быть начеку. Даже если в мире не осталось вендари, даже если вымерло Наследие, то где-то рядом, где-то в толпе все еще были старые слуги, охотники, сверхлюди... И кто знает, какие еще сюрпризы готовит природа?

Да, мир изменился. Он никогда не станет таким, как был прежде... Но иногда, долгими ночами во время штормов, Ясмин вглядывалась в беспокойную морскую даль и ждала, что сила, тьма, охранявшая ее дочь, вернется. Может быть, не сегодня, не завтра, но настанет день, и эта колоссальная, неизученная энергия либо вспомнит о своей хозяйке, либо осознает себя как личность... И нужно быть готовым к этому...

К О Н Е Ц

Ноябрь 2013 — декабрь 2013

Оглавление

Глава первая.	2
Глава вторая.	34
Глава третья.	68
Глава четвертая	90
Глава пятая	127
Глава шестая	147
Глава седьмая	176
Эпилог.	198